

[Polaris]

Эразм
БАТЕНИН

БРИЛЛИАНТ
КОН-И-ГУТА

Затерянные миры

Том XVIII

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CLXXIII

Salamandra P.V.V.

**Эразм
БАТЕНИН**

БРИЛЛИАНТ КОН-И-ГУТА

Роман

Затерянные миры
Том XVIII

Salamandra P.V.V.

Батенин Э. С.

Бриллиант Кон-и-Гута: Роман (Затерянные миры, т. XVIII).
– Б. м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 225 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CLXXIII).

Группа ученых и искателей приключений отправляется на поиски сокровищ в загадочной азиатской пещере Кон-и-Гут. В экспедиции участвует сметливый лондонский карманник Джонни Гарриман, случайно совершивший поразительное открытие... Роман Э. Батенина (1883-1937) впитал многочисленные древние легенды и поверья, связанные со знаменитой пещерой-рудником Кан-и-Гут в Ферганской долине. В издание также включен мемуарный очерк А. Палея.

© А. Palei, estate, мемуарный очерк, 2016

© Salamandra P.V.V., подг. текста, оформление, 2016

**БРИЛЛИАНТ
КОН-И-ГУТА**

Глава I

ЗАСЕДАНИЕ В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ

Пятнадцатилетний вор Джон Гарриман, засунув руки в дырявые карманы дырявых штанов, шел вприпрыжку, ежась от холода, по большой, ярко освещенной улице Лондона. Бледное лицо его выражало сильное утомление, щеки ввалились, глаза блестели, зубы щелкали, как у волчонка.

Вот уже два дня, как он почти ничего не ел...

С голодом он мог бы еще бороться, — это не в первый раз! Но обида!.. Обида, которую он, Гарриман, стерпеть не может... Сказать ему, что он «праздношатающийся бездельник и дармод, которого всякому надоест кормить», — сказать это ему, Джону, всю жизнь, изо дня в день, из ночи в ночь, работавшему головой, ногами и руками, — главным образом руками, — чтобы прокормить себя и этого старого дьявола Водслея!

Водслей отбирает у него полностью весь заработок, если не считать доли, остающейся в полиции, смительном доме и некоторых других местах, о которых не стоит вспоминать!..

— Баста! Он больше не будет работать на других! Если уж работать, то только на себя! К Водслею он не вернется, хотя бы ему пришлось сесть на целый год в исправительную тюрьму.

Раздумывая на эту тему и по привычке разглядывая исподлобья прохожих, главным образом, те боковые части их туловищ, к которым портные любят пришивать карманы, Гарриман мысленно сократил годовой срок тюрьмы на половину, а затем, поразмысливши немного, и еще на половину. С трехмесячным — он примирился.

— Пожалуй, в этом даже нет ничего плохого... Осень на носу, а пальцы торчат из сапог веером. Если сесть туда удачно, т. е. при помощи некоторой доли жалобных гримас и вздохов сразу же вызвать к себе сострадание, — а его не

лишены даже эти высокомерные господа с большими золочеными пуговицами! — то можно будет, во всяком случае, привести в порядок свою «кожу».

Этим наименованием Гарриман имел обыкновение называть свой гардероб.

— А человек с «кожей» — совсем другое дело!

Главное — что снаружи. Какая разница между ним, Гарриманом, и другими? Никакой. Только в «коже». Да еще разве в том случайном, хотя и неприятном обстоятельстве, что он уродился рыжим...

Так работала маленькая голова в надвинутой на уши громадной продырявленной шляпе, из-под которой торчал клоч рыжей шерсти, только издали похожей на волосы, когда ноги, которые несли эту голову в неизвестность, проходили по улицам Лондона поздним осенним днем.

Вот уже с десять минут он не терял из виду человека, который шел впереди быстрой походкой, с большой кипой бумаг под мышкой, кое-как завернутых в синюю бумагу. Все говорило за то, что этот человек находился при деле, дававшем не особенный доход. Порыжевшие перчатки, старый полосатый шарф, обернутый вокруг шеи, несмотря на теплую погоду, и все остальное далеко не носило характера свежести и доказывало, что владелец бакенбард или не при деньгах, или отличается континентальным вкусом и, по-видимому, не скоро расстанется с вещами, изделие которых носило на себе отпечаток во всяком случае не английский.

То, что привлекало Гарримана, находилось в правом кармане старенького пальто иностранца, шагавшего с уверенностью спешащего куда-то человека. Несомненно, это был кусок белого хлеба, самого обыкновенного белого хлеба в три пенса ценой. Края бумаги, в которую он был завернут, промаслились и, конечно, ни от чего другого, как от масла...

Может быть, там была также колбаса или сыр? или, может быть, кусок говядины, как это иногда делается у богатых людей? Воображение Гарримана рисовало начинку во всевозможных ее видах. При мысли о том, что в этом

отвисающем кармане может заключаться паштет из печенки, он не выдержал, и расстояние между ним и преследуемым сразу сократилось вдвое. Теперь Гарриман шел за ним следом, почти дотрагиваясь до источника своих искушений. Воспоминание о паштете, который он ел единственный раз в жизни у своего приятеля, негра Голоо, жгло его как огонь. Это было в тот памятный день, когда Голоо уложил своими кулаками в третьем раунде знаменитого американца Гоча, взял сезонное первенство в боксе и устроил по этому поводу раут для своих поклонников, веривших в его звезду. Среди них он, Гарриман, был самый искренний и самый оглушительный по выражению своего восторга.

Гарриман отлично знал разницу между так называемым порядочным человеком и не джентльменом.

— Зачем этот старик несет в кармане хлеб? Джентльмены в это время не обедают. Это — во-первых. А во-вторых, какой же джентльмен заменит обед куском простого хлеба, хотя бы даже начиненного паштетом из печенки! Может быть, это приготовлено для его собаки? Но собаки как будто нет, ее около не видно... Во всяком случае, Гарриман знает карточки всех ресторанов, вывешенные у входных дверей. О, нет! Обед! Обед есть нечто совсем другое. Обед не носят по улице. За обедом сидят, наверное, часа четыре, не меньше, может быть, даже больше, пока не съедят всего, потому что меньше, чем в четыре часа, того, что перечислено на карточке, не съесть даже Гарриману.

Между тем преследуемый человек с бакенбардами вдруг изменил направление и повернул вправо. Перед Гарриманом высилась серая громада незнакомого ему здания, почти доверху облицованного блестящим красноватым гранитом. Не было ни вывесок, ни магазинов, но окна были ярко освещены. Массивные переплеты их уходили, казалось, этаж за этажом прямо в небо. Но это как будто не был и жилой дом.

Человек с белым хлебом поднимался по пологим входным ступеням и почти уже достигал широко открытых входных дверей, в глубине которых на свету виднелисьдвигающиеся фигуры. Еще момент — и он смешался бы с

ними, и надеждам Гарримана суждено было угаснуть.

Одним броском вихрастый рыжий мальчик очутился у пасти, которая готова была поглотить объект его домогательств вместе с владельцем последнего. Проскользнуть за ним в поместительный вестибюль здания было для него делом одной секунды. Здесь, стиснутый со всех сторон массой публики, находившейся в медленном колышавшемся движении, по-видимому, в ожидании открытия громадных двустворчатых дверей в какое-то внутреннее помещение, Джон Гарриман привычным жестом, не лишенным изящества, совершил акт, называемый уголовным правом присвоением частной собственности. Вот каким образом в этот памятный день вечерняя закуска известного германского археолога г. фон Вегерта, прибывшего в Лондон для участия в торжественном заседании Королевского Географического института — нашла своего настоящего ценителя.

Перед Гарриманом расстилалась, уходя вверх на значительную высоту, белая мраморная лестница. На двух площадках ее стояли какие-то белые фигуры с крыльями за спиной, с головами, и похожими и непохожими на человеческие. Ровный молочный свет освещал лестницу и всю массу публики, спускавшуюся с нее и частью толпившуюся у подножья ее в громаднейшем полуциркульном холле.

Среди толпы Гарриман смутно разглядел служителей в темно-серых мундирах, разглядел из-за того инстинктивного страха, который всегда внушали ему сверкающие металлические пуговицы, и с радостью убедился, что на него никто не обращает пока никакого внимания.

Внезапно большие двустворчатые двери раскрылись в ярко освещенный зал. Толпа пришла в движение еще большее и, стеснившись в мощный поток, хлынула в него и лентами стала заполнять места, уходившие амфитеатром под самый потолок с блестящими хрустальными люстрами. Через мгновение Джон Гарриман был смят и притиснут к дубовой резной скамье с высокой спинкой. Впереди Гарримана был только один ряд кресел. Вся остальная публика высилась над ним, как нечто, готовое поглотить его, но

удерживаемое невидимой дисциплиной. И, о ужас! влево от него находился тот самый старик, которого он обокрал!

Расправив бакенбарды, незнакомец занялся свертком своих бумаг. Разложив их перед собой на поднятом пюпитре своего места, он медленно перебирал листы движением изящных рук и, казалось, не замечал своего маленького соседа. Только изредка легкая усмешка пробегала по опущенным углам его рта.

У Джона Гарримана застрял кусок во рту, когда он подумал о том, что только чистая случайность воспрепятствовала обкраденному заметить пропажу и ее виновника. Однако голод командовал настойчиво и решительно.

— Ешь! — властно требовал желудок.

— Спрячься! — подсказывало сознание. Но куда спрятаться?

Отщипывая концами своих грязных пальцев вожделенный хлеб, мальчишка засовывал в рот куски невероятной величины и, давясь ими, проглатывал с быстротой, которой позавидовал бы любой гастроном с катаром в желудке. Что за начинку заключала в себе булка, этого Гарриман так и не узнал. Для решения этого вопроса у него не хватило ни времени, ни спокойствия. Все было с ней покончено как раз к тому моменту, когда мелодично прозвонил где-то впереди колокольчик. Все стихло, и профессор Вергерт, закончив разборку своих бумаг, поднял глаза, равнодушно оглядел ими амфитеатр, скользнул взглядом по проекционному фонарю, стоявшему рядом с Гарриманом, и обратился весь в слух и внимание. За длинным, блестящим как зеркало овальным столом, стоявшим перед первым рядом кресел, важно восседали весьма почтенного вида лица. Это были ученые, явившиеся на внеочередное заседание Королевского Географического института для заслушивания докладов только что закончившей свои работы большой африканской этнографической экспедиции и краткого сообщения о результатах дешифрирования надписи знаменитого рокандского камня.

Гарриман, несколько успокоенный тем обстоятельством, что на него никто не обращает внимания, забился в

угол своего места у барьера и почти скрылся под попитром. Освоившись с помещением, он сдернул с себя свою шляпчонку, послуныявил ладони, примазал непокорно торчащие волосы и оглядел зал.

Внимание его занял сначала высокий господин, который встал, что-то пробормотал и снова сел за серединой того овального стола, за которым сидели седовласые ученые. Кто-то взобрался на кафедру, и до слуха Гарримана стали доноситься слова, смысла которых понять он не мог.

Монотонная речь баюкала мальчика. Усталое тело жаждало покоя. Сорокавосьмичасовое напряжение в погоне за пищей сделало свое дело. Тепло зала, сплошь наполненного людьми, разогрело иззябшее тельце. Желудок, отвыкший от пищи, начал свою работу над полученным куском хлеба. Черные глазки еще раз сверкнули под спутавшейся на них рыжей прядью, сомкнулись ресницами и потухли, как потухает блеск драгоценных камней под упавшей крышкой шкатулки.

Джон Гарриман заснул крепким сном накормленного усталого зверька.

Тем временем заседание ученого общества шло. Президент после приветствий по адресу прибывших иностранных гостей предоставил слово маленькому, невзрачному на вид ученому, шведскому антропологу Свендсену, обладавшему громовым голосом. Его доклад, носивший необычайно длинное и запутаннейшее заглавие, являлся результатом трехлетних исследований в Африке. Исключительные обобщения и выводы, которым суждено было произвести катастрофу в обычном понимании антропологических явлений ученым миром, заставили весь зал слушать его с напряженнейшим вниманием. Он говорил уже больше часа, но голос его грохотал не ослабевая. Этот незаметный человек, казалось, вырастал за своей речью. Едва ли он мог прибавить что-нибудь еще к своим ученым лаврам. Общепризнанный авторитет в нескольких научных дисциплинах, обладающий мировой известностью, этот согбенный тщедушный старичок с ярко светящимися глазами и массивным чистым лбом мыслителя должен был получить

сегодня знаменитую миллионную премию Гармониуса, которая присуждалась один раз в каждые четверть века за особо выдающиеся заслуги на научном поприще.

— Еще Гиппократ отмечал значение общего устройства организма — его конституции в возникновении и течении болезни. Он отмечал хорошую и плохую, сильную и слабую конституции: вялых, тучных, сырых, рыжеволосых он противопоставлял мускулистым, крепким, сухим и темно-волосым, — гремел профессор Свендсен. — Что касается рыжеволосых, которые нас особенно интересуют в данное время, то рыжеволосые...

Гарриман проснулся на этой фразе. Его слух, обостренно восприимчивый по характеру его профессии, воспринял с особенной ясностью упоминание о рыжеволосых.

— Что это? Уж не обо мне ли идет речь? — мелькнула мысль в его отдохнувшем мозгу. Но нет. На него по-прежнему никто не обращал внимания.

Гарриман стал слушать.

Через некоторое время докладчик кончил. Раздались нескончаемые аплодисменты. Подобного Гарриман не видел даже в тот день, когда Голоо побил этого проклятого француза в чемпионате на мировое первенство в боксе. Амфитеатр, казалось, дрожал от знаков приветствий, обращенных к этому маленькому человечку, опять ставшему незаметным.

Президент встал. За ним встали все члены, сидевшие в первом ряду в креслах. Поднялся на ноги весь зал. Автоматически поднялся с своего места и Гарриман. Президент принял из рук ученого секретаря сложенную в трубку бумагу и молча вперил свой взор в двери, бесшумно открывшиеся настежь на противоположном конце зала. На мгновение пронесся слабый рокошующий шум тысяч одновременно повернувшихся тел, и стих так же быстро, как начался. В полосе яркого света, лившегося из внезапно зажегшихся сотен ламп, на бархате ковра появился человек, сделавшийся средоточием всеобщего внимания. Гарриман с своего места видел его ясно.

Король!..

Все внимание Гарримана сосредоточилось на короле.

— Так вот он какой! Король!.. Ничего, впрочем, особенного. Человек, как человек.

Президент в сопровождении еще двух лиц, сидевших до того за овальным столом перед Гарриманом, медленной размеренной походкой двинулся навстречу.

Как раз у места Гарримана президент и король, каждый со своей свитой, один — с ученой, другой — с придворной, остановились, и первый из них произнес:

— Ваше величество! Королевский Географический институт имеет счастье приветствовать своего почетного президента и благодарить за то внимание и заботы, которые ваше величество просвещенно уделяете институту. Профессор Свендсен закончил свой доклад. Разрешите, ваше величество, передать вам патент для вручения докладчику сегодняшнего чрезвычайного собрания и ордер на его имя в сто тысяч фунтов, подлежащих выплате государственным казначейством в качестве премии Гармониуса за особо выдающиеся заслуги на ученом поприще. Заседание продолжается под председательством вашего величества.

Король принял бумаги из рук президента, подал руку ему и двинулся к президентскому месту. Заняв его, он сказал:

— Сэр! В вашей достойной особе я приветствую институт и благодарю за выраженные мне чувства. Профессор Свендсен, я очень счастлив передать вам от лица английской науки то восхищенное удивление, которое она испытывает перед вами и вашими заслугами.

Росчерком пера король подписал ордер и, вручая его ученому, добавил:

— Я очень жалею, что не имел возможности выслушать ваше сообщение, но очень рад, что могу вас лично приветствовать. Я надеюсь, что и в новом двадцатипятилетии ваш ум и талант, делающие вас по общему признанию равным знаменитейшим мыслителям всех времен и народов, будут обогащать нашу жизнь, историю и происхождение которой мы, благодаря вам, узнали в такой совершенной ясности. Сэр, поздравляю вас.

С этими словами король сел на председательское место и стал аплодировать счастливому избраннику.

Зал вновь огласился шумными рукоплесканиями.

Свендсен слушал короля, склонив на бок свою маленькую голову с выпуклым наподобие щита лбом и прищулив левый глаз. В руке он вертел трубку с патентом и ордер на сто тысяч фунтов. Ему вспомнился его дом в Стокгольме, его старая жена, подруга всей его жизни, весь уют ученого, который видел жизнь только тогда, когда она сталкивалась с ним вплотную, как, например, в этой последней его африканской экспедиции. У него было все, что нужно для безбедного существования вдвоем, — он был бездетен. Его личные потребности были незначительны. Его гонорара за те многочисленные ученые работы, которые он печатал, и за университетские лекции хватало с излишком на покрытие всех его расходов. С того дня, как он узнал о присуждении ему премии, это невероятное количество денег, которое он приобрел для себя столь неожиданно, гнетуще отзывалось на его психике. Он не нуждался в деньгах, он их боялся. Ни он, ни его жена не могли бы распорядиться ими, как следует. В его руках эти деньги были бы только обузой, помехой к счастливому существованию на склоне дней.

Моментально он решил.

— Ваше величество! — сказал Свендсен, поднимая голову. — Я вас выслушал, но я с вами позволю себе не согласиться.

По залу пробежал ропот изумления, вызванный столь несвойственной в Англии прямой, с которой этот знаменитый, увенчанный лаврами человек обратился к королю.

Король сделал движение. Президент напряженно наклонился над столом. Зал замер.

— Да, я с вами не согласен, ваше величество. Английская нация делает мне подарок, который я принять не могу. Этот подарок не по мне, он не соответствует моим силам, моему положению, характеру жизни.

— Вот так штука, — подумал Гарриман. — Никак старик откажется от ста тысяч фунтов?!

— Мне семьдесят два года, и, следовательно, дни мои сочтены. Разрешите же мне просить принять от меня обратно эти деньги и отдать их в руки более молодые. Я полагаю, что в руках молодого ученого — столь большой капитал может найти более целесообразное применение.

— Сэр, — возразил король. — Ваш отказ не предусмотрен статутом премии Гармониуса. Вам придется указать точные условия, которые вы ставите для того, чтобы можно было вручить премию достойному лицу.

— Прекрасно, ваше величество.

Свендсен на секунду закрыл глаза рукой.

— Я прошу вручить сто тысяч фунтов тому лицу, которое дешифрирует надпись на знаменитом рокандском камне. Это не сделано со времен Шамполлиона. Это нужно, наконец, сделать! И это сделать тем своевременнее, что вопрос об этом камне является очередным вопросом сегодняшнего заседания.

Президент досадливо наклонился к столу секретаря и сказал.

— Акт к подписи.

Через несколько минут акт, составленный в смысле заявления Свендсена, был написан, подписан президентом и Свендсеном и скреплен печатью Географического института.

Секретарь встал с своего места и прочитал документ, оглашавший во всеобщее сведение, что премия Гармониуса, присужденная Королевским Географическим институтом профессору антропологии и этнографии Артуру Свендсену из Стокгольма, согласно его воле, поступает в собственность того лица, которое дешифрирует надпись рокандского камня.

Тем временем фон Вегерт успел рассмотреть Гарримана.

Внимание ученого было привлечено к столь необычному соседу уже в тот момент, когда чувство голода заставило последнего пересмотреть вопрос о праве собственности на известный нам предмет.

Ученый никак не мог решить, каким образом этот маленький оборванец, типичный деклассированный представитель улицы, попал в Географический институт? Выпуклый красивый лоб мальчика, его пронизательные, ясные глаза, чуть раскосые, весь овал нервного, впечатлительного лица, форма головы, уравновешенной и благородной, прекрасная линия рта с полоской блестящих зубов молодого хищника, отлично очерченные и поставленные уши, крепкий затылок, пальцы рук, сухощавые, удлиненные, великоленные, несмотря на грязь, их покрывавшую, — все это невольно обращало на себя внимание.

Вдруг голос президента вывел его из задумчивости.

— Мы приступаем к вопросу о рокандском камне. Господин ученый секретарь! Я прошу огласить результаты исследования. Осветите их в общих чертах.

Вот что сообщил м-р Резерфорд, ученый секретарь Королевского Географического института.

— В 1796 г. в Британский музей был доставлен английским путешественником Гутчисоном камень, одна сторона которого покрыта надписью в три строки. Эта надпись сразу привлекла к себе внимание ученых, однако трудности дешифрирования ее увеличивались, казалось, с каждой попыткой, предпринимавшейся учеными разных стран. Сам Шамполлион приезжал из Парижа для осмотра камня, долго разбирал таинственные знаки, но разобрать их не смог.

В прошлом году по инициативе Королевского Географического института вопрос был поставлен снова.

К обсуждению его были привлечены следующие специалисты: лингвист профессор Медведев из России, археолог профессор фон Вегерт из Германии, профессор Морган из Аргентины, директор Восточного института м-р Шедит-Хуземи, лектор иранских языков, доктор филологии Иоганн Краузе из Геттингена, известный знаток древнееврейского языка, погибший при столь загадочных, как вы знаете, обстоятельствах, м-р Тартаковер, также погибший, вернее, пропавший без вести во время своего путешествия по Роканду, профессор Мадридского университета Пабло Рибейро и, наконец, наш соотечественник, почетный член инс-

титута профессор Бонзельс, возглавивший комиссию.

Ученый секретарь сделал легкий полупоклон в сторону знаменитого собрата.

— Непременным секретарем этой комиссии по дешифрованию надписи рокандского камня был назначен я.

Нажатием кнопки у стола был потушен свет. Пропитанные особым химическим составом занавесы на больших окнах сделали темноту непроницаемой.

Все насторожились.

Гарриман наострил уши, заинтересованный сообщением.

И вот на огромном экране появилось светящееся изображение рокандского камня.

Глава II

ТАЙНА РОКАНДСКОГО КАМНЯ

Тихим, ровным голосом среди напряженного внимания слушателей м-р Резерфорд продолжал говорить.

Гарриман слушал зачарованный, как во сне, ладонями рук зажав доску своего пюпитра.

Шляпа съехала на затылок. Все было забыто.

Он видел только спокойное лицо ученого, рассказывавшего необыкновенную историю, и яркое пятно сзади него, на экране — изображение таинственного камня.

— Как всем известно, несколько лет тому назад, как раз в день открытия комиссии, рокандский камень из музея исчез. Протокол, составленный тогда же администрацией музея в присутствии чинов наружной и тайной полиции, гласит, что витрина N 5-A в зале Древнейшего Востока, где хранился камень, пуста. Стекла и замок витрины целы и не носят видимых следов взлома. Тщательным образом, через увеличительное стекло, были осмотрены места скрепов стекол, но не было обнаружено ничего особенного. Опрошенные сторожа этого зала и прочие низший служеб-

ный персонал музея не заметили ничего подозрительного. Сами они были вне всякого подозрения, да и зачем бы им понадобился этот камень, не представлявший никакой ценности, кроме чисто научной?

— Скажите, пожалуйста, м-р Резерфорд, — прервал король, — где был найден этот камень Гутчисоном? Кажется, Гутчисон шел по тем местам с военным отрядом, сбившимся с пути?

— Да. Гутчисон не оставил никаких письменных документов. Однако, среди бумаг этого путешественника, кои вместе с его коллекциями хранятся в нашем институте, имеется записка такого содержания:

Восточная долгота от Гринвича 4-41-43.

Сары-Яз. Глухое место. Вход в пещеру, похожий на туннель.

Эта записка, написанная на обрывке бумаги, вклеена в записную книжку, следующая страница которой содержит копию надписи. Гутчисон сделал ее от руки химическим карандашом.

— Имеется ли дубликат украденного камня?

— Британский музей дублирует предметы только по заказу других ученых учреждений. Такого заказа не было. Камень дубликата не имеет.

— Почему же предполагают, что вклеенный Гутчисоном в свою записную книжку листок относится к камню?

— Имеется фотографический снимок с камня. Он находился до сего времени в частных руках. Снимок сделан археологом, профессором фон Вегертом, находящимся среди нас. Профессор фон Вегерт предоставил ныне негатив этого снимка в распоряжение института. Именно по этому негативу сделан наш диапозитив. Благодаря этому обстоятельству мы можем удостовериться, — и секретарь показал на светившийся экран, — что запись Гутчисона действительно скопирована им с камня.

При этих словах сосед Гарримана взялся за свои бумаги. Гарриман увидел, как он осторожно высвободил из тонкой картонной коробки, выложенной внутри ватой, стек-

ло. Осторожно взяв его за края, он поднял его в уровень глаз, посмотрел и положил перед собой. Очевидно, это был негатив, о котором говорил Резерфорд.

— Вот, в кратких словах, как представляется дело в отношении рокандского камня. Так как, за исключением двух покойных членов комиссии по дешифрированию надписи камня, все остальные члены ее здесь присутствуют, я оставляю в стороне изложение результатов работ комиссии, о которых мы услышим от уважаемого председателя ее, профессора Бонзельса, и перехожу к изложению другой части вопроса.

Однако, так как раскрытию этой другой стороны дела мы обязаны профессору фон Вегерту, то, может быть, его величеству угодно будет пригласить здесь присутствующего уважаемого сочлена сделать непосредственное сообщение?

Король наклонил голову в знак согласия, и президент обратился к фон Вегерту.

— Господин профессор фон Вегерт! Его величество просит вас не отказать лично доложить ваши изыскания, относящиеся к рокандскому камню.

Сосед Гарримана поднялся с своего места, вперил свой прямой и спокойный взгляд на сверкавшую перед ним на стене таинственную надпись и сказал на ломанном английском языке:

— В моей долгой жизни, ваше величество, господин президент и господа члены Королевского Географического института, не было еще научного вопроса, столь сложного и вместе с тем столь странного, как этот вопрос о совершенно невероятной пропаже из музея камня, казалось бы, не представляющего никакой ценности, тем более, что надпись его не была прочитана. Это заставляет меня предполагать, что вопрос поддается разрешению труднее, чем мы думали раньше.

Фон Вегерт приостановился.

— Я позволяю себе вкратце указать на следующее... Во-первых, для меня представляется особо убедительным соображение, что рокандский камень, точнее — надпись, ко-

торуую он содержит, не представляет только археологического или лингвистического интереса. Камень имеет интерес актуальный. Только потому он и похищен. Во-вторых, похищение его связано с тем местом, где камень был найден Гутчисоном.

— Это место более или менее точно определено, — сказал президент, — хотя Гутчисон и не отметил в своей записной книжке географическую широту пункта.

— Мне известно, — продолжал фон Вегерт, — что были сделаны попытки к такому определению; однако, я настаиваю на том обстоятельстве, что на указанной Гутчисоном долготе находится несколько пунктов, которые именуются Сары-Яз.

Кто-то из сидевших сбоку стола произнес:

— В Центральной Азии это обыкновенное явление — одноименные названия местностей. Туземцы различают их по произношению и акцентации. Но... наши географические карты!

— Вот именно! Поэтому единственным способом, который может разрешить недоумение, могла бы явиться только специальная экспедиция с определенной задачей — выяснить на месте занимающий нас вопрос.

Занимаясь исследованиями в Египте, я работал одно время в Каирской восточной библиотеке. Там, просматривая порыжевшие от древности листы пергамента, исписанные калемом, я нашел арабские письмена, остановившие мое внимание. Упоминание местности, о которой шла речь в указанном манускрипте, заставило меня углубиться в тщательное рассмотрение и исследование манускрипта. И ныне я полагаю, что, благодаря этому обстоятельству, один из ключей вопроса о рокандском камне, может быть, самый важный, в наших руках.

Фон Вегерт вынул из своей связки листок, весьма экононого размера, исписанный вдоль и поперек.

— Автором этого манускрипта является Абу-Али-аль-Хусейн-ибн Сина или, как его называют иначе, Авиценна, знаменитый мыслитель и общественный деятель древности,

по профессии врач. Он родился в 980 году в Афшеме, близ Бухары; умер в 1037 году в Хамадане, в Персии.

Я привожу здесь и даты, чтобы подчеркнуть древность записанной им легенды, и прошу также обратить внимание, господа, на место его рождения, — многозначительно произнес фон-Вегерт.

Этот пункт дает нам в цепи наших умозаключений возможность понять, почему Авиценна так заинтересовался излагаемым с такими подробностями эпизодом в своем сказании.

Вот точный перевод документа, у которого не хватает верхней его части. По-видимому, она погибла, найти ее я не смог.

Фон-Вегерт прочел:

Мудрецы скрыли драгоценности в разных местах, и завладеть этими богатствами нелегко. Так, например, в стране Маваранахра есть город, лежащий среди гор, по имени Фара. В его окрестностях есть местность, именуемая Гут. В этом месте скрыто огромное сокровище, но на него наложено заклятие.

Если какой-нибудь человек захочет попасть сюда, найти сокровища и взять часть их, — ибо все взять невозможно — так их много, — то должен сговориться с несколькими лицами и, имея с собой некоторые предметы...

Фон-Вегерт остановился.

— В этом месте манускрипт порван, и мне не удалось установить, о каких предметах говорит Авиценна. Дальнейший текст гласит:

Предприятие свое надо держать в тайне.

Слова «в тайне» написаны три раза. По-видимому, автор придает тайне весьма большое значение.

Тогда избежишь зла от дурных людей. Идя туда скрытно, идишь к ущелью. У входа дунь направо и налево и начни читать стих Корана «Престол», 2 гл., 256 стих: «Бог есть Бог единый. Нет другого, кроме него, живого, неизменного. Все, находящееся

на небесах и на земле, принадлежит ему. Он знает, что впереди, что позади, и люди не получают познания кроме того, которое он соизволит дать им». Этот стих следует читать двенадцать раз, а потом остановиться и посмотреть пол ноги. Тут увидишь у ног своих камень с надписью. Сядь у камня и старайся понять, что на нем из-бражено. Когда поймешь, встань и иди. Вскоре увидишь тысячу куполообразных зал и четыре тысячи дорог. Тогда иди прямо, читая Суру-фатиху.

Прочтя Суру-фатиху, сверни вправо, если хочешь быть все-знающим, или влево сверни, если хочешь быть всемогущим, но прямо не ходи. Пойдешь ли влево, пойдешь ли вправо — увидишь на многих поворотах этих путей «талисманы».

Не страшись этих «талисманов», — продолжал чтение фон Вегерт, — входи, в какое отверстие захочешь. Входя, сделай у начала пути своего отметку, дабы не заплутаться на обратном пути. И таким образом поступай все время. Входящий не должен брать с собой пищи или воды, ибо не почувствует ни голода, ни жажды, но светильник и канаты взять с собой он должен.

Выбрав путь, следуй только по нему, но не осматривай других дорог, дабы не потерять сил от утомления.

Итак, когда ты, о человек! выбрав правильный путь, начнешь следовать по нему, то дунь направо и налево и, пока прочтешь стих из Корана «Престол» тридцать и еще тридцать раз подряд, увидишь плиту с письменами. Поразмысли хорошенько над ней — поймешь нечто. А потом поступай согласно этому.

Когда увидишь блестящий чертог, не удивляйся. Когда увидишь нескольких людей с мечами и кинжалами — не пугайся. Это «талисманы». Не подходи к ним близко. В том месте есть галерея. Там стоит человек, держащий в одной руке лук, в другой меч. Не подходи к нему близко. С одной стороны подойдешь к нему — умрешь от стрелы, с другой — от меча. Сзади этого «талисмана» увидишь вновь плиту с письменами. Прочти ее и поступи *наоборот*, как она указывает. Миновав это место и совершив несколько трудных переходов, выйдешь к озеру. И здесь благо-разумно потуши свой светильник, ибо всякий камень тут даст тебе свет. Возьми с собой несколько и иди при их свете. От того места пройдешь сто шагов — увидишь гору, дорога твоя станет тесная и узкая. Ступай здесь с всевозможной осторожностью. А как увидишь спящего верблюда — подходи к нему смело и вынь у него глаза. Они блестят, как алмазы. Продолжай путь, держа глаза в правой и левой руке.

Вскоре увидишь ограду из золота и серебра. Здесь лежит третья плита с письменами, под деревьями. Если поймешь, что там написано, овладеешь искомым сокровищем. Но помни одно: приближаясь к последнему месту, крепко заткни нос и уши свои, иначе упадешь без чувств от аромата, который столь сильно распространяют цветы растений этого места. К самому высокому из них подойди, прицепи к нему веревку и вытащи вдвоем. Вырвать его рукой нельзя. Когда корни растения выйдут из земли, ты сделаешься человеком божьим, и семь отделений неба и земли, престол, рай и ад покажутся тебе на конце ногтя. Если вынесешь корни растения наружу, то прекрасный аромат их наполнит благоуханием мир. И душа всякого человека, до которого донесется этот запах, получит удовлетворение.

Фон Вегерт опустил листок и замолчал.

Царила мертвая тишина, и только вздох очарованного легендой Гарримана, не смогшего скрыть своего волнения, нарушил ее.

— Таков рассказ Авиценны. Я привел эту легенду полностью, — произнес фон Вегерт, — ибо расшифровать ее столь же важно, сколь важно расшифровать рокандский камень, ибо *первый камень с надписью, о котором говорит легенда, и есть рокандский камень*. Здесь ключ ко всему.

Фон Вегерт окончил свою речь.

Как и раньше, молчание прервал король.

— От легенды веет Востоком! Такое обилие молитв, талисманов...

Сидевший около него маленький подвижный человек в двойных очках с большими стеклами, известный филолог доктор Краузе из Геттингена, провел рукой по голому черепу и произнес:

— Я поддерживаю точку зрения фон Вегерта. Я напомню высказанное мною еще на наших первых заседаниях, посвященных рокандскому камню, мнение, что молитвы — это не что иное, как измерение времени, потребного для прохождения определенного участка пути.

— Как так? — спросил король удивленно.

— Очень просто. Авиценна записал в сущности то, что было в его время уже легендой. Едва ли он мог ее прове-

рять работой на месте. Впрочем, это не исключение, так как из его биографии мы знаем, что он мог быть в этих местах, — ведь он родился недалеко от Бухары, а Роканд в древности граничил с нею. Итак, *Авиценна записал предание.*

По-видимому, он записал его дословно, придавая значение каждому слову. Если мы также придадим значение каждому слову этого документа, то убедимся, что здесь, ваше величество, пахнет не одним только ароматом Востока! Документ вполне точно предлагает древнему исследователю подземных пустот, в глубине которых скрываются какие-то сокровища, двигаться вперед *размерно*.

В документе своего рода шифр. Читая определенную молитву или стих из Корана определенное число раз и пройдешь определенное количество пути. Вот и все. Это своего рода масштаб времени.

— Следовательно, можно высчитать время, необходимое для прохождения пути? — своим громовым голосом задал вопрос Свендсен.

— Конечно, — ответил Краузе. — Но только для пути правого и левого. О центральном ходе документ, по моему мнению, не говорит. Кроме того, можно сделать и еще заключение, а именно: и правый и левый ходы по длине одинаковы.

В разговор вмешался новый ученый. С огромной шапкой седеющих волос на голове, с лицом римского патриция, он размашистым жестом сразу же привлек к себе всеобщее внимание.

На великолепном английском языке этот ученый произнес только несколько фраз. Манера, с которой он вступил в беседу ученых, не оставляла сомнений, что это русский. Только русский говорит коротко и значительно и при том одинаково превосходно на любом из европейских языков. Это был профессор Медведев, известный русский лингвист.

— Я изучал вопрос на месте, т. е. в Азии. К сожалению, я не мог установить происхождения слова «Маваранахра», т. е. той стороны, где по словам рукописи Авиценны нахо-

дится город Фара и местность Гут, но зато я установил, что значит наименование Фара и Гут. Фара не что иное, как нынешняя Исфара, давно погибшее в песках селение, расположенное на высохшем русле одноименной реки. Гут — знаменитая пещера, находящаяся в горах этой местности, именуемая ныне Кон-и-Гут, что значит — рудник исчезновения или гибели. Пустыня и горы служили до сих пор преградой для достижения этого места. Кон-и-Гут — последняя пядь земли, по которой еще не ступала нога европейца.

Я докладываю об этом, может быть, несколько невпопад, но мне хотелось бы уточнить вопрос. Затем я считаю необходимым отметить, что образное изложение легенды Авиценны поддается толкованию в тех местах, которые до сих пор не остановили еще внимания. Я говорю о светящихся камнях у подземного озера и о светящихся глазах верблюда — во-первых, и во-вторых — о необходимости *затыкать уши и нос*, приближаясь к каким-то растениям в глубине правого и левого ходов пещеры.

Светящиеся камни и глаза — это, может быть, фосфор, который способен заменить светильник, опасность которого предусмотрена во избежание взрыва газов. Закрытие носа и ушей вызвано этим же обстоятельством. Древним противогазовые маски были ведь неизвестны!

Раздалось несколько восклицаний, два-три человека наклонились и о чем-то стали совещаться. Можно было слышать отдельные возгласы:

— Это подвигает нас вперед...

— Но ведь профессор Шедит-Хуземи, которому было поручено в свое время выяснение значения этих трех слов, категорически указал на их необъяснимость!

Человек с неприятным сухим лицом азиатского склада, тонкий и сдержанный, поднялся с своего места и произнес:

— То, что не удалось мне, удалось профессору Медведеву. Я буду очень рад, если его объяснение окажет делу пользу. Однако, я думаю, — и голос его внезапно зазвучал

непонятной угрозой, — что это толкование может нас направить на гибельный путь.

Больше он не произнес ни слова.

Из-под тонких дугообразных бровей Шедит-Хуземи метнул горящий взгляд. Но это было одно мгновение. Медвед со спокойной улыбкой скрестил с ним шпагу ученого. Было очевидно, что он задел самолюбие ученейшего восточного собрата.

Шедит-Хуземи сел и опустил голову.

Президент оглядел сидевших за овальным столом ученых и спросил:

— Угодно ли еще кому-нибудь высказаться по данному вопросу?

Все промолчали.

— Тогда я формулирую наши выводы. В глубине Центральной Азии, на линии восточной долготы 4 часа 41 минуты 43 секунды от Гринвича, в глухом месте, именуемом Сары-Яз, недалеко от древнего, засыпанного песками селения Исфара, по руслу реки того же имени имеется пещера, вероятно, бывшая в давние времена рудником, по имени Кон-и-Гут, что значит рудник исчезновения или гибели. Древняя легенда, записанная арабским писателем Авиценной, указывает на то обстоятельство, что данная подземная пустота имеет три галереи, из которых левая и правая содержат в себе скрытые там неизвестными лицами, именуемыми автором «мудрецами», сокровища. Что это за сокровища — неизвестно. Авиценна рекомендует исследователям этой пещеры иметь при себе специальные инструменты и светильник, подлежащий впоследствии замене какими-то светящимися камнями, возможно, фосфором. Равно, он своеобразно отмечает опасности пути, возникающие от каких-то «талисманов», т. е. предметов, имеющих человеческое обличье и способных причинить исследователю даже смерть.

Остается дешифрирование надписи рокандского камня.

С решением этой задачи новые участники предполагаемой экспедиции получают в свои руки все возможные данные,

которые установлены благодаря указаниям работавших над вопросом ученых.

В этот момент в лихорадочно работавшем мозгу Гарримана пронеслась мысль о том, что еще никто не сказал ничего по поводу сокровищ, которые находятся в глубине этой таинственной пещеры.

— Но что же это за сокровища?

И внезапно, под наитием силы своей молодой стремительной фантазии, Гарриман воскликнул так громко, как будто он находился не в Королевском Географическом институте, а на матче в бокс:

— Но что же это за сокровища?

Высокий голосок оборванного мальчишки звонко раздался в залитом огнями зале. Король откинулся на спинку кресла и вперил свой взор в Гарримана. Ученые, сидевшие к нему спиной, обернулись и с нескрываемым удивлением разглядывали грязное оборванное существо, стоявшее у пюпитра со скомканной шляпой в руке и сверкающими глазами.

Фон Вегерт молча пригнул мальчика за плечи к скамье и быстро шепотом произнес:

— Тише, мальчуган. Вот вам вторая булка. Жуйте ее и молчите.

Гарриман, красный от волнения, задыхающийся от волновавших его мыслей и чувств, покорно сжался и почти скрылся с головой на своем месте под пюпитром.

— Так, значит, он заметил, что я утащил у него его пакет, — медленно стала просачиваться мысль в его мозг.

В руке своей он ощущал новый хлебец, подобный тому, который он уже съел, но хлебец, так легко и свободно ему доставшийся, уже не возбуждал в нем интереса.

На вопрос Гарримана ответил русский профессор Медведев.

— Вопрос поставлен молодым джентльменом своевременно. Я полагаю, что в те времена, когда войска Великого Александра шли по реке Исфаре завоевывать Роканд, хан Роканда и все его население, бежавшее от грозных полчищ врагов в горы и пустынные места, сделали из Кон-и-Гута

хранилище, в котором ими были спрятаны наиболее драгоценные предметы из их имущества. Но я сознаю, что это только половина возможного решения задачи. Неясно, что заключено под корнями другого растения, в другом ходе Кон-и-Гута. Все это суждено узнать будущей экспедиции.

— Если позволит судьба, — как будто про себя произнес Шедит-Хуземи.

При начавшемся снова обмене мыслями среди ученых, фон Вегерт, наклонившись к Гарриману, сказал:

— Как вы здесь очутились? Расскажите мне тихонько, кто вы такой?

— Я — Гарриман, — ответил мальчик.

— Так. Как ваше имя?

— Джон.

— Вы очень голодны?

— Теперь не очень.

— Вы часто бываете голодным?

— Днем почти всегда, а ночью всегда.

— Где вы живете?

— Теперь нигде.

— А раньше?

— Раньше у Водслея.

— Кто это Водслей?

— Он торгует старым платьем на Нижнем рынке.

— Вы торгуете вместе с ним?

— Нет, я занимаюсь другим делом.

Смутное подозрение опасности такого допроса всколыхнуло было все существо Гарримана, но симпатия к этому столь строгому по виду человеку с живыми, ласковыми глазами пересилила недоверие. Гарриман окинул фон Вегерта быстрым взглядом и улыбнулся.

— По-видимому, вы попрошайничаете? — продолжал фон Вегерт.

— О, нет! — воскликнул Гарриман. — То, что я делаю, и хуже и лучше этого.

— Так что же вы делаете?

— Я... вор, сэр.

Фон Вегерт откинулся на мгновение, но затем лицо его приняло прежнее выражение спокойствия и доброты. Он спросил:

— Значит, вы попали сюда исключительно из-за меня?

— Да, сэр.

Шепот собеседников стих. В зале царили молчание и тишина. На экране вновь заблестело изображение таинственного камня.

Был слышен низкий внятный голос Резерфорда.

Фон Вегерт оперся подбородком о ладони рук и стал слушать.

Гарриман, охваченный волнением, возросшим от беседы с обкраденным им человеком, все же не мог оторвать своих глаз от экрана.

Резерфорд говорил:

— Профессор Бонзельс первым произвел подсчет всех отличающихся друг от друга знаков в этих письменах и определил их число в восемьдесят одно. При этом он высказался не в пользу их чисто звукового значения. Тем не менее, он предположил, что группы верхней строки, как будто заключенные в овальные рамки, от которых остался только видимый след в форме горизонтальных линий, идущих под текстом, служат для передачи собственных имен. Профессор Бонзельс не высказал иных соображений и не предложил своего варианта перевода. Прочие члены комиссии, — продолжал Резерфорд, — занялись филологической разработкой надписи.

Гарриман слушал, ничего не понимая.

Чудесная сказка перестала действовать на воображение. Маленький пытливый мозг старался проникнуть в смысл выслушанного, но мысли, как резиновый мяч, отскакивали от ученой брони, в которую одела эту сказку действительность.

Вдруг Бонзельс, самый древний на вид из членов этого круглого стола ученых, сидевший к Гарриману спиной, взмахнул рукой. Все насторожились.

Резерфорд вопросительно замолчал.

— В Obeliscus Pamphilus, — воскликнул Бонзельс, — три определенных имени: «Цезарь-Домициан-Август» переданы фантазером Кирхером в 1650 году настолько туманной фразой, что великий Шамполлион, воспроизведя ее, как курьез, предупреждает всех своих последователей, а, следовательно, и нас с вами не толковать вкривь и вкось древние надписи на камнях, вычитывая из них при помощи своего воображения то морально-политические рассуждения, то псалмы Давидовы, то еще что-нибудь, ничего общего не имеющего с действительностью.

Бонзельс саркастически засмеялся и ударил ладонью по столу.

— Поэтому я и не осмелился проделывать над рокандским камнем таких манипуляций, которые не укладываются в рамки истинного научного метода. С другой стороны, тут, по моему мнению, не поможет и научный метод. К рокандскому камню надо просто подойти, просто на него взглянуть и просто разгадать его тайну. Я провел свою жизнь над дешифрованием такого рода памятников и утверждаю, что... как бы это сказать... здесь для разгадки вопроса нужен простой здравый смысл! Только! Я бы предложил выставить камень на улице, от любого прохожего можно ждать больше пользы в этом деле, чем от нас, — добавил Бонзельс заглушенным ворчливым голосом.

Старый ученый замолчал и потом сказал:

— Этот камень стал у нас поперек горла. Надо признаться, что мы им подавились.

Раздались восклицания.

Несколько человек рассмеялось.

— Не смейтесь, — добавил Бонзельс. — Вы увидите, что я прав. Мы не прочитали этой дьявольщины. Это фантазия, что камень исписан по-арабски, да еще, как утверждал м-р Шедит-Хуземи, куфическим шрифтом.

— Но ведь сто лет тому назад все виды египетского, например, письма были недоступны пониманию, — произнес король, — пока наш Юнг и затем француз Шамполлион не открыли нам...

— День 28-го сентября 1822 года — день Шамполлиона, единственно Шамполлиона, — перебил его Бонзельс.

Все улыбнулись.

— Известно, — докторальным тоном процедил сквозь зубы геттингентский филолог Краузе, — что сознание истины озарило Шамполлиона, так сказать, мгновенно, в такой момент, когда методическая разработка его научных построений сильно отвлекала его от прямого пути. Об этом можно иметь сведения в предисловии Мейера к биографии Шамполлиона, написанной Гартлебенем.

Бонзельс покосился на своего ученого собрата и проворчал:

— Вот именно. Гартлебен пишет, кроме того, что едва Шамполлион произнес вслух прочитанные иероглифы, как упал в глубокий обморок, длившийся пять дней. Вероятно, мы обойдемся без обморока, так как надписи рокандского камня мы не прочитаем.

Краузе поправил очки и покраснел.

Резерфорд огляделся и, увидев, что смех затих, по знаку короля продолжал:

— Благодаря любезному, только что сделанному сообщению профессора Бонзельса, мы самым точным образом узнали, как обстоит дело на одном фланге исследовательской работы. Справедливость заставляет, однако, сказать, что существует мнение, противоположное только что высказанному мнению, резко отрицательного характера. Во главе этой группы ученых стоит м-р Шедит-Хуземи, которому принадлежит честь прочтения первой строки надписи.

— Сомнительная честь, — пробормотал Бонзельс настолько громко, что его фразу расслышал даже Гарриман.

В голове мальчика кое-что между тем уже прояснилось. Так, он понял из происшедших препирательств, что надпись на камне до сих пор не прочитана. Он понял также слова Бонзельса, как утверждение того обстоятельства, что под луной совершаются иногда странные вещи и что у знаменитейших ученых, собравшихся сюда со всего, казалось, света, так же мало шансов получить премию Свендсена в сто тысяч фунтов стерлингов, как и у самого Гарри-

мана. Он взглядывал по временам на экран, и в мозгу его рисовались далекие горы. Он видел себя взбирающимся по скале к отверстию, зиявшему открытой пастью мертвого зверя. Он двигался по переходам галерей подземного безмолвного царства и вместо мусульманских молитв, предписанных Авиценной, читал про себя отрывки священных текстов, пополам с собственными измышлениями, уцелевших каким-то образом в его памяти из ему неизвестного раннего детства. Надпись его гипнотизировала. Центральное место ее, где какие-то знаки напоминали верблюда, особенно привлекало его внимание. В мозгу цеплялись обрывки фраз Резерфорда.

— Что такое сказал Авиценна о верблюде? Может быть, эта буква и есть верблюд Авиценны?

И он пытливо продолжал рассматривать надпись, особенно центр ее, где так рельефно выступало изображение верблюда.

Ему хотелось все это громко выкрикнуть, но мысль была не ясна, невысказанные фразы сбивались в кучу, в которой не было иерархии идей. Молодой сильный мозг мальчика находился в лихорадочном состоянии.

На лбу Гарримана проступили капельки пота, как роса на чашечке молодого цветка. По временам он облизывал свой пересохший рот.

Теперь говорил стройный, худощавый, с очень смуглым лицом ученый. Это был профессор Морган из Аргентины.

— Покойные Тартаковер и Пабло Рибейро работали вместе со мной над первой строчкой надписи. По нашему единогласному мнению, первые строчки представляют собой стих Корана: «Кому в этот день Суда будет принадлежать царская власть».

Однако, профессор Тартаковер, определенно указавший, между прочим, что надпись не имеет ничего общего с древнееврейским языком, специалистом по которому он был, счел возможным предложить и другую транскрипцию, а именно: в письме, написанном ко мне уже после закрытия работ комиссии, он дал такой текст первой строки: «Кто жаждет сокровищ, тот пусть во имя Бога, единого, гроз-

ного». Слова «жаждет сокровищ» он заменил потом более осторожным выражением: «ищет власти».

Таким образом, получается 16 стих, 40 глава Корана.

— Вот видите, — произнес Бонзельс, — никакой устойчивости в умозаключениях!

Да, меня тогда это очень удивило. Я передал ему просьбу коллег о разработке следующих строк. Тартаковер в скором времени прислал перевод, который я сейчас прочту.

Он порылся в портфеле, нашел нужное место в бумагах и прочел:

— Вторая строка:

С чистотой душевной возьми канат крепкий.

Третья строка:

Копай в расщелине. Это и есть тайна пещеры.

— Ха-ха-ха, — рассмеялся хриплым, старческим смехом Бонзельс. — Это действительно изумительный полет фантазии! Да простит меня милейший Тартаковер! На ведь он не знал арабского языка, перевод ему делал кто-то другой! Я напомним, что покойный был приглашен в комиссию потому, что преподаватель арабского языка в каирском медресе Мудалис прочитать текста не смог и сделал предположение, что он написан на древнееврейском языке.

— Можно ли хотя бы установить, к какому веку относится эта надпись? — несколько насмешливо спросил король.

— Да, — ответил русский. — Я считаю, что камень можно датировать концом IV или началом V века Геджры, по нашему — X веком. Я нашел на реке Исфаре, т. е. в области нас интересующего места, надпись на скале, написанную кувфическим шрифтом на арабском языке, на котором обозначен был 410 г. Геджры.

Я сужу по аналогии. Кроме того, то обстоятельство, что Авиценна жил около того же времени, подкрепляет мою мысль.

Бонзельс проворчал:

— Ну, с этим можно еще согласиться.

Морган продолжал:

— Я должен также привести предположение, высказанное Пабло Рибейро, — правда, между прочим, — насчет того, не есть ли надпись криптограмма?

«Возможно, — говорил он в начале заседаний комиссии, — что арабские буквы, обозначающие иногда в тексте цифры, имеют и здесь цифровой смысл».

Бонзельс усмехнулся.

— Он пользовался куфическим алфавитом грамматики де Сасси?

— Да, — ответил Морган. — Мы сличали также данный текст с текстами сирийскими и африканским и отметили полное и резкое расхождение.

Русский снова вступил в разговор.

— Позвольте мне высказать некоторое сомнение особого рода. Если вы взглянете на надпись рокандского камня непредубежденными глазами, вы усмотрите возможность того, что она на снимке не вполне адекватна подлиннику. Просто по техническим причинам. Когда фотограф замазывал краской надпись, чтобы ее заснять, он мог не домазать нужных углублений или замазать разные впадины и углубления камня, происшедшие от дождя и вообще от времени. Таким образом и получились эти верхние горизонтальные линии, разорванные на куски, эти параллельные черточки сбоку строк или эти три точки в правом углу надписи. В таком случае, если...

Но профессору Медведеву не пришлось досказать своей мысли.

Внезапно и его мысль и мысли всех присутствующих были, словно ножом, разрезаны громким восклицанием:

— Я знаю!..

Кто-то бросил в этот огромный зал, вмещавший в себе столько значительных умов разных стран, одну только эту фразу, но бросил ее так пылко и радостно, так своеобразно и громко, что говоривший ученый смолк, часть публики привстала со своих мест, чтобы разглядеть того, кто так не-

кстати, казалось, нарушил торжественную монотонность заседания.

Король с удивлением поднял голову.

Маститый Бонзельс с шумом повернул свое кресло.

Постепенно всеобщее внимание сконцентрировалось на щедеусной фигурке подростка, стоявшего с шляпой в руке в первом ряду кресел, занятых учеными.

Влекомый непонятной силой, наш Гарриман проскользнул со своего места вперед к экрану и не сводил с него глаз, блестевших от того внутреннего огня души, который дает импульсы творческому полету фантазии.

— Я знаю... — продолжали шептать его губы.

Первый нарушил молчание король.

— Что вы знаете, мой милый? — произнес он, — как вы сюда попали?

Столь очевидная несуразность создавшегося для Гарримана положения была, однако, для него совершенно не очевидна. Полный охватившего его восторга от только что сделанного открытия, Гарриман не замечал устремленных на него удивленных взглядов и улыбок присутствующих.

И вот произошло то, чего не запомнят летописи Королевского Географического института в Лондоне и от чего пришел бы в ужас каждый благонамеренный англичанин: лондонский уличный оборванец, мелкий карманный вор-ишка не обратил никакого внимания на вопрос почетного президента ученойшего собрания Англии и своего короля, но, словно загипнотизированный, подвинулся медленно на несколько шагов вперед и, став у самого кресла Бонзельса, подняв палец вверх, вдруг произнес твердым и уверенным голосом:

— Это не надпись, это план пещеры Кон-и-Гут.

В зале воцарилось мертвое молчание. Первым его нарушил Бонзельс.

— Сэр! — произнес он, обращаясь к Гарриману, вставая с своего места, — поздравляю в вашем лице нового миллионера. Ясно, что вы получите премию профессора Свендсена. Не прав ли я был, ваше величество, когда говорил, что тайна рокандского камня будет раскрыта на улице! Как ва-

ша фамилия? Вы говорите, Гарриман? М-р Гарриман, вам остается только сесть на мое место!

И, вытянувшись во весь свой огромный рост, Бонзельс величественно сделал Гарриману пригласительный жест рукой.

Глава III

ТАМ, ЗА ГОЛОДНОЙ ПУСТЫНЕЙ СМЕРТИ...

— Мирза Низам! Мы получили тревожные известия от Шедит-Хуземи.

— Что он пишет?

— Англичане снаряжают экспедицию в Кон-и-Гут!

— Как! В Кон-и-Гут? Не может быть!

— Мирза Шедит пишет определенно.

— Когда они выезжают?

— Срок еще неизвестен.

— Успеют ли вовремя прибыть те, кого мы ждем?

— Наши придут на днях, господин.

— Кто у них начальником экспедиции?

— О! Этот англичанин — самый известный охотник на всем Востоке.

— Охотник, говоришь ты?

— Да.

— Как зовут его?

— Его зовут — Мэк-Кормик.

— Мэк-Кормик?

— Да.

— Это он, — тихо прошептали губы того, кого голос называл мирзой Низамом.

Говорившие умолкли. Темнота азиатской ночи скрывала их лица, только бледным пятном выделялась длинная белая борода одного из собеседников.

Костер едва тлел. На фоне слабого голубоватого пламени вырисовывалась сухая, жилистая рука старика, отливав-

шая темной бронзой.

Рука потянулась к костру.

— Откуда узнали они о Кон-и-Гуте? — задумчиво произнес старик, как бы про себя.

— Мирза Шедит сообщает, что они почти точно знают местоположение Кон-и-Гута и, вероятно, найдут пещеру, если только дойдут до вас.

— Не пишет ли он, откуда они собираются двигаться?

— Он предполагает, что они пойдут с севера.

— Через Голодную пустыню?! Они не пройдут ее, — здесь их ждет гибель! Но что они собираются делать в пещере?

— Они хотят тщательно ее исследовать.

— Значит, эта экспедиция состоит из ученых? Мэк-Кормик ведь занимается только охотой?

— В экспедиции есть ученые, но большая часть ее состоит из охотников. Они придут с оружием, мирза Низам!

— Откуда узнали они о Кон-и-Гуте? — снова задумчиво спросил мирза Низам.

— Среди них есть какой-то малыш, который разгадал надпись на том камне, который в давние времена англичане вывезли из Кон-и-Гута.

— Но ведь камень, по приказу нашего хана, мирза Шедит скрыл от взоров чужеземцев! Камня у них больше нет! Невозможно, чтобы они нашли камень. Ты не знаешь, чем это грозит! — воскликнул мирза Низам. — О! Шедит не такой человек, чтобы выпустить из рук такую тайну!

— Да, но в их руках копия надписи на камне!

— Да поможет нам аллах! — с горестью воскликнул мирза Низам.

— Что мы должны предпринять? Наши послали меня к тебе за указаниями.

— Где ваши белуджистанцы?

— В Дакка, у Хайберского прохода.

— Мирза Шедит там?

— Не думаю. Но его ждут.

— Я дам тебе ответ на рассвете следующего дня.

Наступило молчание. На черном бархате неба сверкали брошенные невидимой рукой в пустоту пространства чуждые земле миры — блестящие мерцающие точки. Ночь овладевала подвластными ей чудесами. Великолепие ее казалось мрачным и торжественным. Кругом зловеще дышала пустыня.

Мириады насекомых реяли в воздухе, привлекаемые огнем. Мелкие зверьки, чернохвостые суслики, песчанки, похожие на крыс, земляные зайцы, встревоженные незнакомыми запахами от двух человеческих тел, носились около, устремляясь в свои подземные убежища.

Вот две мыши высунули свои мордочки из норок. Днем они выйдут из них, построят вместе с тысячами сородичей свои колонны и уйдут на работу, организованности которой может позавидовать даже трудолюбивый человек Востока. Длинными ровными лентами растянутся их батальоны у низких порослей, и вы можете увидеть издали невооруженным глазом, как задние шеренги по какой-то команде лягут на лапки, как особи из передней шеренги, по-видимому, начальники, осторожно защемят кончики хвостов каждой рабочей мыши из передней шеренги и передадут эти кончики в зубы собственницам хвостов. Потом вы увидите, как эти мыши начнут срезать зубами колосья поросли, потащат их к лежащим на боку мышам, пучками проденут эти колосья носильщикам в отверстия, образовавшиеся между их спинками и хвостами; затем нагруженные рабочие поднимутся, как один, и, повернувшись по команде, отправятся в свои ямы конической формы, где прячется собранный урожай.

Все это — мирные обитатели! Но рядом с ними есть и другие.

Вот быстро передвигаются на своих симметрично расположенных лапках к заветной цели — крови своих жертв — отвратительные ядовитые тарантулы красно-бурого цвета.

Вот большие жирные фаланги в светло-желтых панцирях, таящие трупный яд в своих щупальцах, выпустив червеобразные брюшки, привлеченные ароматом незнакомых

испарений, перебирают по песку своими тонкими ножками, вдвое превосходящими по величине их туловища.

Элегантный и ужасный скорпион в своем светло-зеленом убранстве, тонкий и стремительный, бесстрашно движется вперед, выискивая очередную жертву. Костяным острием изогнутого хвоста он, словно опытный фехтовальщик шпагой, наносит смертоносные удары, действуя поверх собственного тела, сзади наперед, в то время как клещеобразные передние лапы его дробят голову врага.

И вот, наконец, самый страшный из всех этих существ, паучий король, темно-рыжий каракурт. На коротких и сильных ногах несет он свой удивительный смертоносный яд, разлитый во всех решительно соках его существа. Это, незначительное на вид, страшилище всего живого в состоянии молниеносно сразить любого огромнейшего зверя, парализуя укусом деятельность его сердца и нервной системы. Это чудище пустынных мест, этот выродец в собственной паучьей семье, — единственный паук, не ткущий паутины, — может убить самого осторожного человека, который умирает от остановки кровообращения, после невероятных мучений, крича от нестерпимой боли во всех членах своего тела.

Мирза Низам знает редкий случай, когда укушенный каракуртом рокандец не умер, но зато навек лишился своей мужской силы.

Эти пауки водятся во многих местах света, но нигде не бывают они так страшны, как здесь.

Веселые неаполитанцы изобрели тарантеллу, мрачные абиссинцы — астрагаз, в конце концов, исключительно из-за паучьих укусов, так как через испарину тело должно освободиться от яда.

Но от каракурта Голодной пустыни смерти спасения нет. Последний танец человека тут — конвульсии.

Гигантская ящерица касаль, покрытая роговой полосатой чешуей, придающей ей сходство по узору с бенгальским тигром, бесшумно двигая, как маятником, своим саженым хвостом, стережет более мелких хищников.

Буша-джилян, сестра американской гремучей змеи, со своей тупой и толстой мордой, которой вертикальный разрез глаз придает столь гнусное злое выражение, лежит в норе своей жертвы, как всегда, не имея собственной, свивая в кольцо свой короткий, похожий на иглу, хвост.

Вдали слышны тревожащие самое сильное человеческое сердце однотонные звуки. Они протяжны, как будто жалобны, быстро следуют один за другим, замыкаясь тремя-четырьмя короткими. Иногда эту однотонность прерывают звуки горловые, на несколько тонов ниже, которые наш алфавит может изобразить, как нечто среднее между «о-о-ун — ху-аб — вау-гао-гао». Эти звуки то короткие и отрывистые, то длинные и протяжные, в них слышатся и жалоба и угроза.

Стенание, ворчание, хрипение, вой и фыркание прерываются как бы сухим кашлем.

Приближается тигр.

Пылкий, смелый, хитрый барс в роскошном пушистом мехе кремового цвета, с черными кольцами, опускает свой длинный хвост и сворачивает в сторону, чтобы не встретиться с высокомерным двоюродным братом, не признающим своего с ним родства. Могучий исполин-слон, которого природа за его силу наградила большим добродушием и умом, лишенный страха перед самым львом, подымает хобот и трубит, возвещая тигру о своем приближении и нежелании встречи: он не любит крови и тихо уходит к своему стаду. Свиристель из всех наземных существ, самый страшный из всех зверей, самый глупый и самый злой — носорог, огромное чудовище, кожу которого, похожую на броню, с успехом противостоящую пуле и стали, не берут ни зубы льва, ни когти тигра, — прекращает свой стремительный бег, поднимает свою страшную морду, снабженную костяным стилетом, и обнюхивает воздух. Дикие мощные быки разных пород, которые иной раз один на один справляются со львом, спускают рога навстречу кашляющему врагу задолго до его появления. Только умная пантера, со своим чудесным гибким телом, одна бесшумно продолжает свой путь, — тигр дружит с ласковой хищницей.

— Мирза Низам! Я боюсь за...

— Будь спокоен, — ответил старик гонцу, прибывшему с известием из далекого Белуджистана на своем беговом верблюде. — Твой верблюд под надежной охраной. Еще не было случая, чтобы тигры причинили нам зло.

— Я переведу его ближе к огню.

— Зачем? Но если ты беспокоишься...

Мирза Низам взял тростниковую палочку, приложил к ней губы и издал протяжный пронзительный свист.

Тотчас выросла перед ним обнаженная до пояса рослая фигура рокандца.

— Саид-Али! Спусти гепардов! Пусть ночь успокоится. Наш гость боится за своего верблюда. Утром дай им вареной баранины и хлеба с молоком вдвое против обыкновенного. Завтра праздник!

Рокандец приложил руку к сердцу, наклонил голову и, медленно отступив назад, повернулся и с быстротой порыва ветра исчез во мраке.

Прошло несколько минут. Вдруг сидевший у костра вестник встрепнулся. До его слуха, развитого, как у всех, живущих в пустынных местах, донесся неясный шум... И вот внезапно, тут и там, замелькали низкие прыгающие тени, и он увидел туманные очертания каких-то зверей, которые неслись мимо него в темноту.

— Что это? Мирза Низам! Что случилось?

— Как у вас жеребцы стерегут, ходя на веревке, привязанной за шею, словно сторожевые псы, ваших жен и детей, когда вы в отлучке, так стерегут нас гепарды от нечаянного нападения, — будь то люди или животные — безразлично. Вот смотри!

Вестник невольно вздрогнул, но овладел собою, овладел быстро, как человек, жизнь которого полна подстерегающих его опасностей.

Один из зверей эластичным движением, плотно прижавшись к земле, подполз к мирзе Низаму и затих в ожидании, подогнув под себя свои длинные ноги. Светящиеся зрачки его круглых глаз, окаймленных черными браслетами с большими чернильного цвета зигзагами на углах,

были внимательно устремлены на старца. В них виднелись преданность и желание понять, какой услуги от него ждут.

— Ты видишь, сын мой, он не боится даже огня, — произнес мирза Низам и ласково провел ладонью руки по блестящей на свету от костра шерсти, — он не боится огня, потому что он умнее льва и смелее тигра, он только слабее их и не умеет воровски лазить по деревьям, как последний, но зато на бегу он машистее борзой собаки.

— Ты сам его вырастил, мирза Низам?

— Да, сын мой. Я сам его вырастил, сам его выкормил... Он совсем ручной. Как сокол. Ведь его удерживала до сих пор тонкая веревка, которую ему и в голову не приходило перегрызть.

— Гарра! — позвал он гепарда.

Тот оскалился и длинным жестким языком лизнул ему руку.

— Видишь, он как малый ребенок! Бараны и птицы бродят около него в Кон-и-Гуте, но он даже и не взглянет на них. Все гепарды у нас такие. Попадаются злые и трудно приручаемые, — иной раз надсмотрщик жалеет, что у него нет кнута из гиппопотамовой кожи, — но мы добиваемся лаской большего, чем наказанием. И, в конце концов, все они приручаются.

— Неужели?

— Да. Но ты только посмотри на моего Гарра, когда он увидит тигра! Тут он весь преображается... Глаза его выступают из орбит, грива поднимается дыбом, он начинает фыркать и... без оглядки, мужественно бросается на врага даже в том случае, если он один, а тигров двое.

— Значит, он самый смелый из зверей?

— Конечно! Гепарды отличаются непревзойденной дерзкой отвагой. Знаешь, когда Гарра особенно страшен? Когда он сбит своим сильным противником с ног и брошен на землю. Вот когда. О! Гарра бывал не раз в переделках! Лежа на спине, он рвет врага когтями своих четырех лап и, не обращая внимания на раны, с бешеным остервенением кусает тигра, пока тот не оставляет его и убегает, или пока не падает с прокушенным горлом.

Белуджистанец с удивлением посмотрел на Гарра. Тот как будто понял, что говорят о нем. Он подтянул еще ближе к огню свое огромное тело и, положив свою страшную и вместе красивую голову на колени мирзе Низаму, лизнул его прямо в лицо.

— Погладь его, чужеземец, не бойся, и он станет твоим другом.

Раздалось глухое мурлыканье, пересыпанное щелканьем страшных зубов. Гарра потянулся, протянул лапы и обнажил когти.

— Его зубы и когти, — сказал мирза Низам, поглаживая одной рукой свою длинную белоснежную бороду, а другой лаская Гарра, — не так остры, как у тигра, но зато и раны, которые он наносит — ужасны. Он давит и рвет мясо врага, а не только его кусает и царапает.

— Неужели он одолевает тигра?

— Не всегда. Бывает так, что и ему попадет... Иной раз он встает с большим трудом после встряски, которую ему задает тигр. Потом оближет свои раны, почистится и замурлыкает, словно и не случилось ничего особенного!

— Так и наш народ!.. — неожиданно заключил мирза Низам.

Вдали снова послышалось сухое покашливание бродившего вокруг хищника, по-видимому, уже почуявшего выпущенных на него гепардов, но не желавшего расстаться с мыслью полакомиться этой ночью на кон-и-гутском становище.

— Так вот и враги нашего народа... — добавил мирза Низам, прислушиваясь к раздавшимся звукам.

Гарра, успокоившийся было на своем месте, вскочил и заворчал, весь насторожившись.

Мановением руки мирза Низам отпустил его к стае. Легкими прыжками, снявшись с места, как птица, гепард умчался.

— У меня таких зверей, как Гарра, больше, чем людей...

— Гепарды заменяют вам на охоте ружья? Вы бережете патроны?

— Мы бережем патроны.

— Но, если у вас их мало, то...

— У нас их много, — перебил белуджкстанца мирза Низам, — может быть, больше, чем золота...

Мирза Низам поднял свою голову, увенчанную белоснежной чалмой, взглянул на необъятную черную чашу неба и протянул руку на запад.

— Я берегу их для тех двуногих хищников, которые придут оттуда... Сын мой, не ты ли первый принес мне это известие?

Оба собеседника замолчали и погрузились в свои думы. Первым прервал молчание белуджистанец.

— Ты словно сказал, отец мой, что знаешь начальника тех, кто придет сюда?

Старик нахмурился.

— Что это за человек?

— Я хорошо знаю его. Больше того. Я люблю его, как брата, — со вздохом произнес мирза Низам.

Белуджистанец сделал знак удивления.

— Ты любишь и почитаешь его?! За что? Ведь он наш враг, отец?

Мирза Низам ответил не сразу. Было видно по его лицу, что на него нахлынул рой воспоминаний.

— Если тебе придется узнать его, ты тоже его полюбишь и будешь почитать, хотя бы он и был твоим врагом, — сказал мирза Низам.

— Он наш общий враг, — упрямо возразил белуджистанец.

— Он спас мне жизнь, сын мой, жертвуя своей.

И, видя вопросительный взгляд собеседника, мирза Низам добавил:

— Ты прав, когда назвал его знаменитым охотником. Слава о нем распространилась далеко за пределы его отечества. О нем знают в далеком Сиаме слоны, иные из тигров-людоедов Бенгалии до сих пор боятся выходить из тростников, нося пули Мэк-Кормика под своим сердцем.

Сын мой, этого человека я считаю благороднейшим из благородных. Помыслы его чисты. Сердце его независтливо. Он добр и слово его верно, как удары твоего ножа. Не

знаю я человека более храброго. Он храбр так, словно ему и терять на земле нечего... Я видел не раз его храбрость на деле.

Знал белуджистанец, что скуп мирза Низам на похвалы. Все знают про его великодушие и благородство, мудрость и мужество. Много рассказов ходит о нем у рокандского народа. Кому же, как не ему, судить о человеческой доблести и достоинствах.

Было время, — давно это было, — когда мирза Низам сам убивал хищников отважной рукой, вооруженной одним лишь копьем. Много ран насчитывает его старое тело. Много мог бы порассказать он!

Ни звери, ни гады больше не тревожат мирзу Низама. Тысяча опасностей окружает его. Но никто не нарушает его спокойствия, словно по молчаливому уговору; его власть над Кон-и-Гутом признана всеми здешними живыми существами: сам каракурт спокойно ползает по его руке, не причиняя никакого вреда.

Мирза Низам глядит на огонь и думает. Гнетущие мысли роятся в голове...

— Мэк-Кормик! Человек, которому он обязан жизнью, обязан вечной благодарностью, становится волей судьбы его врагом, которого он обязан уничтожить, как верный слуга своего повелителя. Мэк-Кормик не такой человек, чтобы отступить перед задуманным. Может быть, все его люди погибнут, но он-то дойдет до Кон-и-Гута! Он придет в Кон-и-Гут! Ни пустыня, ни тигры не остановят его. А в Кон-и-Гуте его ждет смерть...

— Но в таком случае, не долг ли его, мирзы Низама, предупредить роковой исход?

Мирза Низам закрывает лицо руками. Перед ним проносятся видения прошлого.

Он обходит горным проходом ледник в Гималаях — высочайших горах мира, двигаясь в Кон-и-Гут из северной Индии. Два его спутника погибли, оборвавшись с едва доступного для пешехода карниза.

Мирза Низам идет один... Идет уже два дня без пищи...

Он не боится своей гибели, но боится, что не выполнит поручения хана: найти путь, никому еще не известный, из Кон-и-Гута через горы в Индию. Задача очень важна. К приказанию, которое было им получено, было приложено перо цапли: это означало, что хан требует исполнения самого срочного.

Мирза Низам сам взялся за дело, не обращая внимания на свои годы.

Несмотря на неисчислимые трудности, нужный путь был найден. Оставалось только вернуться в Кон-и-Гут и дать знать хану о выполнении задачи, как вдруг мирза Низам проваливается в снежную трещину и скатывается под крышей из льда внутрь снеговой горы.

Кажется, все кончено. Ледяная могила навсегда должна скрыть старого храбреца, отважившегося проникнуть в ее тайну.

Мирза Низам читает в последний раз молитву...

Но внезапно к его ногам падает человек!

Этот человек не может выпрямиться: над головой ледяная корка. Он стряхивает с себя снег, окидывает быстрым взглядом мирзу Низама и на чистом фарсидском языке, своего рода интернациональном языке Востока, задает вопрос:

— Разбился ли ты?

Мирза Низам видит перед собой как будто посланца самого аллаха. Чужеземец — молодой человек, несомненно англичанин, лет двадцати пяти, с сухим бритым лицом. Он с ног до головы одет в серую замшу. Движения его быстры и уверенны. В его глазах какое-то особенное выражение: смесь спокойной жалости, бесстрашия и насмешки. С ловкостью врача он прощупывает тело мирзы Низама, попеременно вытягивая и сгибая суставы его рук и ног.

— Все в порядке, — говорит отрывисто незнакомец, каким-то чудом очутившийся около погибавшего, — все в порядке, кроме рук. Обе твои руки сломаны. Остались ноги, — поэтому мы можем попытаться подняться наверх. Это будет потруднее спуска, но делать нечего. Я подвяжу тебя к себе, упирайся ногами.

Мирза Низам, затаив страшную боль, кивнул головой в знак согласия. Он прикоснулся к снегу, чтобы освежиться и вернуть себе часть сил.

Тогда незнакомец поднес к его губам флягу и дал ему выпить несколько глотков. Спирт, этот жидкий огонь, должен был сделать свое дело и поднять силы разбившегося, хотя бы на час.

— Благодарю, — сказал мирза Низам.

— Не за что, — отвечал незнакомец. — Ведь ты сделал бы то же самое, будь я на твоём месте. Впрочем, ты можешь оказать мне взаимную услугу: нет ли у тебя табаку?..

Мирза Низам, не будучи в состоянии двинуть ни правой, ни левой рукой, испытывал жгучую боль при малейшем толчке. Слабость в ушибленных ногах старого тела препятствовала ему упираться в зернистую толщу отвердевшего снега, который приходилось продавливать для упора. Тогда незнакомец схватил мирзу Низама своими могучими руками и взвалил на свои плечи.

В полусогнутом положении, с нечеловеческими усилиями, неимоверно напрягая всю свою волю, незнакомец стал подниматься со своей ношей.

Четыре часа ушло на движение до веревки, конец которой висел в воздухе посредине трещины, в том её месте, где пологий скат превращался в вертикальный и где нужно было подыматься на одних руках на высоту нескольких саженей. Дальше наверх шел опять пологий спуск. Именно до этого места, где мирза Низам упал и так жестоко расшибся, хватило совокупности всех горных веревок, спущенных незнакомым путешественником. Они были привязаны им к саням, перекрывавшим сверху трещину.

Во что бы то ни стало нужно было преодолеть эти несколько саженей пустого пространства.

Стальные мускулы незнакомца напряглись до последней степени. Фут за футом, как ловкий гимнаст, подымался он вверх, подымая и веревку, к которой он себя крепко привязал.

Привязанный к нему сзади мирза Низам охватил его поясицу ногами, сжав в зубах край воротника одежды

своего спасителя. Руки его беспомощно болтались. И вдруг, когда они находились почти у цели, по-видимому, от того, что снег наверху осел, веревка выскользнула из рук незнакомца, и путешественники снова полетели вниз на всю длину ее. К счастью, удар, разложившись на всю поверхность полозьев саней, не подломил снегового моста.

Когда незнакомец несколько отошел от толчка, полученного при остановке падения, он оказался висевшим в воздухе посередине трещины, до стен которой он не мог достать руками и медленно крутился.

Не отдыхая, собрав весь остаток воли, не дав опомниться потерявшему сознание мирзе Низаму, он проделал вновь немыслимо, поднятие вверх. Добравшись до отлогости, он пролежал в изнеможении более часа. Тем временем мирза Низам пришел в себя.

— Незнакомец! — сказал он. — Оставь меня одного умирать и уходи один, если можешь.

— Я не покину тебя, — отвечал англичанин, — и вообще никогда не бросаю начатого дела, — добавил он тихо, с еле заметной улыбкой.

Около полутора суток подымались они вверх.

За это время трещину засыпало снегом, который оледенел. Пришлось охотничьим ножом пробивать лед над головой для того, чтобы выйти из нового плена.

Полная луна осветила изможденные лица несчастных путников, их израненные до крови тела, на которых висели клочья изодранной одежды, когда они оказались на поверхности.

Вскоре они достигли долины, спускающейся к леднику.

Преодолев этот последний с чрезвычайными трудностями, благодаря крутому падению и обилию ледопадин, путники поднялись на материковый лед внутреннего нагорья, где встретили относительно ровную поверхность и где новым препятствием для движения был лишь сильный свежий ветер.

Когда они выходили из опасной полосы, удалившись от отверстия, в которое провалился мирза Низам, всего на пять минут ходьбы, как внезапно, без всякого толчка, ши-

рокая полоса ледникового барьера, тысячи тонн по весу, вдруг отломилась и рухнула на ледяное поле, сделав огромный пролом на месте прежней трещины. Место ее теперь заняла целая снежная пропасть...

Вспоминает мирза Низам, как заботливо лечил его англичанин и как, расставаясь, он, мирза Низам, снял с своей груди самый дорогой для себя предмет, — пластинку черного нефрита, подарок его матери в тот день, когда он, еще мальчишка, в первый раз отправился в горы.

— Незнакомец, — сказал мирза Низам, — скажи мне свое имя, чтобы я знал, кого будет отныне охранять этот талисман.

— Я — Мэк-Кормик, охотник, — отвечал тот.

В эти дни судьба связала их крепко накрепко.

Прошел год, и мирза Низам узнал, что Мэк-Кормик спас жизнь еще одному рокандцу при других обстоятельствах.

Ныне этот рокандец, — Рашид его имя, — помощник и заместитель мирзы Низама по охране Кон-и-Гута. Историю своего спасения Рашид рассказал мирзе Низаму сам. Рассказал он ему и многое другое о Мэк-Кормике, о чем узнал благодаря долгой совместной с ним жизни: о его редкостном великодушии, изумительной отваге, почете, которым он окружен у себя на родине.

Спасенный Мэк-Кормиком Рашид пробыл у него более двух лет.

На его глазах произошло событие, благодаря которому жизнь охотника Мэк-Кормика оказалась связанной с жизнью мирзы Низама, всех рокандцев и самого Кон-и-Гута.

Дело было так.

Мэк-Кормик набирал людей в Роканде для одной из своих охот. Пылкий Рашид первый изъявил согласие сопровождать охотника.

Они изъездили много стран, побывали везде, где водятся первобытные дикие звери: на островах Южного моря, в Индо-Китае, на Цейлоне, в верховьях Ян-цзе-Кианга, в Индии и, в конце концов, очутились у подошвы Гималаев, на той узкой полосе земли, которая тянется на восток от Непа-

ла до отдаленных областей Ассама. Здесь Мэк-Кормик гостил у раджи Каунпора.

Рашид с признательностью в сердце вспоминает эти годы, может быть, лучшие годы в своей жизни. Помнит Рашид, как под палящими лучами солнца всегда скрывающийся в тени зверь, могучий, как слон, злой, как сама злоба — носорог — готов был пригвоздить его к пальмовому дереву. Словно прутья гнулись толстые деревья, когда он кинулся на охотников. Этот зверь, который с большим удовольствием глотает сучья в палец толщиной, находясь на воле, чем молоко в клетке зверинца, не высказывал никакого желания сдаться живым. Накинутае на него лассо, концами закрепленное за стволы деревьев, он порвал. Не представлялось возможным повторить ту же операцию и спутать зверя: лассо не хватало. Рокандцы разбежались, побросав свои копья, видя, что им не удастся перерезать ахиллесово сухожилие зверя, как они всегда это делают после того, как он пойман.

Уйти от носорога было не трудно, ибо он уже выбрал цель и мчался в ярости, не видя ничего окружающего, как это всегда с ним бывает.

Носорог пронесся, как ураган, с несколькими десятками торчащих дротииков на теле, и бросился на слона, принадлежащего к охотничьему отряду Мэк-Кормика.

У хобота этого слона и стоял Рашид.

Если бы чудовище было так же проворно, как безобразно, и если сам бы Мэк-Кормик не был так же хладнокровен, как проворен, — Рашид уже давно простился бы с этим миром.

Мэк-Кормик не любил стрелять, в подобных же случаях ружью он определенно предпочитал копье. Даже на львиной охоте он не хотел пользоваться преимуществом и предпочитал сражаться с зверем один на один. Так, он не сидел, как другие, в безопасной двойной бамбуковой клетке и не ждал, пока лев бросится на гнущиеся под его тяжестью прутья крыши этой клетки, чтобы быть расстрелянным хитрыми охотниками, находящимися за бамбуком почти в полной безопасности, но смело шел на льва, чтобы

застрелить его в честном бою или самому быть растерзанным.

Мэк-Кормик видел смятение в рядах рокандцев, видел беспомощное положение Рашида, который должен был оказаться единственной жертвой всей охоты. Молниеносным движением всадил он свое длинное, широкое и острое копьё в спину, между вертлугом и хвостом, «рогатому льву», как зовут здесь носорога туземцы.

Помнит Рашид, как взял он руки Мэк-Кормика и прижал к своему лбу в знак постоянной любви и преданности и как Мэк-Кормик, улыбаясь, приказал ему из самоотточенного зверем рога, которым носорог мог подбросить в воздух льва или быка, как мяч, сделать походный стакан. Ведь существует поверье, что рог носорога предохраняет от отравления!

— У меня будет на память о тебе, Рашид, — сказала Мэк — Кормик, — вещь, которой позавидовал бы сам Абдул-Гамид!

Знает мирза Низам от Рашида и другое. И это другое встает теперь перед ним во всей своей ясности.

Когда Мэк-Кормик гостил у каунпорского раджи, то именно Рашид был вестником любви между ним и внучкой великого рокандского хана — Рау-Ру, сестрой нынешнего властителя последней пяди Роканда — Кон-и-Гута — Ораз-хана.

Рашид был любимым слугой Рау-Ру. Мэк-Кормик увез молодую красавицу в Англию. Но их счастье длилось недолго.

Прекрасная Рау-Ру внезапно умерла. Возвратясь однажды с охоты, Мэк-Кормик нашел ее уже в агонии. Она еще успела слабеющим голосом сказать ему несколько бессвязных слов, из которых он понял, что Рау-Ру отравлена.

Кто был причиной гибели цветущей молодой женщины?

И часто думает мирза Низам:

— За что умертвил Ораз-хан Рау-Ру? Разве она виновата в том, что полюбила врага своей родины?

С тех пор охотник Мэк-Кормик не находит покоя ни днем, ни ночью. Все свои надежды сосредоточивал он на сыне и дочери, но... погибли и они. Безжалостной, неизвестной ему рукой были они исторгнуты из-под родного крова и бесследно исчезли. Не было сомнения, что они погибли, как и их мать. Бесплодны были поиски. Долго продолжались они без всякого результата. Но однажды глазам Мэк-Кормика, бродившего по аллеям своего оленьего парка, в котором гулял он когда-то с Рау-Ру, представилось страшное зрелище: он увидел разложившиеся тела двух детей. Очевидно, трупы были кем-то подброшены. Их нельзя было опознать по внешнему облику, но знак — полумесяц со звездой — отличительный знак членов рокандского дома, который выжгла Рау-Ру, по примеру своих предков, на груди своих детей, не оставил сомнения, что это трупы его сына и его дочери.

Мэк-Кормик обезумел от горя. Теплившаяся в нем надежда погасла. Отныне его жизнь — томительное унылое одиночество, которого не могли скрасить даже воспоминания, — настолько трагичны они были. Он не мог сделать ни одного предположения, объяснявшего странные случаи, происшедшие в его жизни. Все казалось таинственным, как следствие без причины, и мрачным, как преступление без цели.

Чья мстительная рука срезала цветы его счастья? Этого никогда не узнать ему. Тайна останется тайной.

Рашид все это знает, он видел собственными глазами Рау-Ру, ее детей и дом, в котором они жили.

Он покинул Мэк-Кормика в тот день, когда тот сказал ему:

— Рашид, мы расстаемся! Отправляйся к себе домой, в Роканд. Я нуждаюсь в одиночестве, ты же слишком сильно тоскуешь в чужих для тебя местах.

Со слезами на глазах расстался Рашид с охотником.

С тех пор прошло 10 лет.

Рашид живет теперь в Кон-и-Гуте. Из полумиллиона рокандцев, могущих носить оружие, он выбран сюда первым в числе десяти человек. Он сидит, поджав под себя по

восточному обычаю ноги, и вспоминает прошлое, как и мирза Низам.

— Что-то готовится! — мелькает мысль в мозгу Рашида. — Недаром мирза Низам передал мне эту вещицу...

Глава IV

В ЧЕМ ЖЕ ДЕЛО?

Рашид пристально всматривается в медную пластинку, привешенную на металлической цепочке к его поясу. На ней тонко и остро выгравированы три строки каких-то знаков. Рашид весь уходит в их созерцание. Губы его невянятно шепчут какие-то слова. Он заучивает находящуюся перед его глазами надпись.

— У верблюда спускной колодец. Двадцать шагов по карнизу... Камень у лестницы...

Рашид изучает ходы таинственной пещеры.

Табличка содержит точную копию надписи рокандского камня, того самого камня, который бесследно исчез из Британского музея.

— Что-то готовится... — повторяет про себя Рашид. — Прибыл гонец с приказаниями хана... Однако, что пользы бесплодно гадать, если наступит вскоре час, и он узнает от мирзы Низама все новости! Лучше заняться своей работой.

— А-оо! — кричит Рашид.

— Аоо-ой! — отвечает чей-то голос, поспешно приближающийся в темноте.

— Наряжены ли часовые к пещере? — спрашивает Рашид.

— Да.

— А дозоры на перевалы?

— Их еще не время сменять, Рашид, недельный срок кончается завтра.

— Хорошо, но усиль бдительность. Ни один путник не должен проскользнуть мимо Кон-и-Гута без того, чтобы мы не знали о нем!..

Завтра день праздника! Ежегодного охотничьего праздника рокандцев, особо торжественно справляемого в Кон-и-Гуте, где жизнь течет так монотонно и однообразно и где даже появление новых стай перелетных птиц является целым событием.

Завтра старый вождь, мирза Низам, прикажет открыть клетку с тигром, и тот рокандец, на которого падет жребий, выступит против него один на один.

Три года тому назад тигр растерзал двух человек. Тогда погиб бесстрашный Мамед-Оглы, поверженный на землю ударом могучей лапы.

Может быть, завтра уйдет из Кон-и-Гута туда, откуда никто не возвращается, еще один смельчак...

Сейчас у Рашида под командой сорок один рокандец. Каждый из этих высоких мускулистых молодых людей, словно отлитых из светлой бронзы, по силе стоит несколько человек. Все сорок один одинаково отважны, решительны, дисциплинированы. Трудно сказать, чтобы один из них в каком-нибудь отношении превосходил другого. Сам Рашид только первый среди равных.

Рашид ведает также стаей гепардов в шесть голов.

На его же попечении белуджистанец Файзулла; его дочь — малолетняя Аль-Наи — единственное лицо с женским именем в Кон-и-Гуте.

Аль-Наи — общая любимица. Ее берегут, как зеницу ока. Все наперерыв стараются ей услужить и исполнить все ее желания. Она повелевает в Кон-и-Гуте, словно царица. Сам мирза Низам подчиняется ее капризам. Когда Аль-Наи появилась в Кон-и-Гуте, ей обрадовались так, словно она была подарком самого аллаха.

Только что приехавший гонец-белуджистанец тоже, видно, останется на праздник охоты, — он никогда еще не видал его...

С ним вместе, считая мирзу Низама и самого Рашида, в Кон-и-Гуте в данное время пятьдесят один человек.

— Надо обдумать, как посадить их... В прошлом году солнце слепило глаза, и был плохо виден зверь при выходе из клетки.

Бой человека с тигром начнется завтра к вечеру. Надо бы все-таки переговорить с мирзой Низамом теперь же о предстоящем дне. Что-то мрачен мирза Низам! О чем-то он, видимо, беспокоится... По-видимому, надо еще более усилить бдительность, хотя и так все настороже с того самого времени, как белуджистанцы Файзуллы, отца Аль-Наи, привезли на верблюдах те большие ящики, обитые войлоком, которые Рашид помогал переносить в потайное место, в одну из пропастей пещеры. Он помнит, что ему пришлось самому перетаскивать туда что-то вроде длинных весел, хотя никакой лодки в Кон-и-Гуте не было, — да и зачем бы она могла понадобиться?

Содержимого ящиков никто так и не увидел. Один мирза Низам знает, кажется, назначение таинственного груза.

— Что-то готовится!.. Сегодня мирза Низам спускался в пещеру... Один!.. Надо, надо поговорить с ним...

Рашид видит невдалеке огонек костра, у которого сидит старый вождь. Иной раз так пройдет у него вся ночь. Недвижно продремлет ее мирза Низам перед мерцающими синими огоньками слабого пламени, только изредка разве делает движение рукой: положит под язык щепотку зеленого кон-и-гутского табаку...

Весь уходит мирза Низам в созерцание. Всплывает в тишине ночи перед ним прошлое. А оно длинное, — есть, что вспомнить.

Полвека прошло с того дня, как великий хан Роканда, последний властитель его, изгнанный белыми людьми из пределов родной земли, умирая здесь, на краю Голодной пустыни, в пещере Кон-и-Гут, огражденный от опасности преследования непроходимыми песками с севера и запада и цепями высочайших гор с юга и востока, передал ему, мирзе Низаму, своего пятилетнего сына, наследника рокандского престола, и сказал:

— Низам! Я поручаю тебе Ислам-Бека — драгоценнейшую из своих драгоценностей. Будь ему вместо отца. Когда

он вырастет — пусть поступит по своему желанию. Ты же никогда не покидай Кон-и-Гута и не допускай сюда чужих людей. Помни, что это последняя свободная от ига чужеземцев пядь рокандской земли. Стереги, мирза Низам, порученное и знай, что каждый старший из моих потомков хотя бы раз в жизни должен совершить намаз на родной земле... Клянись, что исполнишь все, как сказал я...

И мирза Низам поклялся.

Годы шли. Проходили десятилетия одно за другим. Чередой сменялись в стареющем сердце мирзы Низама плачущая горечь тихой печалью, ноющая тоска мечтательной грустью. Роканд стонал под пятой завоевателя. За это время зрелый муж превратился в старца, а мальчик — в юношу, которому наскучило безрадостное однообразное существование вдали от людей. Молодой хан уехал, мирза Низам не препятствовал этому отъезду.

Ислам-хан умер в Индии, оставив от брака своего с дочерью раджи Куанпора сына, Ораз-хана, выросшего индусом по внешнему облику, но оставшегося рокандцем по крови и духу, и дочь, Рау-Ру.

Дочь была увезена из Индии европейцем. Но высокомерный хан не простил своей сестре позора. Движимый чувством ненависти к поработителям его страны, лишившим его трона предков, Ораз-хан приказал умертвить Рау-Ру и ее детей.

Мирза Низам знает от самого Ораз-хана, как все произошло.

Два раза в жизни видел его мирза Низам.

В первый раз, когда Ораз-хан из мальчика превратился в юношу и однажды с надежной охраной прибыл из Каунпора в Кон-и-Гут. Закаленный с детства, он перенес неслыханные тяготы трудного и опасного пути, оберегаемый преданными людьми. Недолго пробыл он в Кон-и-Гуте, но был выполнен завет отца: совершен намаз на родной земле.

Раз в год узнавал мирза Низам через гонца о своем повелителе и посылал ему золота столько, сколько тот требо-

вал, из громадных запасов его, хранившихся в Кон-и-Гуте со дня смерти великого хана.

Каких-либо других приказаний хан не отдавал.

Только в самое последнее время вести от Ораз-хана стали поступать чаще и были тревожнее, требования на золото — значительнее...

На какие издержки шло золото, мирза Низам не знал.

Но не на себя, видно, тратит Ораз-хан принадлежащие ему несметные сокровища Кон-и-Гута...

Мирза Низам вновь перечитывает письмо Ораз-хана, привезенное только что прибывшим гонцом:

Привет тебе, чтимый мною мирза Низам! Да хранит тебя Аллах на многие годы под своим знаменем! Передай моим рокандцам, что вскоре наступят дни великой общей жатвы. Пусть приготавливаются и сосчитают на полях своих камни, что дают ячменные стебли... Пусть терпеливо ожидают срок. Я дам тебе знать, когда созреет зерно. Тогда пошлешь им сердце черного ворона. Береги Кон-и-Гут, береги моих верных слуг. Скоро, скоро каждый из них понадобится для великого дела. Слава Аллаху!

— Близок день отмщения! Завтра будет дано знать туда, за пески, — шепчут губы мирзы Низама.

Там, далеко за пустыней, живут поработанные рокандцы на полях своих, в маленьких шалашах, крытых бамбуковым тростником. Отважные на войне, трудолюбивые в мир-ой обстановке, попали они под пяту безжалостного завоевателя, потеряв свою свободу без остатка. Правда, теперь на рисовых полях нет недостатка в воде: иностранцы провели везде арыки, устроили плотины на больших водоемах, которые так многочисленны в Роканде, построили высокие светлые поместительные здания, в которых день и ночь производится какая-то работа под охраной диковинных ружей, из которых свинец сыплется, как рис при севе. Туда вход воспрещен под страхом смерти. Еще ни один рокандец там не был и только догадывается, что там делается.

Правда, не страшны более лесные пожары, не страшен бич полей — саранча, не страшна засуха... Со всем этим рокандец с помощью европейцев научился бороться... Благосостояние страны как будто увеличилось, но все равно — плоды работы своей ныне рокандец отдает чужеземцу — надсмотрщику, и тот большую берет себе, меньшую возвращает ему...

И так везде и во всем.

Прежней независимой жизни больше нет.

Тяжела была власть хана и его ставленников, но те хотя не посягали на то, что было освящено законом... А теперь чужеземец, вторгнувшийся в страну, изменил ее обычаи, нарушил весь прочный, установившийся веками жизненный уклад...

Стали безрадостны рисовые поля, эти омертвевшие квадраты, окруженные небольшой земляной насыпью, заботливо сделанной для удержания воды. Сколько труда вложено в каждое поле! Сначала придали грунту неодинаковый уровень для того, чтобы вода могла переходить из одного квадрата в другой; потом — затопили поле, чтобы вымочить почву; потом — срыли земляные окопы и оставили гнить траву и солому, оставшуюся от последней жатвы. И только когда сошла вода, стали пахать. Самое трудное только теперь начинается! Волы вязнут по колено в почве, вязкой, как грязь. Пожалуй, животное оказывает больше пользы, чем первобытный плуг, состоящий из сошника, без рукоятки, в конце которого прикреплено железное острие, приделанное к дышлу, лежащему на ярме. Это древняя арера без выгибов, чтобы разворачивать землю, которая таким образом только разрезывается. После запашки поле выравнивают с помощью доски, в которую вделана длинная палка, служащая рукояткой. Засев... Два дня спустя поле начинает зеленеть!

Наступают дни усиленной работы женщин, этих таинственных золотистых смуглянок, маленькие ручки которых упорно поливают зелень, пока на рисовом стебле не покажется три листа. И поливка — не простое дело! Надо знать, когда поливать, когда пережидать!

Самый богатый урожай уже не радует так сердце...

Безрадостно мечтает рокандец о прежнем в тиши своей хижины, когда зайдет жгучее солнце, свершив свой круг.

Прежде он был счастливее даже в бедности, даже в нищете... А теперь?

Прежде и теперь... Чего же не хватает?

Всем своим существом понимает он, что не хватает свободы, но о ней можно лишь мечтать наедине с самим собой, ибо завоеватель этого не простит.

В сердце накопел гнев. Его нельзя обнаружить, однако тут и там появились все же грозные признаки растущего недовольства: иной раз находили убитого надсмотрщика на полях или в лесу; однажды на камнях водопада нашли отрезанную голову без туловища, которое бесследно исчезло. Нередки стали случаи неповиновения.

Однако все попытки возмущения были пока неорганизованы, разобщены.

И часто мирза Низам, отделенный от соплеменников непроходимой Пустыней смерти, склонив старую голову на морщинистые высохшие руки, думал все об одном и том же. Думал, что бессильны усилия, напрасны жертвы, бесплодны мечты...

И вот теперь вдруг как будто наступает час, когда надежда на освобождение может расцвести и дать плод...

Завтра на празднике мирза Низам объявит всем в Кон-и-Гуте и даст знать в Роканд, что близок час отмщения, что Ораз-хан призывает всех быть наготове. Им известно, что это значит: белуджистанцы, братья рокандцев по вере и по ненависти к чужеземцам, уже десять лет ведут у себя в Белуджистане кровавую войну в горах, завоеывая свои земли пядь за пядью у страшного врага, который овладел берегами страны, потому что овладел океаном и воздухом, потому что умел летать, как птица, бросая в ущелья и долины смертоносные снаряды, рвавшие с оглушительным шумом и отравлявшие окрест на многие версты все живое. Много селений было разорено и выжжено, но это не остановило борьбы: жители, забрав с собой остатки своего имущества, ушли глубже в горы, тая в сердце ненависть и месть.

Сегодня и радостно и тревожно на сердце мирзы Низама.

Все бы хорошо, но не оставляет его мысль об охотнике Мэк-Кормике, об его экспедиции в Кон-и-Гут...

— Как быть? Что предпринять? Как предупредить несчастье? Надо потолковать с Рашидом.

В первый раз в жизни мирза Низам смущен и не может принять самостоятельно решения.

— Мирза Рашид! — зовет мирза Низам своего помощника.

Рашид, казалось, только и ждал приглашения, ибо не положено младшему тревожить старшего без зова, если нет важного дела.

— Рашид, близится рассвет, но до него еще должен ты кое-чем порадовать свое сердце.

— Благодарю тебя, мирза Низам, но скажи, чем ты так опечален и озабочен?

— Рашид, в Кон-и-Гут собираются незваные гости!

— Кто же?

— Англичане. Они снаряжают экспедицию из ученых под начальством Мэк-Кормика.

— Что говоришь ты, мирза Низам? Мэк-Кормика, твоего и моего спасителя?

— Да.

— Ты допустишь их в Кон-и-Гут?

— Ты знаешь, что мы не вправе сделать этого. Оразхан повторяет свое распоряжение о недопуске к нам кого бы то ни было.

— Как же быть?

— Вот я и думаю об этом. Он, — мирза Низам указал на белуджистанца, — уедет послезавтра с нашим ответом. Оразхан доверяет нам и уверен в том, что мы выполним его приказания. Но...

— Но?..

— Но ты сам понимаешь, что жизнь Мэк-Кормика для нас священна, и мы не можем посягнуть на нее.

— Ты прав, мирза Низам, — сказал Рашид. — Я скорее дам отсечь себе обе руки, чем подыму их на Мэк-Кормика.

— Скажи, — обратился Рашид к гонцу, — где теперь находится Ораз-хан?

— Он живет вблизи наших врагов, в главном городе франков.

— Почему не едет он в Кон-и-Гут, где его встретят не только с почетом, но и с любовью? Ведь эта пядь земли — пядь его родной земли!

Белуджистанец взглянул на Рашида и воскликнул:

— Слушай! Мать Ораз-хана, дочь раджи Каунпора, была кротка, как лань, но она родила льва. Прыжок льва велик, и пяди земли ему мало!

— Скажи мне, — обратился мирза Низам к гонцу, — не говорил ли тебе Ораз-хан, кому я должен передать власть в мой смертный час?

И на протестующий жест Рашида добавил:

— Он близок, мой смертный час. Говорю это, потому что чувствую, как быстро тают мои силы, словно горный снег под лучами солнца.

— Отец мой, — отвечал гонец, — когда ты заболел в прошлом году и твой Абдулла прибыл к Ораз-хану с этим печальным извещением, Ораз-хан сказал:

«Я верю, что Аллах продлит жизнь мирзе Низаму до того момента, *когда все будет готово*».

— Когда все будет готово? — задумчиво переспросил мирза Низам.

— Да, так он сказал.

— Готово для восстания?

— Да.

— Боюсь, не дожить мне до счастливого часа! Не говорил ли Ораз-хан о Рашиде? Рашид ведь мой преемник?

— Он сказал: «Пусть Рашид *съест сердце черного воро-на*. Он отвечает за сохранность втайне посланного в Кон-и-Гут груза».

— Он так сказал? — воскликнул Рашид.

— Да, — отвечал гонец.

— Знаешь ли ты, что это значит?

— Знаю. В Роканде так говорят тому, чья жизнь в смертельной опасности.

— Значит, действительно, развязка близка! — воскликнул Рашид. — Я не сомневался в тебе, белуджистанец, но теперь вижу, что ты знаешь столько же, сколько и я, и даже больше, так как тебе доверил Ораз-хан то, чего не хотел доверить даже мне.

— Напрасно ты думаешь так, Рашид.

— А тайна груза?

— Но тайна, в которую он тебя пока не посвящает, не его тайна, а общая. Это тайна всех нас, и о ней дано знать немногим! Я хочу сказать: только те проникли в нее вполне, кто выбран на верховном совете начальников вождями восстания.

— Кто они?

— Ораз-хан, раджа Каунпора и эмир белуджистанский.

— Рашид! — тихо сказал мирза Низам.

— Слушаю тебя, отец.

— Завтра, еще до наступления празднества, ты узнаешь тайны пещеры. Тогда же я отдам тебе все нужные распоряжения. А теперь проводи гостя. Ему пора отдохнуть.

С этими словами мирза Низам поправил огонь в костре и жестом руки дал понять собеседникам, что разговор окончен.

Вдали жалобно выла гиена.

Мирза Низам остался наедине с блистающими звездами.

Наедине...

Каждое живое существо на земле знает, что такое одиночество, но одиночество в пустыне есть нечто совершенно особенное.

Оно не молчание. Оно — гармония.

Вы хотите ее ощутить? Пустыня дает вам эту возможность. Однообразная мелодия ее, — первое, что ощущается — есть часть мелодии вселенной, ее ритм — бесконечно большой ритм — есть ритм мира.

Этот ритм вы почувствуете и в горных напластованиях, и в столбчатых перегородах выветрившихся скал, и в дюнных образованиях безбрежного песчаного моря, и в вихрях пыли, взвешиваемых смерчами, когда подвижный песок, ле-

жащий в пористых крыльях ряби, превращается в словно живые передвигающиеся крутящиеся столбы, способные поглотить и засыпать целые караваны.

Все здесь особенно. Само солнце являет миру свой лик, как некое грозное существо. Оно стремительно выносится из-за четкой линии горизонта и летит, как кусок твердого пламени, поперек загорающегося неба, за минуту перед тем спокойно-изумрудного — прямо к зениту, откуда жалит все смертное. Так же стремительно покидает оно распаленную землю, закатываясь и оставляя за собой иной раз такой сильный холод звездной ночи, что замерзает вода.

Утром пустыня затоплена отраженной синевой неба, светло-лиловые известняки местами как будто излучают желтое пламя, неприглядные оболочки песчаника начинают светиться, как закаленная сталь.

Днем скалистый Кон-и-Гут, весь в море света, пламенеет, словно от внутреннего огня.

Вечером — на закате — это уже совершенно неопишемое богатство красок, невероятной, ослепительной красоты ковер пустыни — запечатленная в природе сказка Востока.

Нежно розовеет сиенский гранит; базальт сверкает, словно блестящий черный бархат, белеет песчаник, покрытый темной оболочкой, словно девушка, накинувшая траур на белое атласное платье; алебастр, желтоватый, подобно меду, как будто трепетно ждет резца ваятеля, который закончит произведение природы: то гробницу, то обелиск, то сфинкса, то целую пирамиду.

Сегодня, как извечно, солнце сделало снова свою прежнюю работу. Как мощный насос вытянуло оно вновь из сердцевины кон-и-гутских камней по тончайшим капиллярам ничтожные следы заключающейся в них влаги и вместе с тем растворенные в ней соли. Последние, поднявшись на поверхность камней, отчасти улетучились, отчасти, химически соединяясь, еще более уплотнили наружный слой камней, превращая его в подобие твердой коры, которая сдерживает до поры до времени сердцевину камней, превращающуюся с течением столетий в рыхлую труху.

В Кон-и-Гуте знают самые глубокие тайны пустыни, те, что скрыты в камне и воде.

Завтра — праздник. Но послезавтра, рано утром, все свободные рокандцы уйдут на свою обычную ежедневную тяжелую работу: одни — на рисовые поля, другие — к скалам и каскадам водопадов, с них сбегаящих.

А к вечеру мирза Низам примет в глубине подземелий мрачной кон-и-гутской пещеры плоды их трудов, урожай тысячелетий, рожденных в безмолвии полей, сердцевины глыб камня, среди извечного шума лазоревых струй.

Глава V

НОЧЬ В «СПЛЕНДИД-ОТЕЛЕ»

— Ну, поздравляю вас, мой молодой друг! — положив руку на плечи Джона Гарримана, воскликнул профессор фон Вегерт, спускаясь по лестнице Королевского Географического института по окончании того заседания, на котором Гарриман сделал свое необыкновенное открытие, — вы попали в заправские спелеологи!

— Что? Как вы сказали, сэр? — спросил воришка.

— Я говорю, что вы, Гарриман, стали спелеологом., — со смехом сказал фон Вегерт.

— Спелеологом? — переспросил тот с некоторым замешательством.

— Ну да! Так называют тех, кто занимается исследованием пещер, а вы ведь теперь участник спелеологической экспедиции в Кон-и-Гут... Но слушайте, Гарриман!

— Да, сэр?

— Вы умный мальчуган, и я надеюсь, что вы бросите свое праздношатание и займетесь делом.

— О, сэр! Напрасно вы так думаете! Я работаю не покладая рук...

— Ну! Я предпочел бы, чтобы ваши руки поменьше работали...

Гарриман покраснел.

— Сэр, но...

— Я понимаю... Вы хотите сказать, что надо же чем-нибудь жить!

— Сэр, я...

— Я понимаю, я все понимаю... Вот что! У вас есть кто-нибудь из близких, кроме Водслея?

— Есть! Есть! — радостно воскликнул Гарриман.

— Кто?

— Я знаю Голоо!

— Голоо?

— Вы знаете Голоо?

— Как будто нет...

— Вы, наверное, знаете его, сэр. Негр Голоо — боксер, который...

— А! Слышал про него, слышал... Это не тот ли самый негр, который на днях должен выступить против какого-то знаменитого боксера, француза, тоже претендующего на мировое первенство в драке?

— Ну да, это он! О, Голоо придется на этот раз трудно, если только француз будет в порядке! Он на голову выше Голоо! Это знаменитый Луи Брене. Он приехал из Парижа.

— Подождите, я хотел вас спросить о другом...

— Сэр! — смущенно заметил Гарриман, — уж лучше вы меня про другое не спрашивайте... Я ничего не знаю...

— Вы знаете какое-нибудь ремесло?

— Я умею снимать как фотограф.

— Чужое пальто с вешалки? Знаю! — сумрачно произнес профессор и о чем-то задумался.

Гарриман опять покраснел.

— Сэр! — пробормотал он...

— Ну?

— Уверяю вас, что это — другое...

— Другое?

— Я умею снимать как фотограф.

— Ах, вот как!

— Ну да! Меня просил Голоо работать его фотографи-

ческим аппаратом, когда он боксирует с кем-нибудь на площадке. Это, видите ли, нужно ему для рекламы. Он посылает потом снимки в журналы.

— Вот что! Ну, значит, в экспедиции вы найдете себе интересное занятие.

— Вы думаете, они возьмут меня с собой в экспедицию?

— Конечно! Ведь вам сказал это сам король.

— Знаете, сэр, во второй раз я не хотел бы попасться на глаза королю...

— Это почему же? — с удивлением спросил фон Вегерт. — Король был с вами очень ласков!

Гарриман на минуту задумался и серьезно произнес:

— Да, сэр! Но мне он все-таки что-то не нравится!

— Во всяком случае, — произнес фон Вегерт, — ему вы должны быть благодарны за то, что отныне ваша судьба так резко меняется... Вчера вы были нищим, сегодня вы миллионер!

— Неужели это правда, сэр, и мне дадут денег?

— Конечно! Но так как вы еще несовершеннолетний, то у вас будут опекуны.

— Опекуны? — вопросительно воскликнул Гарриман.

— Разве вы не слышали, что о вас говорилось?

— Признаться, нет...

— Странно! Но ведь я сам назначен вашим опекуном. А другого вы должны выбрать самостоятельно. Его утвердят. Пусть это будет хотя бы Голоо.

— О, сэр!

— Что? — спросил ученый.

— Я ничего этого не понял. Но раз вы будете со мной да еще Голоо, то я на все согласен.

— Очень рад. Но если вы почти ничего не поняли из того, что там произошло, то чем же была, собственно, занята ваша голова?

— Я думал...

— Вы думали? О чем?

— Я думал, сэр, все время о том, как мне пришла в голову мысль, что надпись на этом дьявольском камне — план

той самой дыры, про которую все вы так много там говорили...

— Ну, и как же пришла к вам эта мысль?

— О, сэр! Смешно сказать! Совсем просто!

— Мой милый! Самое гениальное всегда совсем просто!

— Как вы сказали?

— Я говорю, что все открытия и изобретения, которые сделаны людьми — сделаны по большей части случайно.

— О, сэр! У меня дело произошло не случайно...

— Как так?

— Я, сэр...

— Да?

— Я, сэр, видите ли, всегда работал по плану...

— Работали по плану? По какому плану?

— По разному, сэр, в зависимости от квартиры...

— А-а! Это вы говорите про свою специальность?

— Вот именно.

— Понимаю.

— Понятное дело, нам вычерчивать особенно не приходилось. Заметишь что-нибудь особенное — нарисуешь, чтобы ночью не сбиться с дороги на чужой лестнице. Мне эти три строчки, которые светились на стене, сразу показались планом... Как только я увидел боковые черточки у каждой из строчек, так сразу же и решил, что это план: настоящие лестницы, сэр!

Фон Вегерт покосился через плечо на своего не совсем обычного собеседника и замолк.

— Бывают же случайности! — подумал он.

Так прошли они мимо висячей арки и моста, который ведет к Варвикскому вокзалу.

Гарриман почувствовал смущение. Если идти домой, то надо сворачивать на мост.

— Нет, к Водслею — ни за что! Будь, что будет! — пронеслось у него в голове. — Под утро пойду к Голоо. Он с пяти часов на ногах. Надо ему все подробно рассказать. А до тех пор кое-как проплутаю... Диковинные вещи происходят со мной сегодня!

Фон Вегерт продолжал молчать.

Неловкое смущение, в котором находился Гарриман, превращалось в беспокойство.

— По-видимому, я его рассердил! — решил воришка. — Он не знает, что ему делать со мной? Но если он сделался моим опекуном, и я действительно миллионер, как он говорит, то...

— Гарриман! — внезапно позвал его ученый своим ласковым голосом.

— Я, сэр! — и Гарриман заглянул сбоку в лицо фон Вегерта глазами, в которых вдруг засветилось что-то, схожее с ласковой преданностью бродячей собаки, которую случайный прохожий потрепал тростью по шерсти.

— Гарриман! — повторил фон Вегерт, — вы должны подумать над своей судьбой. Я веду вас к себе. У меня мы поговорим обстоятельнее.

— Хорошо, сэр.

— Я хочу только спросить вас, умеете ли вы читать и писать?

— Да, сэр. Кроме того, я умею считать. Я вел Водслею его прихода-расходную книгу.

— Интересно было бы на нее взглянуть, особенно на статьи прихода.

— О, сэр! Я знаю ее наизусть и мог бы вам все это рассказать, но только по секрету.

— Ну, еще бы! — пробормотал фон Вегерт.

Через пять минут ходьбы они пересекли Крос-стрит и достигли «Сплендид-отеля», в котором жил профессор.

Портье приподнял свою фуражку с галуном при виде ученого и с недоумением взглянул на сопровождавшего его оборванца.

— Вам письмо, господин профессор!

И портье протянул фон Вегерту конверт, на котором было написано:

«Члену Кон-и-Гутской экспедиции Роберту фон Вегерту, господину профессору археологии».

— По-видимому, это что-то стоящее в связи с сегодняшним заседанием, — пронеслось в голове фон Вегерта, — иначе, как объяснить такое титулование? Как успели доставить

письмо?

— Скажите, давно получено письмо? — обратился он к портье.

— Только что, господин профессор, — ответил тот.

Две комфортабельные комнаты, занимаемые фон Вегертом, как все комнаты этого фешенебельного отеля, в котором останавливались преимущественно иностранцы из среды знати, богатых негоциантов и финансистов, дипломатов, ученых и вообще крупных дельцов континента, являли собою обыкновенную отельную роскошь.

Скромный багаж профессора терялся среди позолоты, зеркал и шелковой обивки. Только огромный сундук, обтянутый желтой кожей, весь в бамбуковых ребрах для предохранения содержимого от толчков, заметно выделялся из окружающей обстановки. Крышка была открыта, и было видно, что сундук доверху наполнен образцами древней майолики, которую фон Вегерт привез в Английское Археологическое общество из Германии.

На впечатлительного Гарримана обстановка, в которую он попал, произвела неосознанное впечатление тепла и уюта, где его душа, заглубевшая в лишениях и невзгодах, стала расправляться навстречу ласке и симпатии, излучавшимся на него, казалось, этим старым непонятным иностранцем, вдруг вторгнувшимся в его жизнь.

Фон Вегерт позвонил.

Вошел слуга, молчаливый, вежливый и спокойный китаец, и остановился у дверей. Взгляд его быстро скользнул по Гарриману.

— Разве Робин больше не служит? Вы вместо него?

— Робин переведен в нижний этаж, сэр. Я его заменю, с вашего разрешения. Меня зовут Ли-Чан.

И китаец, одетый по-европейски, поклонился, сжав левую ладонь правой по обычаю своей страны.

— Приготовьте ванну, Ли-Чан, для этого молодого человека, — фон Вегерт указал на Гарримана, — и озаботьтесь вопросом о белье для него и платье. Приведите его, словом, в приличный вид. Вы можете взять, что нужно, из

моих вещей, если что подойдет после переделки на скорую руку... Может быть, вы сможете купить все нужное?

— Слушаю, сэр. Уже поздно, и купить не придется. Но мы одного роста, я могу уступить все необходимое из своих новых вещей.

— Хорошо. Благодарю вас. Вот деньги. Израсходуйте, сколько нужно.

Китаец взял банковый билет и поклонился.

— Как прикажете отметить вас, сэр? — обратился он к Гарриману.

— Отметьте: Джон Гарриман — спелеолог, — ответил вориска.

Фон Вегерт рассмеялся.

Слуга не выказал никакого удивления. Только углы его рта поднялись еще выше, что придавало его лицу еще более насмешливое и, может быть, неприязненное выражение.

Через несколько минут внизу на табличке значилось рядом с фамилией фон Вегерта под № 102:

Гарриман Дж., эскв. Спелеолог.

Так вошел Гарриман в изысканное общество, собравшееся под крышей «Сплендид-отеля».

Пока Гарримана терли щетками в мыльной воде, пока стригли и причесывали его непокорные рыжие волосы, фон Вегерт медленно и внимательно перечитывал полученное письмо.

Оно было коротко и ясно. Без подписи. Без бланка. Даже без числа.

Вот его текст:

Господин профессор Роберт фон Вегерт настоятельно приглашается оставить мысль о своем участии в экспедиции в Кон-и-Гут. Настоящее предупреждение вызвано желанием обереечь г-на профессора от грозящей ему смертельной опасности. Господина фон Вегерта просят оставить это письмо в секрете.

— Около этого дела, однако, обстановка становится все запутаннее и запутаннее... Не успели мы начать вопрос с надписью, как пропал камень... Не успели столь необыкновенным образом расшифровать надпись, как это письмо!

Зазвонил телефон.

Фон Вегерт взял трубку.

— Господин профессор?

— Да, это я.

— Вы получили сейчас письмо?

— Да, получил, — удивленно произнес фон Вегерт.

— Каково ваше решение?

Фон Вегерт пожал плечами.

— Я был бы вам признателен, — произнес он, — если бы вы сообщили мне, с кем я имею честь вести этот странный разговор?

На это незнакомый голос ответил:

— Господин профессор! Я уполномочен задать вам только этот вопрос. Благоволите ответить, каково ваше решение?

— В таком случае я не придаю никакого значения этому письму, — сказал фон Вегерт и положил трубку.

— Странно! — подумал ученый. — Этот голос мне знаком, словно я его слышал только что... Верно, не голос, но акцент! Нет! Решительно, я никогда не слышал, чтобы по-немецки говорили бы с таким акцентом!

Во время этих последних слов фон Вегерта открылась дверь, и вошел Гарриман. В руке он вертел единственный остаток своего костюма — свою огромную облезлую фетровую шляпу, края которой висели у продырявленного днища, как бахрома.

Трудно, пожалуй, даже невозможно было узнать уличного вора в этом блистающем свежестью, элегантно одетом юноше, подходившем к фон Вегерту с некоторой угловатостью в манерах и волнением, явно написанном на побледневшем лице.

— Джон! — сказал ученый, — надеюсь, вы позволите мне называть вас по имени; сейчас мы садимся ужинать, раз вы готовы, и поговорим о наших делах.

— Слушаю, сэр.

— Мой милый, вы можете разговаривать со мной попроще. Отныне мы с вами дружим.

— О, сэр! — воскликнул Гарриман и в благодарном порыве бросился к фон Вегерту с протянутой рукой.

Молниеносно в голове его пронеслись образы недавнего прошлого.

Вот он обворовывает джентльмена на Флит-стрите... Это было еще на этой неделе. К сожалению, в его бумажнике оказались одни только визитные карточки. Никак нельзя было подумать, глядя на этого щеголя, что у него нет за душой ни фартинга!..

Вот он с ловкостью обезьяны исследует бэссы, такси и карры, стоящие на Чаринг-кроссе в ожидании своих владельцев... Кое-что всегда можно найти на кожаных подушках всех этих разнообразных блестящих экипажей богачей...

Было совсем недавно и серьезное дело. Но о нем лучше не вспоминать! В этот раз он, Гарриман, счастливо выпутался из беды... Но не всегда ведь все эти штуки сходят с рук гладко!

— Вы можете положить вашу шляпу, Джон! Пойдемте ужинать.

Гарриман был возвращен этими словами к своей новой действительности. Он вздохнул, словно ему было тяжело расстаться с последним реальным предметом, который связывал его с прошлым, и повесил свой замечательный головной убор на золоченый канделябр, стоявший на камине.

— Вы, вероятно, очень голодны, Джон?

Гарриман покосился на стол с приготовленным ужином.

— Ну, сядем. А скажите, вы пьете крепкие напитки, Джон?

— Перед работой никогда, сэр!

— Перед работой?

— Ах, сэр, я все забываю, что об этом не следует говорить!

— Джон, вино ослабит ваши умственные способности. Помните, что вы очень опоздали в вашем развитии. Еще раз говорю вам: отвыкните от всех ваших дурных привычек.

Будете ли вы слушаться моих советов, Джон?

— О, я сделаю все, что вы захотите!

— Ну, прекрасно. Начнем.

Пока Гарриман утолял свой голод, фон Вегерт всматривался в лицо своего юного собеседника.

Лицо! Это — визитная карточка общей индивидуальной конституции человека! Самая драгоценная часть из всех частей его тела, наиболее богатая по развитию и вместе с тем, наиболее затушевываемая и изменяемая в течение жизни.

Здесь на ограниченном участке выступает в форме того, что называется выражением лица, вся сущность человека, весь его сложный и тонкий внутренний мир. Не в строении ли лица заключена неизменная формула человека, под которой он возникает для жизни, растет и умирает — его внешнее «я»?

И чем больше вглядывался ученый в лицо Гарримана, тем яснее ощущал за ним то богатство его существа, которое оно отражало.

Опытный глаз френолога несколько смутился бы, правда, строением его черепа, как будто на первый взгляд не совсем европейского в некоторых из своих частей, но оставшегося тем не менее благородным и гармоничным по конфигурации. Открытый чистый лоб свободно переходил в тонкие линии носа, изобличавшего нервную впечатлительную организацию. Верхняя губа была чуть-чуть вздернута, обнажая по временам перламутровый ряд прочных, отлично сидящих зубов. Подбородок, несколько заостренный, придавал лицу что-то женственное, но то обстоятельство, что он выступал и базировался на прочных контурах нижней челюсти, доказывало, что владелец его отменно упрям.

Весь костный рельеф пластически вырисовывался. Затылок, крепкий и ровный, переходил в линию шеи, которой залюбовался бы художник.

Тело — крепкое и гибкое, с легким налетом бронзы, как это бывает у тех, кто проводит большую часть дня на солнце, с мускулами, скрытыми под легкими покровами, обле-

кавшими превосходные рычаги скелета.

Все в Гарримане являло нервность, силу и какую-то удивительную гармонию его существа.

Но что больше всего поражало фон Вегерта в Гарримане, это — глаза.

По временам они ярко горели, иногда мерцали тихим ровным сиянием. Но всегда темная синева их искрилась огоньками, словно изнутри языки пламени лизали хрустальные поверхности, окруженные тенью, увеличивавшей разрез глаз, который сам по себе был особенный. Стрельчатые изогнутые брови при длинных ресницах придавали его лицу несколько хищный характер.

— Сэр! — вдруг нерешительно произнес Гарриман,

Фон Вегерт, раздумывавший о том, много ли времени и усилий придется потратить на то, чтобы приучить этого молодого звереныша ко всем условиям культурной жизни, вскинул глаза и вопросительно оглядел своего воспитанника.

— Сэр, вы сказали мне по поводу случившегося со мной сегодня: «Все открытия и изобретения, которые сделаны людьми — сделаны случайно».

— По большей части — случайно, сказал я.

— Но...

— О, это совсем не значит, что один только случай является причиной прогресса... Но вы знаете, что такое прогресс, Джон?

— Нет, сэр...

— Прогресс, мой милый, есть движение человечества или отдельного человека вперед к новым формам жизни путем отказа от старых. Если вы, например, осознали все дурные стороны вашего прежнего существования, то одновременно у вас возникнет потребность изменить вашу жизнь. Этим самым вы содействуете не только личному, но и общему прогрессу. Вы понимаете?

— Да, сэр...

— Так вот, не один только случай является условием прогресса, т. е. какого-нибудь открытия или изобретения человеческого разума в какой-либо области человеческой

жизни. Прежде всего, здесь необходимы три данных: здравый смысл, риск и интуиция. И первое, и второе у вас есть... Кажется, есть и третье.

— Инту...

— Да, интуиция.

— Что же это такое?

— Что это такое? Этого и я не знаю, малыш. Это те дрожжи, от которых подымается тесто. Поэты называют их вдохновением, ученые — гением, священники — наитием, финансисты — молниеносным расчетом.

— И вы говорите, что у меня есть такие дрожжи?

— По-видимому... Берегите свой здравый смысл, Джон. Он вам пригодится в жизни больше, чем что-нибудь. Помните, что его можно и потерять. Ну, а риска вам беречь нечего, — у вас его хоть отбавляй.

— Это верно, — улыбаясь, согласился Гарриман.

— Сколько вам лет, Джон?

— Судя по тому, что говорит Водслей...

— Что же он говорит?

— Видите ли, сэр, он всегда называл меня «пятнадцатилетним болваном».

Ученый рассмеялся.

— Что же! В известном смысле ваш Водслей, может быть, и прав. Он ведь стар. Поэтому он опытнее вас, его отношение к окружающим явлениям жизни, т. е. умение наблюдать, острее и сильнее вашего. Он больше видит, Гарриман, и больше слышит, хотя ваши глаза более зорки, а уши более чутки... Может быть, вы и умнее его, но его ум более практичен, более приспособлен к жизненным требованиям... Поэтому-то ему и представляются ваши поступки и ваши слова иной раз в таком печальном свете. Но это не должно вас смущать. Все придет со временем.

— О, сэр! Теперь только я вижу, как мало я стою!.. В первый раз я слышу то, что вы говорите!

— Мало ли что вы теперь увидите и услышите в первый раз! Только возможно больше откройте уши и глаза. Даже и все то, что вы уже видели и слышали, представится вам в совершенно ином свете! Вы поймете совсем иначе связи

между людьми, то, что вы будете наблюдать, осветится новой обобщающей мыслью, ваш ум превратится как бы в механизм, перемалывающий большое число отдельных фактов, и результатом этого перемалывания явятся — мысли, ваши личные, вам одному принадлежащие мысли! Одним словом, вы научитесь, Джон, мыслить. Пробовали ли вы когда-нибудь сесть на стул, скрестить руки и думать, Джон? Просто думать? Но, вероятно, вам вообще затруднительно долго просидеть спокойно на одном месте! Не правда ли?

— Не пробовал, сэр, но думаю, что из этого ничего бы не вышло. Вообще, мне ни одна мысль в голову не лезет, как я туда ни вталкиваю, — в конце концов, все выходит как-то само собой! Даже и тогда не думаешь, когда идешь на работу... О, сэр! — спохватился Гарриман, — я опять забыл, что...

— Пока вы не научитесь размышлять, Джон, вы будете бродить в потемках. Все красоты мира будут от вас скрыты. Вы никогда не подыметесь на те высоты, откуда мир так прекрасен, несмотря на грязь и безобразия, которые вы видите вокруг себя... Да, Джон! Если вы не хотите еще спать, я постараюсь понятным для вас языком рассказать, что вы потеряете, не послушавшись моего совета.

— Но я совсем не хочу спать! Признаться, я дьявольски хорошо выспался на вашем заседании, — быстро ответил Гарриман, с разгоревшимся лицом слушавший фон Вегерта.

Фон Вегерт поморщился от крепкого, по-видимому любимого, выражения своего воспитанника.

— Тогда продолжим нашу беседу, — сказал он. — У нас еще много времени впереди для таких разговоров. Но воспользуемся нашим первым свободным совместным вечером, чтобы поговорить о том, что вас, по-видимому, особенно интересует после того, как вы сделали знаменитостью. Ах, Гарриман! Гарриман! Завтра газеты разнесут ваше имя по всем уголкам земного шара, а между тем вы палец о палец не ударили для этого. Видно, вы рождены под счастливой звездой! Ну, пользуйтесь, мальчуган, своим счастьем!

— Сэр, — сказал Гарриман, — мы ведь будем теперь жить вместе?

— Вы мне нравитесь, Джон! И если вы не натворите чего-нибудь, то будете жить со мной, если мы сойдемся! насчет этого с вашим, как его?

— Голоо?

— Да, Голоо.

— Ну, а если мы будем жить вместе, сэр, то и мою «счастливую звезду», как вы называете, мы поделим пополам.

— Я очень рад, что в вас так много доброты...

— Сэр!

— Если так, Джонни, так называйте меня «дядя Роберт».

— «Дядя Роберт»?

— Да. Вы довольны?

— О, как еще, дядя Роберт?

— Однако, мы никак не можем сосредоточиться на нашей теме.

Прежде всего, знайте, что открытие не одно и то же, что изобретение. Открытие обнаруживает то, что существовало и раньше, но не было еще известно; напротив, изобретение создает нечто, не существовавшее прежде. Америка — открыта, порох — изобретен. Понятно?

— Да, дядя Роберт: значит, я «открыл» тайну надписи!

— Скажу вам еще точнее, — продолжает фон Вегерт, — постарайтесь меня понять. Открытие удовлетворяет чистой умственной потребности, изобретение же преследует практическую цель, являясь как бы приспособлением результатов открытия к разнообразным нуждам человека. Ваш соотечественник, Джонни, — его звали Фарадей, — девять лет занимался разработкой некоторых явлений электричества и не предвидел, какие приложения впоследствии извлечет из его чисто умственной работы прикладное знание, — что города будут залиты ослепительным светом, что по их улицам бесшумно побегут трамваи, а на фабриках и заводах заработают могучие динамо-машины! А между тем, все эти и многие другие чудеса техники — только

прямое приложение мыслей Фарадея, результат его размышлений, Джонни... Вы видели когда-нибудь компас?

— У меня есть компас! — ответил Гарриман.

— Значит, вы знаете, что такое магнитные стрелки? Знаете. Так вот, некий Эрстедт открыл, что магнитная стрелка отклоняется под влиянием электрического тока от своего постоянного положения. Пятнадцать лет спустя был изобретен телеграф! Приведу вам еще пример. Один знаменитый ученый, Зинин, открыл в России легкий способ получения одного химического продукта из другого, — через несколько лет в моем отечестве, Германии, благодаря применению этого открытия, организовалась красочная промышленность, давшая нам, немцам, сотни миллионов дохода. Таким образом, Джонни, на этих примерах вы видите, как творческая мысль ученого, как обобщающая идея — результат его размышлений, повторяю, — приводят предприимчивых людей, умеющих осмысливать эти обобщения, эти идеи, к извлечению из них прикладного знания, позволяющего нам улучшать человеческую жизнь. Вы помните, Джонни, что я вам сказал о прогрессе?

— Помню, дядя Роберт.

— Это улучшение человеческой жизни и есть прогресс. Он существует благодаря науке. Без науки люди были бы двуногими животными. Наука последовательно завоевывает все новые и новые области знания. Это долгий и кропотливый путь, Джон. Все мы поселились еще в начале этого пути, хотя наши предшественники-ученые подготовили своими исследованиями возможность решения нами поставленных задач. В свою очередь то, что сделаем мы, есть исходный пункт дел дальнейшего развития науки. Вот почему в науке довольно обычны случаи, когда с очень большой уверенностью представляется возможным предсказать будущие открытия, которые падают в руки избранных, как зрелый плод.

— Значит, если бы Америку открыл не Колумб, то ее открыл бы кто-нибудь другой? — спросил Гарриман.

— Конечно.

— И если бы я не раскрыл тайны надписи, то ее раскрыл бы тоже кто-нибудь другой?

— Разумеется. Рано или поздно. Имейте в виду, кроме того, что очень часто открытия совпадают. В 1874 году некий Грей в Америке подал заявление о выдаче ему патента на изобретение телефона. Ему было отказано, т. к. двумя часами раньше это было уже сделано Беллом, за которым и была сохранена привилегия, давшая ему мировую известность и громадное состояние. То же самое произошло в конце 19-го века с изобретателями беспроводного телеграфа — русским Поповым и итальянцем Маркони. Русский опоздал! И таких примеров можно привести сотни.

— Из меня, дядя Роберт, никогда не выйдет ученого! — с грустью прошептал Гарриман.

— Кто знает, друг мой! Вы еще молоды, вся жизнь ваша впереди. Но если вы и не будете ученым, в этом нет еще никакой беды. Достаточно, если вы станете просвещенным и культурным человеком. А это уже много!

— Нет, дядя Роберт! Никуда я не похужу! Никогда я не научусь «размышлять», как вы говорите. Да и над чем я буду размышлять, я ничего не видел, ничего не знаю!..

— Это придет со временем. Ампер, — существовал такой ученый, — в молодости не выказывал никаких признаков того, что он научится размышлять в зрелом возрасте, а между тем с ним произошел вот какой случай, вот как научился он «размышлять»! Выходя однажды из дому, он прикрепил к входной двери записку:

«Ампера нет дома, приходите сегодня вечером».

Через час он возвратился, но, увидев собственную записку, снова ушел, чтобы вернуться, когда станет смеркаться. Вот до какой рассеянности довела его способность погружаться в размышления! Но, Джонни, почему вы сидите такой печальный, словно в воду опущенный?

— Ах, дядя Роберт, все, что вы рассказываете, очень, очень интересно, так вот сидел бы да и слушал вас всю, скажется, жизнь, но... Я не знаю, со мной что-то случилось: у меня кружится голова, я как-то ослабел...

— Бедняга! Сегодня с вами стряслось столько необыкновенных происшествий, — немудрено, что вы ослабели... Ну, Джонни, раздевайтесь, вот ваше место, — и фон Вегерт указал Гарриману на диван. — Утром не будите меня, я сплю в этой комнате, — он показал на спальню, — я долго проработаю. Отправляйтесь к вашему Голоо и возвращайтесь с ним к завтраку, к 12 часам. Надо же мне с ним познакомиться! Скажите ему, что я его прошу об этом.

— Хорошо, дядя Роберт, — сказал мальчуган, подымаясь со своего места и зевая во весь рот. — Спокойной ночи, дядя Роберт!

Не прошло и пяти минут, как Гарриман, раскинув руки, лежал, погруженный в глубокий сон. Если бы не легкий румянец, который проступил на его щеках, можно было бы подумать, что он мертв.

Фон Вегерт подошел к спящему воришке, заботливо укрыл его пледом, нежно пригладил рукой его рыжие вихрастые волосы и мысленно призвал на его будущее благословение той странной судьбы, которая, казалось, ему благоприятствовала.

— Спокойной ночи, милый мальчик, — тихо прошептал ученый, усаживаясь за письменный стол.

Часы показывали три часа ночи.

Глава VI

СУНДУК С СУМ-ПАН-ТИНЬСКОЙ МАЙОЛИКОЙ

Так прошло с полчаса. Вдруг неслышно открылась дверь, и вошел слуга-китаец. Бесшумными шагами он подошел к фон Вегерту, сидевшему к нему спиной за работой, и резким движением опрокинул его на пол вместе с креслом. Он быстро перевязал ошоропевшему профессору руки и ноги широкой тесьмой, шедшей от узла у ступней ног до затылка, где находился второй узел, и крепко стянул рот шелковым платком.

Затем Ли-Чан, — это был он, фон Вегерт сразу узнал его, — поднял с пола кресло, поставил его на прежнее место у письменного стола и усадил в него совершенно ошеломленного профессора.

Все произошло в несколько секунд.

Связанный фон Вегерт хотел было повернуться, чтобы взглянуть на спавшего Гарримана, но Ли-Чан предупредительно одним взмахом руки повернул его кресло в сторону дивана и сказал по-немецки, с тем самым лкцентом, который расслышал фон Вегерт в телефон:

— Молодой джентльмен не проснется ранее завтрашнего утра, господин профессор! Я принял все меры к этому.

Фон Вегерт судорожно потрянул головой.

— Вам неудобно, сэр? Приходится немного потерпеть. Вы, впрочем, должны извинить меня: я только выполняю полученные мною инструкции. Позвольте, я перевяжу узел, — я, кажется, несколько сильно стянул вас, — добавил он с улыбкой. — Но только вы должны обещать, что не будете пытаться причинить себе излишнее огорчение. Если, сэр, — и голос Ли-Чана зазвенел угрозой, — вы начнете вести себя беспокойно, я приму, будьте уверены, немедленно решительные меры.

Вместе с этими словами китаец взметнул вверх левую руку и затем медленным движением опустил ее кисть вниз, оттянув в сторону большой палец.

Фон Вегерт знал значение этого знака, употребляемого в самой глухой провинции Китая — Сум-пан-тине в торжественных случаях умерщвления человека, осужденного законом.

— Но если он сумпантинец, — пронеслось у него в мыслях, — то ведь он мог бы заменить мне всю ту литературу, которую я бесплодно ищу об этом, никому не известном уголке земного шара! Он мог бы рассказать мне историю этой майолики, которая лежит в моем сундуке и ждет своего определения! Ах, если бы он догадался развязать мне рот!

Ли-Чан как будто угадал мысль фон Вегерта.

— Вы хотите меня спросить о чем-нибудь, господин профессор? Что же, если вы будете вести себя смирно, то через непродолжительное время я освобожу вашу руку от этой неприятной повязки, и вы сможете написать мне о ваших желаниях. Право же, мне самому неловко, глядя на вас. Очень сожалею, господин профессор! Но вы сами виноваты. Вам нужно было только согласиться на просьбу оставить мысль об этой несчастной кон-и-гутской экспедиции, — и все было бы прекрасно!

Фон Вегерт удивленно вскинул глаза.

— Ваше решение непоколебимо, господин профессор?

Фон Вегерт резко кивнул.

— Сегодня со мной происходят действительно необыкновенные приключения! — подумал он.

— Что же! Приветствую такое мужество перед лицом смерти, уважаемый господин профессор! Но если бы вы дали ваше согласие на исполнение обращенной к вам просьбы и ваше слово о полном молчании по поводу происходящей с вами в данный момент неприятности, то вы были бы немедленно освобождены. Впрочем, в вашем распоряжении еще полтора часа времени.

Глаза фон Вегерта в упор смотрели на китайца.

— В нашем положении не очень удобно размышлять, но судя по тому, что вы говорили по вопросу о размышлении вообще м-ру Гарриману, — сказал, улыбаясь, Ли-Чан, — вам все-таки удастся прийти к какому-нибудь умозаключению. Не правда ли?

Фон Вегерт взглянул на Гарримана.

Тот спал врасстяжку, и было видно, что он не проснется. Он лежал, вытянувшись, не двигаясь, как убитый, в том же положении, в каком он заснул. Несомненно, наркотик, который дал ему Ли-Чан за ужином в одном из блюд, был очень силен.

— С удовольствием, господин профессор, я прослушал вашу маленькую лекцию, прочитанную м-ру Гарриману. Вы указали на очень интересные моменты!

Фон Вегерт напряженно слушал китайца со все возрастающим изумлением.

— В этой области — открытий и изобретений, — чрезвычайно много поучительного. На это обращали внимание еще Мармери и Омелянский. Но вы, по-видимому, умышленно умолчали о ряде фактов. Конечно, они были бы трудны для понимания вашего молодого собеседника! Так, например... Впрочем, может быть, вы более не расположены вести беседу на эту тему и предпочитаете, чтобы я замолчал? — внезапно сказал Ли-Чан, наклонившись к фон Вегерту.

Тот, откинувшись на спинку кресла, покачал головой в знак отрицания.

— Чем больше он выскажется, тем лучше, — подумал ученый.

— Очень вам благодарен, господин профессор, за желание побеседовать со мной. Мне известно положение, которое вы занимаете в науке. Поверьте, я чрезвычайно ценю разговор с вами, мне очень лестно, что вы не отказываете мне в нем! Тем приятнее мне доставить вам сейчас хотя некоторое облегчение...

С этими словами Ли-Чан ловким движением высвободил правую руку фон Вегерта из-под повязки и положил на его колени блокнот и карандаш.

— Таким образом мы сможем беседовать, господин профессор! Ах, господин профессор! Вот вы сказали, что великие идеи следует осмысливать для извлечения из них прикладного знания. Этот принцип и привел вас к мысли об участии в кон-и-гутской экспедиции!.. И теперь в вашем распоряжении... — китаец взглянул на часы, — ровно час тридцать минут для того, чтобы отказаться от этого взгляда...

Фон Вегерт сделал движение.

— Вы успеете еще ответить, сэр, по этому вопросу. Ровно через час тридцать минут я попрошу у вас этого ответа в последний и окончательный раз. А пока позвольте мне восполнить те пропуски, которые, как мне представляется, вы сделали в рассказе об открытиях и изобретениях, как плодов человеческого наблюдения, размышления и случая. Я бы добавил еще — фантазии ученого! Прежде всего

вы, мне кажется, недостаточно оттеняете то обстоятельство, что хронологический, так сказать, порядок открытий всегда соответствует их логическому развитию. Словом, природе приходится ставить вопросы в определенном порядке. Согласитесь, что, например, наблюдение Галилея над колебаниями лампы подготовило изобретение точных хронометров, а это, в свою очередь, дало возможность уверенного хождения кораблей в океанах. Без аналитической геометрии не мог бы возникнуть анализ бесконечно малых величин, а открытие Кеплера должно было предшествовать открытию Ньютона. Не правда ли?

Фон Вегерт смотрел на Ли-Чана с выражением такого сильного изумления, что китаец прервал свою речь и, улыбувшись, спросил:

— Сознайтесь, господин профессор, что вам следует переменить свое мнение о вашем невольном собеседнике: вы принимали меня за бандита, не так ли?

Фон Вегерт утвердительно кивнул головой.

— О, господин профессор! Я только выполняю поручение, очень тяжелое поручение, в силу неизбежной необходимости! — сказал он. — Но продолжу свою мысль.

Я думаю, что только так и объясняются обычные в истории науки случаи, когда теоретические представления давали возможность с большой уверенностью предсказать будущие открытия и когда смелые гипотезы служили путеводной нитью в развитии положительного знания. Ведь Менделеев и Лотар Мейер, устанавливая законы периодичности химических элементов, указали с точностью в своей системе места еще не открытых в их времена элементов с определенными свойствами. Или хотя бы Леверье и Адамс, изучая Уран, определили положение в мировом пространстве Нептуна, впоследствии и оказавшегося в указанном месте! Гамильтон предсказал преломление лучей — коническую рефракцию, Максуэль — тождество света и электричества, ваш соотечественник Гофмейстер — существование связи между спорными и семенными растениями...

Фон Вегерт качнул головой. Осведомленность китайца в разнообразных областях знания сбивала его с толку. Он никак не мог решить, кого он перед собой видит: с одной стороны, Ли-Чан казался опытным профессионалом-грабителем и убийцей, с другой — это был корректный господин с незаурядными мыслительными способностями.

Фон Вегерт решил слушать его дальше, тем более, что Ли-Чан говорил с видимым удовольствием, — словно ему хотелось поделиться своими мыслями с человеком, который его понимал с двух слов.

— Я думаю, — продолжал китаец, — этим же объясняется и то поразительное на первый взгляд обстоятельство, что весьма многие открытия совпадали во времени, как, например, открытия Леверье и Адамса, Менделеева и Лотара Мейера, о которых я только что сказал. Ньютон и Лейбниц одновременно и независимо друг от друга вводят в науку дифференциальное исчисление, Снеллиус и Декарт — законы преломления света, Лобачевский и Гаусс — последнюю аксиому Эвклида о параллельных линиях. Мейер, Гельмгольц и Джоуль — закон сокращения энергии. Шлейден и Шванн — клеточную теорию, Дарвин и Уоллес — теорию естественного отбора, которую они прочитали в Линнеевском обществе в один и тот же день, 1-го июля 1858 года! Вант-Гофф и Ле Бель — учение о пространственном расположении атомов. Когда Кальсте читал во французской Академии наук свой доклад о сжижении газов, президентом была получена депеша из Женевы от Пикте о том же! А сколько ученых должны поделить свою славу первого открытия или изобретения со своими предшественниками, только опоздавшими с оглашением добытых открытий и изобретений! В лабораторных журналах русского ученого Ломоносова можно, говорят, найти несколько первоклассных открытий, впоследствии прославивших не одно имя в Европе! В посмертных рукописях Карно изложены основные принципы закона сохранения энергии Джоуля и Роберта Мейера, среди бумаг Клода Бернара найдена рукопись с экспериментальными доказательствами энзимного

характера спиртового брожения, который был установлен затем Эдуардом Бухнером...

Да, господин профессор! В сущности, среди великих изобретений, которые преобразовали лицо мира, нет ни одного, относительно которого можно было бы сказать, что это создано одним человеком! Нет, ваш Ницше не прав с своей индивидуалистической точкой зрения: в основе открытий и изобретений, словом — ученой деятельности вообще — лежит другой принцип — принцип коллективизма! Во всяком случае, должен лежать. Иначе посмотрите, что получается! В России — Попов, в Италии — Маркони почти одновременно изобретают беспроволочный телеграф, Каньяр-Латур и Шванн задолго до Пастера создают биологическую теорию брожения, но начинается спор о приоритете! Наконец, находят формулу, что честь научного открытия закрепляется за тем, кто первый ясно и определенно его сформулировал для закрепления за наукой. Поэтому все знают о Рентгене с его х-лучами, проходящими сквозь непроницаемые для света тела, но мало кто знает о Ленаре, открывшем их, в сущности, первым. Знаменитый Рамзай открыл аргон, который сто лет тому назад был открыт Кавендишем, опередившим также не менее знаменитого Лавуазье в вопросе образования воды при горении водорода и кислорода... А случай с Либихом! Ведь бром был открыт не Баляром, а именно им, хотя он его принял за нечто другое и оставил без внимания, — ошибка, которую он ведь, как вы знаете, не мог себе простить всю жизнь!

Ах, господин профессор! Право же, нет темы более увлекательной для разговора, чем эта, и я более чем огорчен тем обстоятельством, что не имею возможности выслушать ваше мнение. Может быть, вы воспользуетесь карандашом?

Фон Вегерт написал:

Меня всегда интересовало значение случая в жизни человека с научной точки зрения. Я много думал над тем, как вечные и неизменные законы логики по необъяснимому капризу случая рушатся, все привычные расчеты человеческого ума падают, как картонный домик. Особенно это ощутительно в науке, где, бла-

годаря случаю, весьма часто теряется вся нить исследования. Благодаря случаю иной раз роняется само достоинство науки. Впрочем, бывает и наоборот: часто случай помогает решить задачу.

Фон Вегерт положил карандаш и протянул листок Ли-Чану.

Китаец с полупоклоном принял его, прочитал, аккуратно сложил, спрятал в карман и сказал:

— О, летопись науки пестрит случайностями. Вы сами привели много примеров этого. Но разве не странная случайность то обстоятельство, что мы с вами, — люди, родившиеся на двух противоположных точках земного шара и никогда не встречавшиеся до этого печального дня, — заняты мысленно одним и тем же вопросом?

Фон Вегерт сделал попытку улыбнуться.

Мирный тон беседы настроил Ли-Чана, по-видимому, совсем добродушно. Обаяние, которым был в избытке наделен фон Вегерт, как будто подействовало и на китайца. Уже одно то, что профессор не попытался освобожденной рукой сорвать повязку с лица, доказывало Ли-Чану, что он имеет дело с человеком, вполне хладнокровно относящимся к обстановке и ясно оценивающим всю свою беспомощность.

— Вас заинтересовал случай, как причина научных открытий, а я долго думал, — продолжал Ли-Чан, — над тем, с каким высокомерием, с какой надменностью, я сказал бы, встречает наука каждое открытие, независимо от того, является ли оно плодом случая или длительной напряженной работы. Пожалуй, то открытие, которое сделал м-р Гарриман, — Ли-Чан рассмеялся, — первое открытие, которое признано без скептицизма!

Ведь вот, например, Гальвани поднимали прямо на смех, называли «лягушачьим танцмейстером», когда он опубликовал свой бессмертный опыт над сокращением лапок лягушек под влиянием электрического раздражения. Франклина, после изобретения им громоотвода, Лондонское Королевское общество называло «фантазером». Гюйгенс писал, что закон всемирного тяготения Ньютона — «чистей-

ший абсурд», а последний называл волнообразную теорию света Гюйгенса — «весьма сомнительным достижением науки». Статья о законе сохранения энергии Мейера нигде последним не могла быть напечатана, ибо лучшие физические журналы не приняли ее, как «явно вздорную». Открытие Обермейстером спирокет в крови тифозных было встречено медициной насмешками и глумлением! А этот случай с фонографом Эдисона! Вы, конечно, знаете его? Когда в 1878 году фонограф демонстрировали во французской Академии наук, академик Бульо пришел в величайшее негодование и обвинил представителя Эдисона в сознательном обмане почтенных академиков, заподозрив его в чреовещании! Русский ученый Тимирязев тоже признается, что он долго не верил в фонограф... Да, да, господин профессор! Вам, надеюсь, не приходилось иметь дела с такого рода скептицизмом? В вашей области археологии, насколько я знаю, ваш авторитет утвержден незыблемо!

Фон Вегерт взял карандаш и написал:

Я с большим интересом слушаю вас. Но извините мою настойчивость: может быть, вы выскажетесь и по вопросу, который меня особенно интересует, т. е. о роли случая в деле открытий и изобретений?

Ли-Чан прочитал написанное фон Вегертом и предупредительно произнес, пряча новый листок:

— О, господин профессор! Поверьте, я рад поболтать с вами на эту тему, но с гораздо большим интересом я выслушал бы вас самого, если бы это было возможно!

Случай! Конечно, его значение еще недостаточно оценено. Вот смотрите, — и он указал на окно, — там, как вы знаете, висит в воздухе сетка Нортумберландского моста, куда инженерного искусства... Как далеко ему до его предка — сломанного бурей дерева, переброшенного стихией через ручей, послужившего первобытному человеку прототипом моста! Вероятно, обломок дерева, плывший по воде, навел также случайно на мысль о сооружении лодки. Или вот эта чудесная фарфоровая чашка! — и Ли-Чан указал рукой на

стоявший около чайный прибор, — как раз в вашем труде «О некоторых особенностях глиняной посуды Сум-пан-тиня», — моей родины, господин профессор, — я прочитал, как для варки пищи наши китайские предки выдалбливали тыквы и для предохранения от огня обкладывали их снаружи глиной и как обожженная глина, сделав ненужной тыкву, привела случайно к мысли о глиняной посуде!

Фон Вегерт написал:

Ваша эрудиция изумляет меня. Никак не ожидал, что вы читали мое сочинение. Позвольте узнать вашу специальность?

Ли-Чан взглянул через руку фон Вегерта в написанное им, и не успел тот положить карандаш, как прозвучал ответ, произнесенный тихо и торжественно:

— Я член Общества Зеленой Луны, господин профессор!

Этот ответ ничего не объяснял.

Лицо фон Вегерта не высказало никаких признаков удивления; усталой рукой пригласил он Ли-Чана продолжать.

Тот по-прежнему аккуратно спрятал новую записку фон Вегерта, закурил сигару и, откинувшись на кресле, положил ногу на ногу.

— Наши китайские письма, — начал он, — изобретены случайно ученым мандарином, гулявшим по берегу моря и наблюдавшим морских птиц, — следы их лапок дали ему мысль воспользоваться аналогичными начертаниями для зафиксирования последних на бумаге. Удар молнии в песок, сплавивший его в стекловидную массу, помог какому-то финикиянину изобрести стекло. Но вы что-то хотите сообщить мне?

Глаза фон Вегерта улыбались.

Вновь написал он:

Когда говорят о каком-нибудь человеке, что он «пороха не выдумает», то это выражение едва ли можно считать удачным, ибо Бертольд Шварц, заронивший по счастливому случаю искру в смесь серы, селитры и угля, никаким образом пороха не «вы-

думывал!»! Эта мысль мелькнула у меня под впечатлением ваших слов, но пожалуйста, продолжайте, м-р Ли-Чан!

И эту записку фон Вегерта постигла участь прежних. По-видимому, Ли-Чан не хотел оставить ни одного следа от своей беседы с ученым.

— Да, господин профессор, — сказал он, — в конце концов, бесчисленное количество открытий и изобретений объяснено случаем. И классическая древность и средние века дали нам многочисленные примеры этого. Вот, например, Пифагор: не проходи он, — расхохотался Ли-Чан, — мимо кузницы и не обрати внимания на разницу в тонах ударов молота, соответствовавшие кварте, квинте и октаве, арифметическое соотношение звуков не было бы им открыто. Или — Архимед, выскочивший с криком «эврика» из ванны и прибежавший голым домой, чтобы записать случайно открытый им при купании гидростатический закон, получивший его имя. Этот закон не был бы им открыт, если бы сиракузский тиран Гиерон, сомневавшийся в честности своего ювелира и желавший узнать, не содержит ли сработанная им золотая корона примеси серебра, — но узнать так, чтобы не подвергнуть корону ни малейшему вреду, — не поставил этой задачи своему родственнику Архимеду. Кунеус совершенно случайно открыл лейденскую банку. А яблоко Вульсторпской яблони! Я видел ту историческую скамью, которая сделана из нее в честь Ньютона, в 1666 году, двадцати четырех лет от роду открывшего закон всемирного тяготения! Не упало это яблоко — неизвестно, когда он был бы открыт! Или, например, случай с Джемсом Уаттом. Как жаль, — воскликнул Ли-Чан, — что ваш Гарриман не слышит меня в данный момент. Не поручи тетка Джемсу Уатту присмотреть за горшком с супом, этот малыш не увидел бы танцующей крышки под влиянием вырывающихся клубов пара,

Суп не выкипел бы, но не была построена и паровая машина! Если бы врач Гальвани не подвесил в ветренный день лапки лягушки на медной проволоке к чугунным перилам балкона, им не было бы открыто динамическое элек-

тричество, и еще неизвестно, во что бы вылилось современное учение о гальванизме.

А изобретение микроскопа? Вам известно, господин профессор, как был открыт его принцип?

Фон Вегерт отрицательно качнул головой.

— В небольшом голландском городе жил какой-то бедняк, оптический мастер, некий Янсен. Однажды его сын посмотрел случайно на какой-то мелкий предмет сквозь два выпуклых стекла, расположенных на некотором расстоянии одно от другого, и поразился громадным увеличением его. Вот это-то случайное наблюдение молодого Захария Янсена и повело к изобретению сложного микроскопа. Приблизительно то же случилось с знаменитым Гельмгольцем, когда он изобрел офтальмоскоп — прибор для исследования внутреннего строения глаза. Гельмгольц и его ассистент случайно одновременно посмотрели вдоль оптической оси комбинации стекол с противоположных сторон, и вдруг Гельмгольц ясно увидел дно глаза своего ассистента! Он тотчас сообразил, что хрусталик глаза последнего сыграл роль объектива, отбрасывающего изображение внутренней поверхности глаза.

Если бы 8 ноября 1895 года в лаборатории Рентгена, когда он повторял опыты Ленара и Герца для изучения свойств катодных лучей, вблизи не находилось совершенно случайно экрана, покрытого платиново-синеродистым барием, — Рентген не заметил бы свечение этого экрана, не заметил бы своих знаменитых х-лучей, обессмертивших его имя. А открытие радия! Если бы в конце февраля 1896 года не стояли пасмурные дни, ведь радий не был бы открыт Беккерелем. Беккерель прервал из-за пасмурной погоды свои опыты над урановыми солями, подвергавшимися им влиянию солнечных лучей, и снаряженные к опыту рамки с фотографическими пластинками положил с досадой в ящик стола вместе с урановой солью. 1-го марта он решил проявить пластинки, ожидая еле заметного изображения, и вдруг увидел, что изображение получилось ничуть не слабее, чем в опытах с предварительно освещенной солью урана. Оказалось, что соли урана испускают свой-

ственную им лучистую энергию независимо от предварительного освещения их солнцем. В дальнейшем ведь это и привело к открытию радия.

В 1828 году Велер нечаянно, абсолютно нечаянно, открыл мочевины! Вы помните сенсацию, которую произвело это открытие? Еще бы! Чисто химическим путем, без всякого участия животного организма, было получено вещество, которое могло возникнуть только под влиянием «жизненной силы», как тогда говорили, и как еще и сейчас говорят те, которые не могут отрешиться от представления о «душе» и «боге», как о необходимых факторах жизни. А вот еще случай, который мне известен! Зимой 1867 года фирма Сарга в Вене послала в Англию большую партию глицерина. Когда груз прибыл, оказалось, что весь глицерин под влиянием тряски и холода превратился в белую массу игольчатых кристаллов. Теперь кристаллизацией глицерина пользуются для его очистки. Или вот тоже характерный случай. В 1839 году на одном химическом заводе случайно уронили на горячую печь несколько резины, смешанной с серой, — получилась знаменитая «вулканизированная» резина. Все производство анилиновых красок возникло благодаря случайности, когда химик Перкин, ожидая хинина при окислении какого-то препарата хромовой смесью, получил внезапно неизвестное темно-фиолетовое вещество, оказавшееся впоследствии анилином. Получение синей краски индиго — стало возможным после того, как по небрежности рабочего слишком поднялась температура. Термометр лопнул, и капли ртути попали в химическое соединение.

Вероятно, многое из того, что я говорю, вам известно, господин профессор, но вот случай, о котором вы, может быть, и не осведомлены. В 1872 году в Балтиморе, в лаборатории американского профессора Ира работал еврей, русский эмигрант, Фальберг. Надо вам сказать, что он не имел обыкновения после занятий мыть рук перед обедом. И вот однажды, во время последнего, он почувствовал во рту сильный сладкий вкус. Это его заинтересовало, и он обратился за выяснением вопроса к продуктам, с которыми он рабо-

тал до обеда. Среди отбросов сливной химической чашки и был им найден сахарин. Фальберг в короткий срок стал миллионером. С этих пор, говорят, он стал мыть руки! Напомню вам, кстати, другое открытие — динамита. Как-то бутыл с нитроглицерином разбилась и пропитала инфузورную землю. Получился динамит.

Ну! — Ли-Чан затянулся сигарой, — что касается этого случая, то лучше бы его и не было! Если сахарин сделал одного человека миллионером, то динамит сделал миллионы людей нищими! А вот, господин профессор, несколько примеров из области медицины. Как-то раз в Берлине к одному фотографу на сеанс явилась дама. Она была им снята, но оказалось, что лицо ее на пробном негативе покрыто пятнами. Эти пятна оказались оспенной сыпью. Действительно, дама эта заболела впоследствии оспой. Фотографическая пластинка сильной чувствительности позволила предвидеть заболевание! Многие микробы открыты случайно. В Неаполе в одной семье приготовили омлет и поставили в прохладном месте. Через два дня заметили, что поверхность остатков съеденного омлета в темноте светится. В ужасе, думая, что омлет отравлен фосфором, отправили его в лабораторию на исследование, где были найдены колонии нового вида светящихся бактерий.

Ах! Сколько, сколько раз случай помогал науке! Совершенно случайно Фарадей открыл явление сжижения газов, Вальден — так называемый «оптический круговой процесс». А сколько сделано, благодаря случаю, более мелких открытий в области хотя бы одной только химии! Гофман случайно получает изонитрилы, Мейер — тиофен, Франкланд — цинко-органические соединения, Клеман и Дезорм — случайно получают возможность изучить свойства серной кислоты... Иод, хлор, гелий, аргон — все открыто случайно! Недаром физик Гюйгенс, который сделал столько открытий, высказал сомнение, чтобы мог найтись такой гений, который изобрел бы зрительную трубу без помощи случая! Самому Лавуазье только случай помог открыть закон вечности вещества.

Но, без сомнения, одним из наиболее замечательных примеров случайных открытий я считаю открытие Партером принципа иммунизации, т. е. способа предохранения против заразных болезней. Если бы Пастер не был случайно лишен свежих разводов возбудителей холеры, когда он вспрыскивал их курам, и не вспрыкнул старую многомесячную культуру, он никогда не открыл бы своего знаменитого способа устранения во многих случаях восприимчивости организма к заболеванию.

Внезапно Ли-Чан умолк. Его взгляд скользнул по лицу фон Вегерта и на момент остановился на часах, стоявших напротив на камине. Вместе с тем раздался их звон. Часы мелодично пробили четыре раза.

Ли-Чан вынул из бокового кармана небольшой никелированный футляр и положил его перед собой на стол.

Фон Вегерт невольно вздрогнул.

Казалось, бой часов являлся предвестником грозной опасности.

Фон Вегерт сразу понял, что заключал в себе этот блестящий предмет. Ведь не случайно же Ли-Чан закончил свою речь Пастером! Есть какая-то связь между ним и последним примером, приведенным Ли-Чаном.

Ли-Чан, между тем, вынул изо рта сигару, аккуратно спрятал ее вместе с пеплом в портсигар, снял с вежливой улыбкой с колен фон Вегерта блокнот и карандаш и положил их на прежнее место.

Улыбаясь, он придвинул свое кресло ближе к креслу фон Вегерта и произнес:

— Я прошу вас, господин профессор, на этот раз в окончательной форме ответить мне: желаете ли вы исполнить обращенную к вам просьбу или нет? Достаточно вашего простого обещания, что вы не примете участия в экспедиции в Кон-и-Гут, и вы немедленно будете освобождены, все эти неприятности кончатся. Само собой разумеется, что вы должны также обещать, — о чем я уже вам сказал, — не подвергать огласке ничего из того, что происходило с вами в эту ночь.

Фон Вегерт выслушал слова китайца, звучавшие твердо и размеренно, словно удары молотка о медь, о смешанным чувством волнения и любопытства.

Что Ли-Чан его убьет в случае отказа повиноваться, это фон Вегерт понимал вполне определенно. Достоинство ученого боролось в нем с инстинктом самосохранения. Но боролось недолго.

Ли-Чан внимательно за ним наблюдал.

Наконец, фон Вегерт решился. Глаза его улыбнулись. Ли-Чан протянул ему блокнот и карандаш.

В последний раз.

Фон Вегерт написал:

Не можете ли вы сообщить, какое значение будет иметь для вопроса об отправлении экспедиции мой отказ от нее, если я все-го на всего только археолог, и экспедиция, вдобавок, финансируется не мной?

Китаец улыбнулся в свою очередь.

— Извольте, — сказал он, — я удовлетворю ваше желание и отвечу вам на ваш вопрос. Экспедиция будет бес- сильна в работе на месте, если она даже и выехала бы, — чего я не думаю, — так как экспедиция больше не распо- лагает надписью рокандского камня: записная книжка Гутчисона, все документы, диапозитив, который был пока- зан сегодня вечером на экране Географического института уже нами уничтожены, принадлежащий же вам негатив будет уничтожен! Он лежит в вашем портфеле, сэр! — и Ли-Чан кивнул головой на письменный стол. — Без этой руководящей надписи экспедиция будет бродить в потем- ках. Мы же вполне определенно установили, что только один вы могли запомнить надпись, так как весьма долго прора- ботали над ней, ее фотографируя. Другие ученые, оказа- лось, не помнят деталей, а детали-то и важны. Вы удовлет- ворены ответом, господин профессор?

Написал фон Вегерт:

Благодарю вас за откровенность. У меня в таком случае имеет-

ся к вам один только вопрос. Если вы согласитесь на него ответить, я буду вам обязан, несмотря ни на что. Этот вопрос, м-р Ли-Чан, — чисто научный вопрос.

— Прошу вас, — ответил китаец. — Но в вашем распоряжении для разговора не более пяти минут.

Фон Вегерт торопливо набросал на блокноте:

Так как вы уроженец Сум-пан-тиня, где еще не было ноги европейца, то не можете ли вы определить, к какому веку относится майолика, собранная в моем большом ящике? Не есть ли это майолика развалин храма бога солнца Ма? И если да, то не следует ли отсюда вывод, что религия Ма есть древнейшая из известных нам религий Китая? Решение этого вопроса есть дело чрезвычайной для науки важности.

Ли-Чан произнес с улыбкой:

— Господин профессор? В Сум-пан-тине до сих пор поклоняются Ма. Эту майолику я узнал с первого взгляда. Вы правы в ваших предположениях.

Лицо фон Вегерта просветлело. Двухлетний труд был закончен. Закончен для него самого, ибо кто узнает, что тайна перестала быть тайной. Точное решение последнего научного вопроса в жизни фон Вегерта далось легко, но покупалось дорогой ценой, ценой жизни.

Снова написал фон Вегерт Ли-Чану:

Не можете ли вы изложить сказанное письменно и направить открытие вместе с майоликой в Археологическое общество?

Ли-Чан предупредительно отвечал:

— К сожалению, этой последней вашей просьбы я исполнить не могу. В Археологическое общество будет отправлен ваш ящик, но не с майоликой, а с вами самим. М-р Гарриман сам отвезет его от вашего имени и сдаст на хранение до вашего нового распоряжения.

Фон Вегерт содрогнулся.

— Господин профессор, да или нет?

Фон Вегерт закрыл глаза.

— Господин профессор, да или нет? Принимаете ли вы наши условия?

Фон Вегерт тихо качнул головой в знак отрицания. Веки его больше не поднялись.

Тогда Ли-Чан стремительно сунул в карман последние записки ученого, одним прыжком вскочил с кресла, и не успел фон Вегерт заметить, как его правая рука молниеносно была привязана к телу; затем Ли-Чан быстрым взглядом огляделся кругом и направился к сундуку с майоликой, мимоходом взглянув на лежавшего без движения Гарримана.

Разноцветные плитки отражали своей блестящей поверхностью электрический свет ламп. Лиловый узорчатый орнамент на темно-багряном фоне майолик нарядно выделялся из массы голубых, розовых, желтых, темно-синих поверхностей.

Так же стремительно Ли-Чан стал выбирать одну за другой лежавшие плитки из сундука и складывать их около на ковер. В несколько минут сундук был опустошен.

Лицо Ли-Чана оставалось каменным, словно он готовился уложить туда не фон Вегерта, а его вещи. Только когда были выбраны последние плитки, выражение лица Ли-Чана перестало быть бесстрастным, — он несколько сморщился: со дна сундука археолога подымался тяжелый запах камфоры. Очевидно, там раньше хранились предметы другого рода, которые требовали особых предосторожностей для хранения.

Проделав свою работу, Ли-Чан выпрямился и взглянул на связанного фон Вегерта. Тот сидел к нему спиной, по-прежнему на вид покойный, как будто уснувший.

Профессор Роберт фон Вегерт отдавал себе ясный отчет в том, что произойдет.

Уступить он не мог, — вся его внутренняя гордость восставала против уступки насилию. Уступить он не хотел. Бороться не было возможности. Мысль, что преступление рано или поздно будет открыто и что, следовательно, запутанный вопрос о Кон-и-Гуте, запутывающийся с каждым днем

все более и более, получит новые данные для своего решения, — эта мысль его успокаивала.

— Что же! Моя смерть не ухудшит, а улучшит состояние дела, — подумал фон Вегерт, — в конце концов, лучше умереть из-за науки, чем вследствие чего-нибудь другого.

Это была последняя мысль ученого, вынесшего себе приговор. Приговор был окончательный и бесповоротный.

Осталось ждать приведения его в исполнение.

Усилием всего своего существа фон Вегерт замкнул работу своего интеллекта. Он даже перестал ощущать боль от бинта, стягивавшего его тело. Разве только шелковая повязка на рту несколько мешала, так как препятствовала дыханию. На один момент горячая волна как бы залила его, — кровь сделала последнее бешеное усилие вернуть человека к жизни. Но затем весь организм затих в напряжении, без мысли, без чувств.

Ли-Чан снял блестящую крышку с того небольшого металлического ящичка, который он незадолго перед этим поставил на стол, и вынул из него так называемый шприц Праватца, употребляемый в медицине для инъекции сильнодействующих ядов. Шприц уже был наполнен какой-то жидкостью.

Ли-Чан подошел к креслу фон Вегерта.

Секунду, казалось, он колебался.

— Сэр, — произнес он, — да или нет? Я спрашиваю вас в последний раз.

Фон Вегерт не отвечал.

Ли-Чан чуть заметно вздохнул и, более не колеблясь, воткнул иглу шприца в тыльную часть шеи фон Вегерта.

Драгоценная майолика плитка за плиткой была выброшена Ли-Чаном через открытое окно в строительный мусор, которым на дворе заваливали основание фундамента возводившейся постройки.

Глава VII

ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

Гарриман проснулся поздно. Помимо того, что его сильно утомили приключения прошлого вечера, — молодой мозг не привык к такой усиленной работе над совершенно исключительными впечатлениями, — свое дело сделало снотворное средство, которое всыпал ему за ужином Ли-Чан. Все тело болело, словно от ушибов. В полости рта было сухо, как во время лихорадки. Гарриман лежал, едва приоткрыв глаза, и старался припомнить все, что с ним произошло в последние двадцать четыре часа.

Когда его мысль остановилась на фон Вегерте, он улыбнулся, сразу вспомнив все, и вскочил с дивана. В тот же момент к нему приветливо подошел китаец.

— С добрым утром, сэр!

Гарриман огляделся и увидел, что фон Вегерта в комнате нет.

— Профессор еще спит? — обратился он к Ли-Чану.

— Господин профессор уже давно встал, сэр. Мне поручено передать вам его просьбу...

— Разве он уже ушел? — с удивлением спросил Гарриман.

— Он по срочному делу выехал из Лондона сегодня утром, оставив за собой эти комнаты. За два месяца господином профессором уплачено вперед за все, сэр. Господин профессор вам кланялся и просил вас жить здесь.

— Что вы говорите! — воскликнул Гарриман.

Яркая краска заливала бледное лицо юноши по мере того, как Ли-Чан передавал ему столь неожиданное известие.

— Кроме того, сэр, вам оставлены деньги на личные расходы: сто фунтов.

С этими словами китаец протянул Гарриману пачку банковых билетов.

Нерешительной рукой взял Гарриман деньги.

Он чувствовал, что еще секунду, и слезы, которые он едва сдерживал, брызнут из его глаз...

Усилием воли он сдержал себя.

— Не передал ли он чего-нибудь еще? Вы сказали, что...

— Да, господин профессор обращается к вам с просьбой: нужно сегодня утром перевезти в Археологическое общество вот этот сундук с майоликой, — и Ли-Чан указал рукой на стоявший посредине комнаты, обвязанный веревками груз. — Вы должны на словах сказать, что господин профессор просит хранить его в подвалах с коллекциями и не вскрывать до его приезда. Возможно, что он вернется через две недели, возможно — через два месяца. Через два месяца он, во всяком случае, даст о себе знать. Так он сказал.

— Я с радостью сделаю все, что требуется, — проговорил Гарриман.

— Сэр, я уже купил все необходимое для вашего туалета.

И китаец придвинул к Гарриману столик с разложенными на нем вещами.

Гарриман был сильно смущен. Однако, оставшись без своего покровителя, он решил сохранить самообладание.

— Ладно, я сейчас оденусь, — произнес он.

Ли-Чан служил с готовностью, которая ничем не отличалась от услужливости обыкновенного дисциплинированного слуги. Равно он ничем не показывал Гарриману, что видит перед собой обыкновенного лондонского воришку, лишь переодетого в платье джентльмена.

Через некоторое время Гарриман, великолепно одетый с ног до головы, поступил в ведение вызванного из отеля парикмахера. Его прическа и руки были быстро приведены в блестящее состояние.

Окончательно ничто не выдавало в нем его прежнего положения и профессии.

— Где находится Археологическое общество? — спросил Гарриман.

— О, сэр! Шофер вас отвезет, вам нечего беспокоиться.

Было 10 часов утра.

Ли-Чан передал по телефону распоряжение, и через несколько минут сундук был вынесен из отеля и поставлен в автомобиль.

Гарриман спустился по лестнице со смешанным чувством неясной тревоги и скорби.

Через полчаса все было сделано.

Сторожа Археологического общества приняли сундук и поставили его в присутствии Гарримана в подвалы, где обыкновенно хранились все неразобранные коллекции. Секретарь выдал расписку. На бланке общества значилось:

Получен без *описи* от профессора Роберта фон Вегерта один закрытый сундук, подлежащий хранению до востребования.

С стесненным сердцем Гарриман вышел на улицу. Автомобиль уже уехал. К Голоо надо было идти на Беккер-стрит.

Гарриман твердо решил направиться к своему знаменитому другу и рассказать все происшедшее. Больше всего его смущал внезапный отъезд фон Вегерта.

Почти у самого дома, где жил Голоо, в Миддлтон-сквере, Гарриман устало сел, чтобы собраться с мыслями. Публики не было совсем. Сквозь сырую мглу, окутывавшую серой вуалью уже потускневшую зелень деревьев, не проникал ни один луч солнца. Было холодно и неприветливо. В сквере казалось, что день еще не начался. Мрак боролся со светом.

Внезапно Гарриман насторожился. Несомненно, вблизи него находилось какое-то живое существо. Прорезав взглядом туман, он увидел на другом конце длинной скамьи закутанного и съежившегося человека. До его острого слуха донесся тихий стон: Гарриман прислушался. Стон повторился. Так мог стонать умирающий от голода бродяга, которому неоткуда ждать помощи.

Гарриман поднялся с места и двинулся на звуки. Подойдя, он различил, что они исходят из маленького дрожащего тела, прильнувшего к скамье, как опавший осенний

лист. Ясно было, что перед ним находилась женщина, видимо, совсем молодая, голова и торс которой были закутаны в теплую, дорогую на вид шаль. Одну ногу это неизвестное существо подогнуло под себя, другая свободно свисала со скамьи, обнаруживая элегантный ботинок из темно-коричневой блестящей кожи.

Гарриман снял шляпу и, слегка коснувшись рукой до закутанного тела, сказал с учтивостью, свойственной англичанину при разговоре с женщиной:

— Мисс! Что с вами? Не могу ли я вам помочь?

Закутанная женщина вздрогнула, как от неожиданного сильного толчка. Рука освободила лицо, и перед изумленными глазами Гарримана предстало оно, как сверкающая драгоценность. Алмазы глаз были усыпаны жемчугом слез.

Девушка снова застонала, ее голова упала на руки, Рыдания, казалось, душили ее.

Гарриман стал безуспешно стараться отнять руки девушки от лица. Он бормотал несвязные слова участия, соединяя их со всеми ласковыми названиями, которые мог только припомнить.

Постепенно девушка затихла. Казалось, слезы облегчили ее горе. Грудь стала дышать ровнее, тело перестало биться в конвульсиях. Только легкие вздрагивания тоненьких плеч еще доказывали, что волнение не стихло.

Шаль сползла с них, и Гарриман увидел перед собой хорошо одетую молоденькую мисс, по внешности ничем не отличающуюся от тех, кого он привык видеть на прогулках в роскошных авто или перед стеклами великолепных магазинов.

Издали приближался полисмен.

— Мисс, мисс! Идет бобби... Вам надо встать... Идемте же! — скороговоркой проговорил Гарриман,

— Что? Кто идет? — спросила девушка.

— Полисмен, мисс! Могут быть неприятности...

Гарриман инстинктивно чувствовал необходимость увести девушку из сквера.

— Ах, не все ли равно! — простонала та.

— Мисс, уверяю вас... — убеждал ее Гарриман, стараясь поднять со скамьи.

Девушка грациозным движением накинула на себя шаль и встала.

Стоя, она казалась приблизительно одного роста с Гарриманом.

Распухшие от слез веки чуть приоткрылись и пропустили сквозь длинные ресницы тоскливый взгляд, с неммым вопросом устремленный на Гарримана.

— Пойдемте, мисс!

Она покорно взяла его под руку и машинально двинулась за ним, едва волоча ноги.

— Кто вы?

— Ах, не все ли равно... — тихо промолвила девушка.

— Но что вы делаете в сквере? Что с вами случилось?

— О, я так несчастна!

Эти слова пронесли тихо и печально под шум падавших осенних листьев.

Почти у выхода девушка вдруг с силой вырвала свою руку и бросилась в боковую аллею.

Гарриман едва успел остановить ее, схватив за плечи. Она вся сжалась и покорно опустила голову. Лицо ее дергалось от сильнейшего возбуждения.

— Кто вы? Оставьте меня! — почти злобно бросила она оторопевшему Гарриману.

— Но, мисс, как же я вас оставлю, раз вы в таком положении...

— Кто вы? — еще раз спросила девушка. — Вы ничем не можете помочь мне!..

— О, мисс! Может быть, вам нужны деньги? У меня очень много денег!

— Ах, деньги! Немного их есть и у меня, но что я буду делать с ними одна, одна на целом свете!..

— Но, мисс, это не такая еще беда, я тоже был один на целом свете, пока...

Гарриман подумал о Водслее и фон Вегерте.

Девушка исподлобья взглянула на него, и внезапная улыбка озарила ее лицо.

— Пока не влюбился? — спросила она.

— О, нет! — почти с испугом воскликнул Гарриман. —
Такими делами я не занимаюсь.

— А чем вы занимаетесь?

Гарриман хотел было ответить: «спелеологией», но поперхнулся на этом слове, сообразив, как нелепо прозвучит оно, и для него-то еще не вполне имеющее смысл, и быстро ответил, чтобы ответить что-нибудь:

— Я — боксер!

— Боксер? А я думала, что все боксеры большие и толстые!..

Гарриман сконфузился.

— Видите ли, я еще не совсем боксер, я только дружу с одним боксером... Голоо... Вы не слышали разве про такого?

— О, да! Я слышала... Я читала недавно афишу об его выступлении.

— Ну, вот! — обрадовался Гарриман. — Значит, вы знаете моего лучшего друга!

— Но я его совсем не знаю, — возразила девушка, — я только видела его портрет на афише. Он мне очень понравился: такой черный и такой веселый!

— Знаете что, мисс, я сейчас иду к нему, пойдемте вместе?

Девушка уже шла покорно с Гарриманом, как прирученный молодой олень, осторожно переставляя свои стройные ножки, чуть покачиваясь на ходу хрупкой нежной фигурой. При этом вопросе Гарримана она вновь испуганно остановилась.

— О, нет, нет! Пустите меня!

Но Гарриман продолжал твердо стоять на своем.

Рядом доводов и убеждений, может быть, не вполне ясных и логичных, но рассказанных самым убедительным тоном, он доказывал незнакомке, что, проведя ночь в сквере, надо хотя немного отдохнуть.

Усталость сделала свое дело. В помраченном от горя сознании ее он, Гарриман, казался ей близким, почти родным...

Она позволила довести себя до таксомотора, и мальчуган, никогда еще не ездивший в них, тем не менее громко и отчетливо приказал ехать по адресу Голоо, на Беккер-стрит.

Весь путь девушка молчала.

Почти у конца пути она с внезапной решимостью вдруг произнесла:

— Я хотела отравиться...

И на изумленно протестующий жест и взгляд Гарримана вынула из-под шали граненый флакон, наполненный какой-то желтоватой жидкостью.

Гарриман схватил ее руку с такой силой, что пальцы разжались, и флакон упал. Пробка вылетела, и на бархатистом коврике, под ногами, растеклось пятно от пролившегося яда.

— А, что мне делать, что мне делать!.. — простонала девушка. — Я одна на целом свете... Что мне делать! — еще раз горестно повторила она.

И она рассказала ему короткую и трогательную историю. Впоследствии Гарриман узнал ее во всех подробностях.

Смерть матери, смерть отца... Сирота в десять лет. Близких нет. Нет и средств к существованию, так как она родилась в простой рабочей семье.

Ей представляло влачить жалкое существование на улицах Лондона, подобно Гарриману. Между тем у девочки, необыкновенно изящной, с тонкой организацией, очень рано обнаружились исключительные способности к танцам. Ее драматическое и пластическое дарование, экспрессия ее лица невольно обращали внимание.

Но там, где железная дверь судьбы открывается только золотым ключом, одно внимание помочь ей не могло.

Однажды старый Паркер, — ах, этот добрый Паркер, которого она вспоминает с такой любовью, — взял ее с собой на скотобойню, где он служил с детских лет и с ее основания сторожем. Паркер сам едва сводил концы с концами, работая, как вол, изо дня в день всю жизнь. Но Эрну он приютил и пригрел лаской одичавшего сердца. Единственным развлечением его стало по воскресеньям втолковы-

вать ребенку, которого он сажал на колени, что наступит пора, когда, наконец, он, Паркер, умеющий, что называется, по кончику хвоста быка определить его возраст, вес и все прочее, — не то, что этот мясник Гуль! — сам станет Гуллем, а этот толстый денежный мешок выпустит свое золотое сало, как выпускает его йоркширский боров под ножом, — и что тогда он, Паркер, устроит ее в школу, в которой ее будут учить всяким этим штукам... При этом он делал выразительный жест ногами.

Может быть, именно постоянная мысль о Гулле, этом мультимиллионере, короле английских свиней, олицетворявшем в его наивном уме весь тот уклад жизни, который раздавил его за шестьдесят пять лет существования, привела его к намерению показать ему Эрну.

— Как выудить у него деньжонок на девочку?

В тот день, когда он взял с собой Эрну на скотобойню, Гуль должен был последнюю посетить.

Паркер решил действовать просто, смело и решительно. С дельцом надо поступать деловым образом...

Сначала флегматичный Гуль изобразил на своем лице полное недоумение, когда его взору представилась картина: танцующая на большом чугунном, чуть вогнутом диске скотобойни девочка и Паркер, ритмично похлопывавший ладонями, заменяя оркестр в этом необыкновенном хореографическом зрелище.

Но Паркер не дал ему опомниться:

— Это наша достопримечательность, сэр, — сказал он Гуллию на его вопросительный взгляд. — Я думал сделать вам удовольствие...

Секретарь Гулля в упор смотрел на своего патрона, оборвав на полуслове деловую стенограмму.

— Ну и историю выкинул старый Паркер, — говорил его взгляд.

— Что вы смотрите на меня, как корова на курьерский поезд? — резко бросил ему Гуль сквозь зубы, и его просветлевшее было лицо стало снова хмурым.

Он вынул автоматическое перо, выпустил клуб дыма и написал на имя Паркера чек в пятьдесят фунтов.

Стенограмма осталась неоконченной. Пять тысяч свиней сохранили свою жизнь на двадцать четыре часа, не попав в этот день на острие карандаша секретаря.

Утром, сидя в своей конторе, Гулль проворчал сквозь зубы:

— Эта маленькая балерина обошлась мне в сто сорок пять фунтов. Пошлите ей для ровного счета пуд конфет.

Много грехов простил Паркер Гуллю, когда смог определить ее в балетную школу.

Но вот ей уже семнадцать лет. Паркера нет больше в живых.

Режиссер театра, знаменитый синьор Винценти, потирая руки, восклицает:

— Браво! Брависсимо! Вы пальцами положительно кусаете пол! Звуки вылетают из-под ваших ножек! На вас я покажу свой новый пируэт!

Наконец, она сформировалась в вполне сложившуюся танцовщицу, одухотворенную в самых мельчайших движениях. Еще немного, — и она станет артисткой.

Когда провалилась «La felicite», то на вопрос режиссера, как поддержать этот балет, остряк Ребели, его автор, ответил:

— Я удлиню танцы, вы укоротите туники, но главное — выпустите Энесли!

Все предвещало ей блестящую будущность.

В «Возвращении богини» она затмила соперниц.

Синьор Винценти после спектакля наклонился к ней и сказал:

— Вы — богиня! Я первый показал вас смертным. В чем моя награда?

Потом в книге Бальзака «Physiologie du mariage», которую читала Эрна, он отчеркнул место, где этот величайший знаток женщин говорит, что «танцы — настоящая могила любви».

С этого началось.

Элегантный красавец, чуть тронутый своим сорокалетним возрастом, баловень дирекции, кумир всех танцовщиц, не раз окидывал Эрну теплым взглядом своих влаж-

ных глаз и со словами, рожденными в тайниках искусства, старался постепенно влить яд эротизма в разгоряченное воображение нервной и впечатлительной девушки, но противоядие молодой чистоты было еще слишком сильно, чтобы этот яд мог оказать свое разрушительное действие.

И когда он увидел, что могущество его обаяния на нее не действует, что простое и чистое сердце глухо к его зову, в нем проснулся зверь. Волна крови смыла в нем последние проблески чести и человечности.

Лестью и обманом он создал положение, в котором она оказалась в его руках. Того, что произошло, она не ждала. Ужас и отчаяние овладели ею, и бедная девушка, сжав в руке свой платок, превратившийся от слез в мокрый комочек, с побледневшим лицом ушла из школы, которая была ее домом, в тот момент, когда только что приоткрылась дверь в нарядное и светлое будущее...

Как она попала в сквер? Ее память не отвечала...

Голоо ничего не понял из того, что ему наспех рассказал Гарриман. Черный великан таращил свои белки на девушку, улыбался, как всегда, показывая ряд крепких белых зубов и, смущенный, гонял своего маленького Бобанегритенка в зеленом переднике, похожего на обезьяну, то туда, то сюда, чтобы усадить мисс и угостить ее утренняя завтраком.

— Черная обезьяна! — кричал Голоо, — открой глаза и закрой рот! Заодно закрой и шкаф с бельем! Даю тебе одну минуту: мисс будет завтракать!

— Сэр! — на ходу выпалил тот, — шкаф с бельем закрыть невозможно: белье задохнется! Самому себе я уже заткнул рот... тряпкой, как видите... Ах, с вами всегда рискуешь жизнью!

И он побежал смесью фокстрота с шимми вниз по лестнице на кухню.

Голоо даже не обратил особого внимания на перемену, которая произошла во внешности его молодого приятеля Гарримана.

Тому так и не удалось бы рассказать ему все происшествия прошлого дня, с ним случившиеся, если бы Эрна

Энесли не уснула, пригравшись в глубоком пружинистом кресле, среди мягких кожаных подушек, где отдыхал боксер после работы с своим тренером.

Голоо слушал Гарримана сначала невнимательно, с явно написанным на лице недоверием, почти насмешкой.

Затем, убедясь, что с Гарриманом действительно произошло что-то необыкновенное, негр стал задавать ему вопросы и, в конце концов, из ясных и точных ответов его убедился, что мальчуган не лжет. Он еще раз переспросил его насчет отъезда фон Вегерта и окончательно уверился в правдивости сообщения Гарримана, когда тот показал ему полученную им от Ли-Чана пачку банковых билетов.

— Итак, Джонни, вы теперь миллионер? А?

— Пожалуй, — ответил мальчишка.

— Что же вы теперь будете делать?

— Я? Ждать своего другого опекуна.

— Значит, я действительно ваш опекун?

— Ну да! Вы мой опекун, так же как и профессор! Он только говорил, что вас еще нужно утвердить.

— Все-таки вас надо проверить, Джонни. Может быть, вы что-нибудь и напутали. Но к кому же обратиться по этому делу?

— Протелефонируйте королю, Голоо, — со смехом воскликнул Гарриман.

— Ну, вы по-прежнему такой же шалопай! Подождите-ка! Как звали того старика-ученого, который вас посадил на свое место в этом заседании, где вы сделали свое открытие?

— О! Вы говорите про Бонзельса. Это самый старый и самый знаменитый из них!

— Хорошо. Я поговорю с ним.

— Станет ли он с вами разговаривать? Вот вопрос!

Голоо сделал круглые глаза.

— А почему бы ему со мной не разговаривать?

— Ах, Голоо, Голоо! Когда он говорит, сам король молчит!

— Значит, он очень важная персона?

— Должно быть, да!

— Признаться, я о нем ничего не слышал. Ну, да все равно, — если будет нужно, я поговорю и с самим королем!

Эти слова гигант произнес так, что Гарриман проникся прежним к нему уважением.

— Джонни! — вдруг произнес боксер.

Гарриман, колотивший кулаком в упругий кожаный мяч, висевший посредине залы для тренировки Голоо, остановился в ожидании.

— Джонни! — повторил Голоо задумчиво. — Я девушку от себя не выпущу, разве она сама уйдет. Мне кажется, что я...

Он не договорил своей мысли.

По лицу Гарримана можно было понять, что он догадался о том, что хотел ему сказать черный великан.

Гарриман поглядел на юную красавицу, мерное дыхание которой указывало на то, что она спит спокойно, вздохнул и принялся за прерванное занятие. Мяч с еще большей силой стал летать туда и сюда от ударов его кулака...

Глава VIII

КОЕ-ЧТО РАЗЪЯСНИЛОСЬ

Кровь яростно стучала в виски... Напряжение достигло последних пределов. Воскресающее сознание пугливо отгоняло какую-то мысль, стремившуюся в него проникнуть. Тупая ноющая боль во всем теле требовала покоя. С легким вздохом фон Вегерт вытянул ноги. Раздался треск... Эхо восприняло его, как пушечный залп. Еще секунда, другая — похоже на вечность.

Где я?

Он хотел крикнуть, но спазма сдавила горло. Дышать было тяжело. Отверстия, находившиеся на крышке сундука, затянутые изнутри полотном, пропускали воздух с трудом, ровно столько, сколько нужно для предметов неоду-

шевленных, к хранению коих этот сундук был в свое время приспособлен.

Глухие человеческие голоса, далекие, едва слышные, вывели фон Вегерта из оцепенения. Он ясно различал слова, которые падали в его мозг, словно жидкие капли расплавленного свинца, и растекались в нем, не оставляя следа.

— Резерфорд! Что это у вас трещит здесь? Вот опять, вы слышите?

— Да, странно! Мне показалось, что...

— Идите сюда! Вот здесь явственно слышно...

До слуха фон Вегерта донеслись звонкие удары шагов по каменным плитам.

— Вот и еще и еще...

Голоса стали переплетаться, звеня почти у самого уха.

Фон Вегерт ясно различал густой, несколько насмешливый голос Бонзельса. Он говорил:

— По-видимому, самое интересное здесь — из области потустороннего! Не правда ли, господа! Но наши гости — не спириты, показывайте-ка нам ваши коллекции... Что вы говорите, профессор Медведев?

— ...Я слышал стон!

В настороженной тишине подошли еще двое.

— Что такое?

— В чем дело?.

Фон Вегерт слышит эти вопросы, голоса так знакомы... И вдруг ослепительно сверкнуло воспоминание! Да ведь это Морган и Краузе, те самые, с которыми он разбирался в вопросе о кон-и-гутском камне.

— Кон-и-Гут...

Мысль продолжает сверлить его мозг... Вот еще, еще немножко, и он воспримет эту мысль, поймает ее, поймет... Фон Вегерт судорожно, с силой вытянулся. Его правая нога проломила тонкую перегородку сундука. Сквозь образовавшееся отверстие хлынул поток воздуха.

Казалось, он начинает терять сознание от массы внезапно поглощенного кислорода.

— Что это за чертовщина здесь у вас происходит? — вновь прозвучал голос Бонзельса, — звуки идут вот отсюда!

Но фон Вегерт уже пришел в себя. И вот в безмолвии, под каменными сводами ярко освещенного подвала Археологического общества, где Бонзельс, его председатель, водил прибывших в Лондон иностранных ученых с целью ознакомления их с многочисленными коллекциями, хранившимися там до установки в соответствующих музеях, — раздался тихий, но внятный голос:

— Не пугайтесь! Сохраните хладнокровие! Вы стоите, очевидно, около меня... Откройте этот проклятый ящик, в котором я задыхаюсь...

Среди массы витрин, ящиков и разных других предметов, которыми был загроможден подвал, то низких, то возвышавшихся до самого потолка, взгляд Бонзельса различил сундук, на котором была наклеена надпись:

Сум-пан-тиньская майолика профессора Роберта фон Вегерта. Германия.

Его остро-наблюдательный взор остановился вдруг с изумлением на торчавшей из сундука ноге. Нога двигалась!

— Здесь! — воскликнул он и бросился к сундуку.

— Hallo! Вы слышите меня? Сейчас мы вас откупорим, — крикнул Бонзельс в крышку.

— Кто б это был?

Делом нескольких минут было освободить несчастного пленника. Полузадохшийся, полумертвый фон Вегерт упал на руки своих друзей.

На нем не было лица.

— Вы? Это вы? Какой убийца запрятал вас в этот ящик? Скажите нам его имя!

— Кон-и-Гут... — едва прошептали его губы, и он смолк. Фон Вегерт был в глубоком обмороке.

Казалось, он лишился ясного сознания и даже, может быть... По крайней мере, он производил такое впечатление.

Бонзельс не отходил от него. По его задумчивому лицу бродили тени.

— Преступление! Но кто совершил его! В каких целях?

У всех не сходило с языка это таинственное слово «Кон-и-Гут», но никто не понимал, что же, в конце концов, все это значит.

К концу дня фон Вегерт оправился настолько, что всякая опасность исчезла. Он двигался совершенно свободно, сознание прояснилось. Вместе с тем уверенность в необходимости полного молчания о происшедшем окрепла еще больше.

— Бонзельс! — на ухо последнему прошептал фон Вегерт. — Пусть все молчат... Возьмите с них слово... Так надо. Не возражайте. Еще раз говорю вам: возьмите с них слово о полном молчании! И сделайте одолжение, соединитесь со «Сплендид-отелем» и спросите фон Вегерта — я там живу...

Бонзельс пожал плечами и взял трубку.

— Hallo! «Сплендид-отель»? Соедините меня с профессором фон Вегертом. Что? Он выбыл? Неизвестно куда? Подождите... Что еще? — тихо спросил Бонзельс.

— Скажите: «может быть, он отдал какие-нибудь распоряжения лакею-китайцу, который ему прислуживал?»

Бонзельс повторил вопрос в аппарат.

— Больше не служит? Уволен?

Фон Вегерт перехватил трубку из рук Бонзельса.

— Вам известно, что у профессора фон Вегерта, — сказал он измененным голосом, — жил молодой человек? Вы говорите — Гарриман? Совершенно верно, Гарриман. Он в отеле? Нет? Вы говорите, что он отвозил вещи профессора в Археологическое общество и более не возвращался? Хорошо. Больше ничего. Что такое? Фон Вегерт оставил номер за собой на два месяца? Благодарю вас.

Гарриман? Гарриман, этот милый мальчик, — соучастник в преступлении?! Не может быть! Тут что-то не так... Что за сплетение интриг и случайностей около этого вопроса!

Кон-и-Гут! Сколько еще неожиданностей, несчастий произойдет в связи с этой таинственной пещерой.

Ученые дали слово, которого требовал у них фон Вегерт. Но каждый из них смутно догадывался, что вокруг кон-и-гутского вопроса сгущаются грозовые тучи. Никто не понимал, в чем дело.

Мозг самого Бонзельса безуспешно пытался разрешить проблему.

В конце концов, он махнул рукой.

— Что же, если у вас свои соображения... Но не хотел бы я все-таки провести и пяти минут в вашем сундуке! Вы совсем пропахли камфорой, милый фон Вегерт!

— Я думаю, что она меня спасла, — медленно ответил последний, глядя в недоумевающие глаза Бонзельса.

Бонзельс пожал плечами, как он всегда это делал, когда он прощался с вопросом, который не мог разрешить, и спросил:

— А все-таки, Вегерт, вам следовало бы еще раз подумать, стоит ли вам связываться с этой экспедицией, — убеждал Бонзельс. — Пока вы спали, мы говорили на эту тему. Мы мало знаем, вы ничего нам не рассказали, — но тем не менее мы пришли к заключению, что Кон-и-Гут не по нашим зубам. Советую побывать у м-ра Мэк-Кормика. Он назначен начальником экспедиции, как единственный знаток тех мест.

— Я буду с ним говорить, — ответил фон Вегерт. — Пока у меня к вам просьба: приютите меня на некоторое время у себя!

— Вегерт, вы знаете, старый дружище, что я счастлив быть в вашем обществе. Я вас жду, едем вместе...

— Нет. Я должен еще найти сегодня же негра Голоо, боксера. Он...

— Боксер Голоо? Зачем он вам понадобился?

— Это второй опекун Гарримана.

— А-а! Понимаю. Ах, Вегерт! Вегерт! Вы совсем захвачены этой нелепой комбинацией... Ну, как хотите... Может быть, вы и правы. Но я о Кон-и-Гуте, говоря по совести, ничего больше слышать не хотел бы. Все наши — одинако-

вого со мной мнения. Они категорически устраняются из этой истории. Даже русский, этот энергичный Медведев, советует бросить это дело. Мы телефонировали Свендсену — он того же мнения. Как видите — все против!

— Вот как!

— Да. Мы считаем, что здесь научный интерес столкнулся с другим интересом, более могущественного порядка. Что это за интерес — мы не знаем. Очевидно, впрочем, что тут даст знать о себе Азия... Азия! О, таинственная страна! Итак, Вегерт, я вас жду...

Фон Вегерт крепко пожал руки своего спасителя и простился.

К Голоо!

Шофер института не знал, вращается ли земля вокруг солнца или солнце вокруг земли, но он знал, где живет самый знаменитый человек Лондона.

— Боксер Голоо! Еще бы! Он знает его, он не раз видел его! Он даже имел счастье возить этого негра, пока не поступил в шоферы Института... Сегодня матч между ним и Луи Брене. Сэр видел этого приезжего джентльмена? О! Он похож на исполинскую гориллу. Голоо придется-таки сегодня с ним повозиться.

Боб, шустрый негритенок Голоо, распахнул дверь на звонок фон Вегерта и торжественно заявил, подняв палец вверх:

— Лежит. Курит. До состязания осталось четыре часа...

Но попытку фон Вегерта проникнуть в комнаты Боб пресек самым решительным образом.

— Никак нельзя. Сегодня никто не принимается. Голоо распорядился принять только м-ра Мэк-Кормика.

— Не у вас ли находится молодой человек, которого зовут Джоном Гарриманом?

— О, да! Где же ему еще быть... Он торчит у нас каждый вечер.

— Вы можете его вызвать?

— Хорошо, сэр. Присядьте. Я вам его сейчас представлю, только вы его не узнаете, — он одет прямо как лорд...

Сказав это, по своему обыкновению залпом, черный человек в зеленом фартуке, подпрыгивая, скрылся из глаз посетителя.

— Дядя Роберт!! — Гарриман кинулся к фон Вегерту.

Его неподдельная радость была так велика, что ученый поблагодарил небо, что в его душу не закралось подозрение против этого простого сердца...

— А мне сказал ваш китаец, что вы уехали и приедете не раньше, как через две недели, даже — два месяца!

Этимися словами для фон Вегерта было все сказано.

Боб стоял с разинутым ртом.

Этот старик — дядя Гарримана? Вот так штука! Водслей? В таком случае ему здесь не место. Голоо строго-настрога приказал не пускать этого старика на порог. А уж, если ему воспрещен доступ к Голоо — то это значит, что он отъявленный мошенник! Ведь у нас бывает всякий, кто пожелает.

— М-р Водслей! — вежливо начал он, став в позицию воспитанного слуги. — М-р Голоо никого не принимает — я уже доложил вам об этом.

— Я — не Водслей, дружок! — ответил фон Вегерт. — Вот, передайте м-ру Голоо мою карточку. Я надеюсь, что он меня примет.

Боб повертел в руках узенький листок картона, попробовал его на язык, взглянул на Гарримана и решительно возразил:

— Не могу, сэр. М-р Голоо никого не принимает.

Фон Вегерт вынул монету.

— Не трудитесь, сэр. Если бы вы сделали меня из черного белым, и тогда я не согласился бы.

Тягучий сильный звонок прервал Боба на полуслове.

В дверях показался человек несколько выше среднего роста, но казавшийся высоким благодаря тому, как он нес свою голову, плотный, сумрачный, решительный.

Это был Мэк-Кормик, тот отважный путешественник и знаменитый охотник, о котором знали во всех частях света.

Взгляд его упал на фон Вегерта. Мэк-Кормик сделал к нему шаг и протянул руку. На пальцах вытянутой руки делился массивный перстень, на черном камне которого был искусно вырезан профиль женской головы с ободком из слова «Ray-Ru».

— Господин профессор, наконец мы встретились. Сегодня я получил назначение в кон-и-гутскую экспедицию и был очень огорчен, когда узнал, что вы будто бы на два месяца покинули Лондон. Но пройдемте к нашему Голоо.

И он двинулся вперед мимо ошарашенного Боба.

Голоо в свободном белом фланелевом костюме поднялся с дивана, на котором лежал, вытянулся во весь свой огромный рост и дружески приветствовал Мэк-Кормика.

В большом зале, очевидно, устроенном под тренинг боксера, в креслах, обитых темно-красной кожей, сидели Эрнэ Энсли, хан рокандский и тренер Голоо, старый боксер, стяжавший в свое время лавры, но уже давно сошедший с арены, почти забытый всеми, кроме спортсменов, помнивших его знаменитый тройной удар, которым он сделал себе имя.

— Я не только по традиции Спорт-клуба, как его президент, заехал к вам, милый Голоо, — сказал Мэк-Кормик, подавая руку боксеру, — я хотел искренне пожелать вам удачи. Вам предстоит сегодня тяжелая борьба.

— Я больше боюсь не за себя, но за его высочество. Его высочество держит пари против всей Франции на миллион франков.

— Как? Вы рискуете такой суммой? — изумился Мэк-Кормик, протягивая руку хану. — Нам лестно, что вы на нашей стороне, хан, — сказал он.

Взгляд Мэк-Кормика упал на Эрнэ Энсли.

Красота ее напомнила Мэк-Кормику дни, когда он был счастливым мужем и отцом...

Между тем, Голоо с недоумением разглядывал фон Вегерта.

Ученый поклонился и попросил у него внимания на несколько минут.

В нескольких словах он объяснил Голооо цель своего посещения.

— Так вот что!

Он зажал руку фон Вегерта в свои огромные ладони и принялся их трясти с такой силой, что у того потемнело в глазах.

— Я буду делать все то, что вы прикажете по этому вопросу, но пока позвольте вас познакомить.

— Я давно уже знаю профессора фон Вегерта, — проговорил Мэк-Кормик, беря папиросу из протянутого ему ханом рокандским портсигара. — Ваше высочество, позвольте вам рекомендовать профессора, как большого знатока Востока.

Молния зажглась на лице хана, когда он услышал фамилию ученого.

Изумление еще светилось в его глазах, когда он закрывал свой портсигар. Но едва взгляд фон Вегерта упал на последний, как он вздрогнул. На крышке портсигара явно виднелось зеленое эмалевое изображение луны.

— Зеленая луна. Но ведь этот убийца, Ли-Чан, сказал, что он член «Общества Зеленой Луны»... Или это простое совпадение, случайность? Ведь мусульмане часто носят подобные изображения полумесяца в качестве эмблемы на своих вещах.

— Профессор работал в ваших экспедициях, м-р Мэк-Кормик? — спросил хан.

— Нет, господин фон Вегерт до сих пор всегда отказывал мне в этой чести, но, насколько мне известно, ныне он согласился довериться мне.

— Именно?

— Я поеду с м-ром Мэк-Кормиком в Роканд, в Кон-и-Гут! — произнес вдруг фон Вегерт с ударением, глядя прямо в глаза хану.

Воцарилось молчание.

С завоораживающей улыбкой хан произнес, опустив свои длинные ресницы и ни к кому не обращаясь:

— Я очень несчастлив, что лично не смогу принять го-

стей у себя дома, в Кон-и-Гуте. Экспедиция, вероятно, отправляется вскоре? Мой привет родным местам.

Он замолчал, рассматривая концы своих лакированных туфель в белых гетрах.

— Поручение вашего высочества будет исполнено еще в этом году, — произнес Мэк-Кормик.

Глаза хана потемнели. И трудно было сказать, чем было вызвано несомненное волнение, в которое привел его разговор о Кон-и-Гуте. Может быть, лицо его, цвета слоновой кости, не выразило ничего другого, кроме сожаления о своей родине, последнюю пядь земли которой — Кон-и-Гут — еще до сих пор не осквернила нога ни одного европейца?

Хан провел рукой по лицу, и оно вышло из-под ладони снова надменным, бесстрастным и таинственным под белоснежной чалмой.

Фон Вегерт молча наблюдал.

Кон-и-Гут! Что тут таится?

Эрна рассматривала мужчину, собравшихся у Голоо, с разнородными чувствами.

К фон Вегерту она почувствовала симпатию с первого же взгляда. Кое-что о нем уже успел ей сказать Гарриман. К Голоо ее влекло инстинктивно, — она словно чувствовала, что около него ей нечего и некого бояться. Но он смешил ее своим черным лицом и сверкающими зубами, которыми он щелкал, словно волк, гоняя маленького черно-зеленого веселого Боба то за тем, то за другим по своим обширным апартаментам. Гарриман? Да, к нему она чаще всего поворачивала свое прекрасное лицо. Как хорошо, если бы он был ее братом!

Остальные двое — хан и Мэк-Кормик — ей совсем незнакомы. Они были, пожалуй, слишком известны, чтобы она могла почувствовать к ним что-либо другое, кроме любопытства, смешанного с чувством некоторого удивления. Она вся сжалась после страшного испытанного ею потрясения, и теперь, под ласковым взглядом Голоо и Гарримана, отнесшихся к ней с нежной сердечностью, душа ее понемногу оживала, распуская навстречу раскрывающимся

сердцам новых друзей свои лепестки, из которых один лепесток был — симпатия, другой — дружба, а третий...

— Вы любите, оказывается, живопись, Голоо? — обратился хан к негру, — мисс Энесли с таким вниманием разглядывает этот пейзаж! Я видел его в Париже.

— Да, я купил его, ваше высочество.

— Вероятно, из-за белых птиц... Голоо любит все белое, — внезапно произнес Гарриман.

— Ах, негодяй! — воскликнул негр. — Давно ли ты сам перестал быть черным, как мой дед?

— Значит, он был черней вас? — воскликнул Гарриман. — Ну, это невозможно!

Все рассмеялись.

Словно отлакированное черной краской лицо Голоо обдала волна смущения. На его лице изобразилась боль. Он взглянул на Эрну.

Мэк-Кормик наклонился к нему и произнес:

— Я любил женщину с темной кожей. Я думаю, что белая женщина может полюбить негра. Любовь — это нечто большее, чем красота.

Глаза Голоо сверкнули.

— Вы тоже так думаете, мисс Энесли?

Вопрос, поставленный в упор, вывел ее из задумчивости созерцания чаек, носившихся над волнами и вот-вот готовых вылететь из золотой рамы.

Взоры мужчин устремились на нее. Казалось, что эта белокурая Диана может разрешить вопрос уже благодаря одному тому, что она женщина.

— Я думаю... — она запнулась, — я верю, что человек любит человека не потому, что он красив...

— Человек — человека? Здесь говорят о *женщине и мужчине*, — вот в чем вопрос! — возразил хан.

— Все равно, — произнесла она. — М-р Мэк-Кормик сказал то, что и я думаю, ваше высочество.

Голоо привскочил с своего места, но снова уселся с видом человека, который всего менее занят разговором. Если бы он мог покраснеть, он покраснел бы с ног до головы.

Гарриман покосился на своего черного друга.

Фон Вегерт, сидевший молча, вдруг проговорил:

— Ваше высочество, вероятно, знаете, что сделано открытие, касающееся вашего Кон-и-Гута?

Хан медленно повернулся к говорившему:

— Я слышал кое-что о каком-то никому не известном молодом человеке, который оказался остроумнее самых остроумных ученых из Королевского Географического общества. Говорят, он получает миллион за свое открытие?

— Совершенно верно. Этот молодой человек — перед вами, ваше высочество. Я и Голоо — его опекуны. Миллион будет ему выплачен по проверке его открытия на месте, в Кон-и-Гуте.

Хан из-под опущенных ресниц всматривался в лицо Гарримана.

Антипатия, которую этот высокомерный азиат внушал последнему, заставила его подняться с места и подойти к фон Вегерту, словно отдаваясь под его покровительство.

— Джонни! Слушайте меня внимательно, — тихо произнес фон Вегерт, отводя его в сторону. — Ночуйте в «Сплендид-отеле». Держитесь так, как будто я действительно уехал. Завтра утром отправляйтесь в Британский музей. Сосчитайте в витрине, где лежал рокандский камень, число всех камней, там хранящихся. Число камней. Вы поняли?

— Будет сделано, дядя Роберт, — так же тихо произнес Гарриман, отходя от фон Вегерта.

Мэк-Кормик с интересом наблюдал за воришкой, ставшим в двадцать четыре часа джентльменом, но не проронил ни слова. Он уже знал во всех подробностях, как протекает заседание в Географическом институте, и взвешивал шансы Гарримана в отношении его участия в экспедиции.

Хан подошел к Эрне.

— Когда вы снова танцуете, мисс? Я так много слышал о вашем таланте, но мне не пришлось еще видеть вас.

— Я не танцую больше, ваше высочество.

— Я изумлен! Но почему же?

Легкая краска залила бледное лицо девушки.

— Я уезжаю.

— Надолго?

— Навсегда.

— Но вы остаетесь в Англии? Ведь вы англичанка?

— Моя мать немка, ваше высочество. Но я изменю Англии ради Франции.

— Значит, Париж? Прекрасно. Позвольте мне помочь вам в незнакомом городе. Я знаю Париж, как уже знаю ладонь вашей руки.

И он галантно взял ее изящную руку, немощно спущенную на рукоятку кресла, и поцеловал.

Затем он отошел, не задерживаясь.

Голоо все слышал, все видел и сразу решил.

— Если меня сегодня Брене побьет — я попрошу у него реванша в Париже, а если я его побью — я дам ему реванш... тоже в Париже.

— Париж, Париж! — воскликнул Мэк-Кормик. — Чудесный город, но опасный. Лучше бы вам, Голоо, ехать со мной в Кон-и-Гут. Туда вы увезете свою славу или...

— Бесславие?

— Нет, я не то хотел сказать... — задумчиво произнес Мэк-Кормик, переводя взгляд с него на Эрну Энесли. — Впрочем, уже шесть часов! Состязание в восемь с половиной... До свидания, милый Голоо. Желаю вам успеха. К сожалению, я настолько занят сегодня вечером, что не смогу увидеть вас и вашего грозного противника.

Он протянул руку своим гордым жестом, ладонью вниз, попеременно всем присутствующим. Только поклон его в сторону хана был чуть спокойнее и суше. Прощаясь с Эрной, Мэк-Кормик на мгновение приостановился и проговорил так, что только она одна расслышала его слова:

— Сохраните ваше сердце навсегда таким же чистым...

— Голоо! Если вы не поедете со мною в экспедицию, то в вас я хотел бы видеть преданного покровителя мисс Энесли!

Голоо с любовью взглянул на Эрну.

Хан вскричал, смеясь, с своего места:

— Но разве мисс Энесли не самостоятельно выбирает себе друзей? Во всяком случае, я приму меры к тому, чтобы Голоо оказался в Париже одновременно с мисс!

Голоо вздрогнул. Хан говорил так, как будто он решил все, и за себя и за девушку.

Черный великан с нежной душой, влюбленный с первого взгляда в эту ослепительную белую девушку, затрепетал было от счастливых слов, которые она недавно произнесла, но сразу поник головой, услышав смелый смех человека, который бестрепетно привык брать в руки то, что ему нравилось.

— Я поеду с вами, вероятно... — грустно сказал он Мэк-Кормику, провожая его к выходу.

Тем временем фон Вегерт, стоя около кресла хана рокандского, рассказывал последнему о своей сум-пан-тиньской майолике, происхождение которой ему удалось, наконец, точно определить.

— Ваше высочество можете помочь мне своим указанием, — говорил он. — Вы знаете Восток и, вероятно, осведомлены о всех ученых востоковедах, разбирающихся в археологических вопросах. Может быть, вам известен какой-либо ученый китаец родом из Сум-пан-тиня? Конечно, — заметил фон Вегерт, — было бы счастьем для меня встретиться с подобным человеком, но...

Он улыбался с некоторым коварством, пытливо глядясь в лицо хана.

— Я знаю только одного ученого, который может быть вам полезен, — своим надменным тоном произнес тот, перебивая фон Вегерта. — Это профессор Шедит-Хуземи. Он — араб, но долго жил в Азии.

И хан взглянул в глаза фон Вегерта с явной насмешкой.

— Он не считает нужным даже скрывать свое отношение к вопросу, — подумал фон Вегерт. — А может быть...

Он понял, что видит перед собой противника, противника умного, жестокого, вероятно, вероломного.

Очевидно, гордый азиат был недоволен затеянной экспедицией в его страну, и даже его привычная сдержанность ему изменяла, когда он говорил по поводу ее. Но только ли это?

Фон Вегерт молча поклонился, взглянул на Гарримана, прислушивавшегося к разговору, и, сделав еще один общий поклон, вышел из залы, условившись с Голоо о встрече.

За ним поднялся с своего места и хан рокандский.

Эрна, которую сцена познакомила с сложением мужчины, с удивлением увидела, как гибок и пластичен естественной гибкостью и естественной пластичностью этот человек, в котором чувствовалась огромная скрытая сила нервов и мышц. Безукоризненно сидевший на нем фрак, на борту которого сверкало золото звезды, оттенял мускулатуру его рук и груди, бронированной тугим плотным рубашки.

Даже Мэк-Кормик в сравнении с ним, с своей чисто английской фигурой, казался тяжеловатым. Что-то общее было у хана разве с одним Гарриманом. Та же змеиная манера в некоторых движениях, то же мерцание светящихся глаз под длинными ресницами...

Лицо Эрны по-прежнему не смеялось. Один только Голоо изредка вызывал ее улыбку. Ей все хотелось дотронуться до него пальцем, чтобы ощутить железо его тела. Он был весь какой-то особенный!

Эрна согласилась присутствовать на матче.

Две комнаты, которые ей отвел Голоо, были уже соответственно прибраны, и ей не приходилось беспокоиться о ночлеге.

Кокетливая горничная ставила в вазы цветы, которые Голоо распорядился купить.

Эту ночь она проведет под его кровлей...

Потряхивая копной своих волос, остриженных по моде и обнажавших шею почти у самого затылка, она старалась разобраться в том, что ей следует теперь делать. Ее светлые глаза с немим вопросом глядели на Голоо. Тот прощался с человеком, который поставил миллион франков на его мускулы и безмятежно уходил, думая о чем угодно, только не об этом.

— Мисс, сегодня у нас трудный день! Вам было беспокойно, но через несколько часов я вернусь, может быть, на

носилках, и в доме наступит тишина... Обещайте мне, что вы будете навещать меня? Ваши комнаты...

— Если вам будет плохо — я все время буду с вами, — тихо промолвила девушка.

— Ну так пусть Брене проламывает мне череп! — воскликнул, смеясь, великан, поднимая Эрну за плечи в уровень с собой.

Это своеобразная ласка была так неожиданна, что оба смутились.

Подошел тренер.

— Голоо, под душ!

Боксер осторожно опустил на пол тоненькую фигурку, казавшуюся еще более тонкой на фоне его широкой груди.

— Пойдемте! Гарриман, где вы? Поручаю вам мисс Энесли. Ну, друзья мои, до свидания. Теперь мне нужно заняться самим собой...

И с этими словами великан, насвистывая «Марш гномов», взял под руку тренера.

— Идем, старина! Попробую ваш трояк еще раз на вас самих!

Глава IX

ДВА СОСТЯЗАНИЯ

Гарриман не в первый раз присутствует на состязании. Разве англичанин может спокойно отнестись к вопросу о том, какая нация лучше дерется? Бокс — это точный показатель превосходства одной нации над другой. Народ, взрастивший лучшего боксера, взрастит и лучшего солдата и лучшего купца... Черный цвет кожи Голоо не совсем гармонирует с превосходной точкой зрения, но Голоо происходит из той части Центральной Африки, над которой развевается британский флаг. Следовательно, Голоо — англичанин.

Если его спросить об этом — он подтвердит. Только в самом тайнике его сердца шевельнется что-то, похожее на протест и обиду...

Но сегодня Голоо — англичанин насквозь.

Во-первых, с ним сегодня вся Англия.

Во-вторых, Голоо влюблен в англичанку.

Это случилось с ним впервые. Его глаза блестят. Их туманит только сознание того, что он черен, как сажа.

— Эх! Если бы я был белым! — мысленно восклицает он.

Улыбка Эрны действует на него магнетически. Он несколько взволнован. Мышцы его автоматически сокращаются, словно ему уже наносят удары. Тысячи глаз, смотрящих на две точки, стоящие на арене, одну — белую, другую — черную, электризуют их обоих, но есть еще одна пара глаз, которая стоит тысячи! Эту пару глаз видит Голоо даже после команды, приглашающей боксеров на свои места.

Противник его, наоборот, спокоен. Он на полголовы выше Голоо. Заметно для глаз, что он весь как-то кряжистее, прочнее негра. Его жилистые ноги твердо стоят на ковре помоста, сколоченного посредине арены.

Гарриман и Эрна сидят рядом у самого помоста. От боксеров их отделяет только канат. Они с тревогой наблюдают за французом, который сверлит взором из-под нависших бровей тело конкурента.

Сегодня решается участь одного из них и вместе с тем — участь многочисленных пари, заключенных в Старом и Новом Свете.

Чемпион мира!

Луи Брене против Голоо!

Оба — тяжелого веса. Первый — в зените славы. Второй — смельчак, на нее претендующий.

Брене смотрит пристально. Он изучает негра, которому он намеревается нанести удар, такой удар, чтобы дело было кончено в первом же раунде. Но он видит, что ошибся. Этот черный человек с блестящими поверхностями рельефно выступающих мускулов стоит перед ним, как молодой дуб. И опытный боксер, не знавший поражения, чуть сму-

щается. Он решается изменить обыкновенную тактику и не нападать, но ждать нападения.

— Посмотрим, что это такое? — думает он.

Там-там-там-там... Это задрезал гонг.

Воцарилась мертвая тишина, и противники скрестили руки.

Первый раунд прошел, вопреки ожиданиям, бледно. Со стороны казалось, что противники словно щадят друг друга. Француз получил больше ударов, чем нанес сам, но был свежее. Очевидно, что он был и сильнее. К обоим подошли тренеры с губками, но оба отклонили их услуги, завернувшись в шерстяные халаты. Голоо остался на ногах. Брене сел, — он не пренебрегал ничем, чтобы сберечь свои силы.

Второй раунд начался оживленно с переменной удачей. На половине его белый перешел внезапно в ожесточенное нападение и, казалось, негр будет смят. Но Голоо вдруг вышел из-под ударов... Луи Брене закачался... Еще момент, более краткий, чем секунда. Новый удар Голоо и... француз тяжело падает у ног негра, почти потеряв сознание от сильного прилива к голове. Серия ударов Голоо, размещенная вся в полости сердца противника, нарушила циркуляцию его крови...

Сотни рядов зрителей вздохнули, как один человек.

Раз, два, три... Медленно, отчетливо отсчитывает до десяти чей-то голос...

Шесть, семь... Брене подымается одним прыжком, и схватка продолжается с еще большим ожесточением. Но время истекло, и раунд заканчивается новым ударом гонга.

Противники не слышат его, и их приходится разнимать.

Оба садятся. Большая губка освежает их тело, но рукоплескания не достигают их слуха. Француз по-прежнему спокоен. Он несколько бледен и недоумевает, в чем именно заключается исполинская сила мышц Голоо, на вид уступающих его мышцам. Несомненно, Голоо отлично тренирован, но ему ведь далеко еще до мастерства!

Брене вздыхает и медленно поднимается. Гонг зовет на место.

Голоо напрасно ищет глазами белую девушку. Новый ряд зрителей из состава администрации зрелища и особо почетных лиц закрыл от него ее и Гарримана. Случайно он различает перед собою тонкий профиль хана рокандского. За ним как будто что-то белеется, но...

— Малыш! Не забудь, пускай мой удар в ход, если придется плохо. Этот проклятый француз хочет кончать дело! — шепнул тренер Голоо.

Третий раунд был для негра сплошным несчастьем. Один момент ему показалось, что ему уж не встать. Два раза был он на полу. Два раза он слышал роковой счет! Два раза доходил до него гул и рокот оттуда, где билось одно мощное сердце — сердце публики. Кажется, был вывихнут сустав большого пальца на левой руке...

Его тренер трясся той мелкой дрожью, которая вызывается неожиданным испугом. Он вел себя, как помешавшаяся мать.

— Почему он медлит? Теперь нет почти никаких шансов! В новом раунде он упадет от простого толчка. На кого он похож?!

Между тем Голоо чувствовал, что он утомлен.

Хотя ему удалось нанести Брене перед самым концом раунда удар в нижнюю челюсть, от которого тот зашатался и потерял свой ритм, но он понимал, что срок пропущен для знаменитого тройного удара его тренера и что ему, ослабевшему, с мускулами, дрожащими от гнева, боли и усталости, этого удара не нанести.

Его спас гонг.

От француза не ускользнуло состояние Голоо. Оно было, впрочем, заметно для всех зрителей.

Эрна, не знакомая с этим видом спорта, присутствуя первый раз на матче, с ужасом думала, что Голоо будет убит. Вся ее жалость была направлена на него, хотя ее глаз, как и глаз всякого другого, мог увидеть, что и фаворит Луи Брене был в тяжелом положении. С его лба капала кровь, одна щека сине-багрового цвета вздулась и почти закрыла рот. Его тренер мягкой перчаткой вытирал пот, обильно с него струившийся.

Она приподнялась с своего сиденья и, стоя как раз за спиной хана рокандского, всем своим существом посылала привет и ласку погибающему Голоо.

Он сидел, опустив голову, собираясь с мыслями...

— Очевидно, он разбит!

Последний раунд... Истомленное тело нестерпимо болит...

Ноги еще в порядке, но выдержат ли они последнюю схватку?

Но все же надо попробовать нанести этот великолепный удар, который он так долго изучал.

— Малыш! — шепчет ему старый тренер, губы его дрожат, — малыш, возьми себя в руки! Соберись с духом... Будь повеселей, черт возьми! Смотри, вон твоя девочка шлет тебе поцелуи!

Голоо выпрямился, как выпрямляется спущенная стальная пружина. И глаза его вмиг поймали то, чего он жаждал больше, чем победы над своим чудовищным противником. Юное сердце дикаря затрепетало от радости и счастья. Он чуть было не вскочил, едва удержанный за плечо тренером...

— Мисс Энесли!

Да, это она, его бледная, милая, белая красавица, смотрит на него, и слезы блестят на ее глазах...

Ах, сегодня день ее слез! Вся трепеща от жалости, она машинально своей крохотной ручкой посылала приветственные знаки в сторону Голоо. И он забыл все: то, что перед ним грозный противник, — то, что он открыт глазам тысячной толпы, — то, что эта девушка, такая близкая и вместе с тем такая далекая — случайный гость сегодняшнего дня в его жизни.

Он вскочил с места, оттолкнул тренера и, бросившись к веревке, натянутой на парапете, перегнулся через нее.

Луи Брене с изумлением смотрел на человека, который вел себя так странно.

Хан рокандский поправил стеклышко в своем глазу и заметил своему соседу, репортеру «Таймса»:

— Финал будет, кажется, интересным. Голоо, несомненно, сошел с ума!

Голоо действительно сошел с ума, но не от ударов яростного француза, а от счастья.

Он не слышал зазвучавшего гонга, и распорядитель долго тряс его за руку, прежде чем Голоо опомнился.

О, счастье! Он больше не чувствовал утомления. Что вернуло ему силы? Глаза девушки? Окрепший и свежий, словно после хорошего крепкого сна, он медленно направился к своему месту.

— Последний раунд!

Окрик распорядителя заставил его овладеть собой.

Он встал в позицию.

По лицу Луи Брене было видно, что он решил положить конец схватке. Некоторое время Голоо стоял посредине арены без прикрытия, давая возможность французу вертеться вокруг него. У последнего все еще текла кровь из разбитого подбородка и раны под левой бровью, которую вместе с кожей снял с его лица могучий кулак негра.

Голоо ждал... Считая Голоо утомленным и этим объясняя его спокойствие, Брене бросился на него с рядом последовательных ударов, мастерски нанесенных. В один прием шесть страшных толчков, попеременно обоими руками — четыре в область живота и два в область подбородка — последовали с такой быстротой, что были нанесены полностью, прежде чем тело Голоо успело рухнуть на ковер.

Зрители приподнялись со своих мест и, тесня друг друга, впивались взглядами в распростертое тело. У ног француза лежал негр, вытянувшись во весь исполинский рост. Но этот негр был англичанин.

У ринга кричали и плакали... Дамы подымали вверх руки, словно в экстазе.

Прерывающий голос отсчитывал:

— Раз, два, три...

Голоо лежал.

— Четыре, пять, шесть...

Голоо лежал.

— Семь, восемь...

Голоо лежал с открытыми глазами, навзничь. Сердце его пело. Он не чувствовал боли, разве только нестерпимо ныл вывихнутый палец...

Он лежал умышленно: он отдыхал.

При счете девять он внезапно вскочил на ноги, обнажая улыбкой ряд своих крепких белых зубов.

Это было так неожиданно, что затрепетали самые хладнокровные.

И вот произошло то, чего уже никто больше не ждал.

Наступил печальный конец всякого состязания.

Луи Брене, уверенный в победе, подходил к Голоо с вытянутой правой рукой, готовясь, очевидно, левой сразить противника окончательно.

Наступила секунда, когда все замерли.

Голоо перестал улыбаться. И вдруг с быстротой, превосходящей всякое вероятие, он нанес три удара французу, которые слились в представлении зрителей в один. Удар в сердце, в подбородок и боковой — в левую часть щеки.

Некоторое время Луи Брене шатался, как пьяный, взмахивая бесцельно и бессмысленно своими длинными узловатыми руками, затем как-то странно перегнулся в пояснице и упал лицом вниз.

— ...Семь, восемь, девять..

Но Голоо уже знал, что для его противника все кончено.

— Десять.

Он не слышал взрыва рукоплесканий, шума, гама и крика бесновавшейся толпы, не слышал голоса своего тренера, его поздравлявшего, не видел тянувшихся к нему рук, протянутого ему конверта с его призом — десять тысяч фунтов. Он не отвечал на раздававшиеся приветствия. Глаза его закрылись, и он, пошатываясь, почти упал на руки тренера.

Хан рокандский, с улыбкой наблюдавший, что делалось у боксеров, уже заметил в то же время тех, кто стоял сзади него. Он приподнял свою шляпу:

— М-р Гарриман! Позвольте мне довести мисс Энесли и вас?

Гарриман ничего не ответил. Инстинктивно он чувствовал в этом человеке врага фон Вегерта и, следовательно, своего врага.

От его наблюдательности не ускользнуло, что перед экспедицией в Кон-и-Гут вырастают сложные и неожиданные препятствия и что хан рокандский играет во всем этом какую-то роль. Гарриман еще не уяснил себе, каково истинное отношение последнего к Эрне Энесли, но уже понял, что она находится под надежной защитой Голоо, если только сама от нее не откажется, и что он, Гарриман, ей в сущности больше ничем быть полезным не может.

Пристально глядя на хана, Гарриман молча поклонился и, тихо дотронувшись до руки девушки, произнес с опущенной головой:

— Мисс Энесли! Позвольте мне остаться с Голоо...

Пока происходила только что описанная сцена борьбы человека с человеком, на другом конце света, в Кон-и-Гуте, происходила другая борьба — человека с зверем.

Долгожданный ежегодный праздник охоты начался с утра. Рашид за хлопотами измучился вконец. Солнечные лучи жалят нещадно. Он сидит под соломенным навесом, крытым банановыми листьями. Аль-Наи около него. Ее миндалевидные черные глаза, уже подернутые влагой, внимательно наблюдают, как качается под потолком прикрепленная к нему, обтянутая материей рама, которую она приводит в движение своей смуглой ручкой.

Аль-Наи вся сияет.

Она давно уже тщательно вымыла свое личико цвета розового золота, и заплела, как взрослая, свои волосы в ряды тоненьких косичек с продетыми в них лиловыми цветами — ведь завтра она закроет лицо, и только ее отец — ее Файзулла да древний мирза Низам смогут ее увидеть без покрывала. С завтрашнего дня ни один мужчина не увидит, как рдеет ее лицо от смеха при виде взгляда, иной раз уже становящегося дерзким.

Она одета по-праздничному в коротенькую кофту из зеленого бархата, всю расшитую золотом. На груди вышита шелком белая рисовая птица с лотосом в клюве. Перед-

ние полы соединены шнурками, стягивающими два бьющиеся под ними крыла... Спина обнажена до пояса, по обычаю. Одно плечо прикрыто красно-синим треугольником легкой парчи, с угла которой свисает шнурок, к которому прикрепляется пара маленьких дощечек из пальмового дерева, употребляемых во время танца, похожих на египетские саганеты или испанские кастаньеты; этот же кусочек парчи служит и для покрывания головы. Юбка из толстой шерстяной ткани в два слоя, предохраняющих нежное тело от действия солнца, красного цвета и украшена вверху и внизу рядами ярких полос. На ее крохотных ножках, обутых в фиолетовый сафьян, расшитый спереди и сзади светлого- и темно-зеленым — тяжеловесные золотые обручи, края которых похожи на закругленные зубцы пилы.

Тонкие овалы ее бровей уже слегка подведены; в ушах, форме которых, грациозной и нежной, позавидовала бы сама Венера, — небольшие металлические шарики, прикрепленные тонкой цепочкой, — в одно из колец последней воткнул цветок, спускающийся вниз, к плечу, своей махровой чашечкой. На руках — стеклянные браслеты, выделанные из белого кварцевого песка, доходят до локтя; все пальчики унизаны множеством колец — то широких, то узких, с камнями и без камней. Лоб ее украшен алой звездочкой в виде небольшой точки. Он ясный, чистый, выпуклый. Верх его стянут коралловой ниткой, которая скреплена посередине розовым и черным жемчугом. Шея еще открыта. Скоро Аль-Наи украсит ее традиционным кусочком золота — *фали* — знаком невесты.

На ней все ее состояние.

Издавна так положено, что все, что получает мужчина торговлей или грабежом, он превращает в драгоценности — усладу женщины. Завоеватель не решается присвоить предметы, принадлежащие женщине.

Аль-Наи вся блестит, сверкает, гремит и звенит.

Дергая за веревку, идущую от доски у потолка, и приводя в движение удушливый воздух, она глядит на Рашида, оттоняющего непрестанно жужжащих крылатых врагов, и заливается смехом.

Рашид разглядывает стоящие перед ним вещи: деревянные лакированные курнульские изделия, металлические посеребренные бадарские вазы, прозрачные шелковые, затканые серебром, аурунгабадские ткани, гайдерабадскую материю, более тонкую и блестящую, чем шелк, с золотыми рисунками невиданных зверей, кутакские филигранные драгоценные изделия, статуэтку богини охоты, высеченную мирзой Низамом из кон-и-гутского камня, в виде черной четырехрукой женщины, держащей в руке длинный тонкий нож, в другой — отсеченную голову тигра; ожерелье из мертвых голов и пояс из отсеченных рук составляют весь ее внешний покров; опьяневшая от крови, она пляшет на тигровой шкуре, а около нее две обнаженных подруги, прикрытые лишь волосами, сплели свои руки и утоляют жажду каплями крови, стекающей из отсеченной головы; у ног этих чудовищ в образе женщин — лисица и ворон, ждущие своей доли в добыче.

Все это тому, кто будет сегодня победителем.

Рашид поглядывает на звонко хохочущую Аль-Наи и думает:

— Через год, если аллаху будет угодно, может быть, ты будешь наградой! И кто знает... Хорошо бы вытянуть жребий. Может быть, мирза Низам и разрешил бы ему, как каждому рокандцу, поиграть с судьбой? Тогда Файзулле придется согласиться... В случае удачи. Кто сам отрежет усы у тигра, тот завладеет любой женщиной, — таково поверье.

Он отгоняет от себя несбыточные мысли и подходит к выходу из-под навеса.

Перед ним ровный, без единой выбоины, утоптаный десятками ног плац. Борта его окружены рядами гигантских кактусов. Они сидят в своих гнездах не для украшения. Это — ограда, которая устроена для того, чтобы зверь, с которым внутри ее встретится тот рокандец, на которого падет жребий, не ушел бы все-таки от своей участи: он боится острых шипов и скорее пойдет на людей под навесом, чем станет прыгать через колючую чашу. Хотя всякое бывает...

Вскоре привезут сюда низкий бамбуковый ящик на деревянных плотных колесиках с выдвигающейся передней крышкой и поставят его посредине арены. Оттуда-то и покажется «полосатая смерть».

Рашид так задумался, что он не видит, как Аль-Наи, обрызгав его розовой водой из серебряного кувшинчика, с золотой насечкой, протягивает ему банан — этот самый ароматичный, самый душистый, самый сочный плод Востока, такой же питательный, как хлеб.

Аль-Наи стоит около Рашида, как Ева, не познавшая добра и зла. Не протягивает ли она ему плод с запретного дерева? Ось бананового дерева, заканчивающегося фиолетовым конусом, по которому разбросаны желтые круги, давно ей кажется змеем. Нежно-зеленый цвет листьев, грациозная форма облика ветвей манят ее, но таинственная верхушка и вечерние часы внушают ей страх, дразня любопытство.

— Раши-ид! — певуче зовет она задумавшегося рокандца.

Он поворачивает голову в сторону девочки, но отмахивается рукой.

Не до того! Надо идти к пальмам!

Аль-Наи остается одна. Забравшись под навес, она предается созерцанию...

Качающаяся доска пока еще ее развлекает и забавляет...

Рашид на ходу сворачивает подобие сигаретки.

Он извлекает из широкого кармана шаровар вяжущий орех и листок бетелевого перца, чуть смазанный растворенной известью. Листок этот он осторожно сворачивает в рожок, насыпая туда немного разных толченых пряностей, уже заготовленных в виде порошка. Всю смесь кладет в рот, под язык.

Глаза его вскоре начинают блестеть, на душе становится веселее, усталость исчезает.

Бетель — единственный пункт разногласия Рашида с мирзой Низамом: именно он приказал в прошлом году засыпать небольшие канавки, заполненные водой, между которыми красовалось, обвивая жерди, магическое расте-

ние с блестящими листьями... Рашид посадил его для общего пользования.

Теперь бетель можно достать с трудом, издалека... Свою порцию Рашид получил от прибывшего в Кон-и- Гут гонца в качестве подарка. Надо с ней кончить под вечер, — да сохранит Аллах в чистоте наши помыслы!

Мирза Низам получит свою часть снадобья, приготовленную для него особо тщательно и уложенную в маленькую обожженную жемчужину.

Старик не откажется! Он любит эту штуку не меньше Рашида. Особенно после доброй чашки пальмового вина!

Рашид идет к пальмам. Там разостланы ковры, на которых усядутся в круг все обитатели Кон-и-Гута, чтобы поздравить после состязания счастливца-победителя. Скоро сюда принесут глиняные кувшины, в которых вино под палящими лучами холодно, как лед.

Насчет приготовления вина Рашид — непревзойденный никем знаток, не исключая самого мирзу Низама.

Ежегодно в ноябре месяце он выполняет одну из своих обязанностей особенно охотно.

Заключается она в следующем.

Рашиду перевязывают на высоте циклолоток ноги крепко-накрепко, ставят его к дереву и свободно охватывают последнее и его туловище крепким ремнем. Рашид упирается с помощью ремня в ствол, поднимает ноги, обхватывает подошвами пальму наподобие обезьяны и затем, пользуясь этой точкой опоры, поднимает вверх ремень, снова упирается с помощью его в дерево и ползет таким образом до верхушки. Здесь он сильно нажимает основание оси цветка, чтобы задержать его развитие, мнет листья его пальцами и для более удобного вытекания сока обрезывает концы второстепенных осей, в которые эти цветки кажутся точно вкрапленными.

Когда покажется к началу девятых суток сок, Рашид вводит черешок цветка в глиняный сосуд, куда и стекает жидкость в течение трех-четырех месяцев, наполняя ежедневно по кувшину.

Рашид твердо уверен, что с дерева мужского пола получается только третья часть соков, которые дает дерево женского пола.

С прошлого ноября ему в работе помогает Аль-Наи. Ее дело заключается в том, что она прибавляет в полученную жидкость извести и затем кипятит ее до густоты сиропа, после чего выливает смесь в маленькие корзинки, сделанные из листьев пальмы. Охлаждаясь, сироп кристаллизуется частями и превращается в сахар темно-бурого цвета. Тут Рашид снова выступает на сцену. С засученными рукавами, с сосредоточенным видом он проводит все время у чанов с сахаром, подвергнутых брожению. Перегонку он также знает в совершенстве. И ему трудно сказать, кто его научил этому искусству.

— А-о! Иду, отец мой! — кричит Рашид, сложив ладони рук в виде рупора, увидев вдали мирзу Низама, зовущего его.

Не зовет ли его старец, чтобы открыть тайны, оставшиеся еще неоткрытыми? Вчера он обещал сделать это.

Рашид ускоряет шаги.

— Привет тебе, высокочтимый!

— Привет тебе, сын мой...

Мирза Низам в белой чалме, в белом хитоне, со своей длинной белой бородой ослепителен и торжествен.

Рашид почтительно склоняется и выпрямляется, как тростник под ветром.

— Рашид! Дай знать в Роканд всем нашим верным людям, что как только они получают от нас то, что ты им пошлешь по моему приказу, они должны раздать по рукам оружие с предупреждением, что ни один выстрел, ни один удар не должен пропасть даром. Все чужестранцы должны быть убиты в один день, в один час. Все высокие здания, выстроенные ими у водопадов, должны быть разрушены. Пусть приготавлиются. Ты оповестишь об этом всех и у нас в Кон-и-Гуте. Пусть все сегодня, еще до вечерней молитвы, поклонятся тому, что ты сейчас увидишь.

На лице Рашида не написано ничего, кроме готовности выполнить приказание, хотя слова мирзы Низама для него совершенно неожиданны.

Только сердце его чуть-чуть дрогнуло.

Он прикладывает руку ко лбу.

— Войди.

Рашид входит и падает на колени. Перед ним древко с прикрепленным к нему шелковым знаменем, на котором видно изображение зеленой луны.

Знамя восстания!

Рашид молча целует край знамени и подымается.

— Рашид! Это не все. На днях мы получим то, чего мы так долго ждем. Отбери пять смышленных рокандцев под начальством Файзуллы. Прикажи им спуститься в пещеру. Отныне они будут жить там, на дне третьей пропасти. Ты спустишься вместе с ними и будешь сам доставлять им пищу. Вы раскроете ящики, которые там хранятся, и вынете из них предметы, в них заключенные. Пусть приготовятся к работе. Она не будет тяжела и продолжительна. Те, кто вскоре прибудут, научат тому, что придется делать.

— Я сделаю все, как ты приказываешь, отец мой!

— Рашид! Днем восстания будет день, когда ты пошлешь в Роканд гонцов с черным вороном. Поймай его в горах живым и держи в клетке. Пусть Аль-Наи кормит и поит его. Ты все понял. Рашид?

— Я все понял, отец.

— Ступай. Да благословит тебя аллах!

Рокандцы группами бродили тут и там.

Разговоры слетались главным образом около чудовищных размеров тигра, который, будучи изловлен незадолго перед тем в джунглях, по ту сторону гор, загнанный в каменную яму у пещеры, ждал свободы или смерти, остря свои когти о гранит. Сквозь бамбуковую крышу было видно массивное тело, день и ночь метавшееся в бессильной ярости.

Хищник был красив и страшен. Недавно еще он отметил на коре лакового дерева, рубиновыми каплями его сока, ужасной лапой свой прыжок: знак своей грозной силы,

ознакомившись с которым, другие звери как бы приглашались уйти прочь от водопоя, который он себе наметил.

Его боятся люди не меньше, чем звери. Когда нужно, он умеет скрыться в зарослях или среди скал, и напрасно охотники уже два года преследовали его, пока он так глупо не попался в капкан.

Одиннадцать человек за последние шесть месяцев лежат на его совести.

Он смел, скрытен, вероломен и внезапен в своих действиях. Он объявил себя врагом человека, и если бы не слабое обоняние, — ведь он не слышит даже запаха кошачьей мяты и валерьяны, — человеку его никогда бы не поймать.

Сейчас он призвал себе на помощь свой острый слух: он слышит по ночам даже хруст песчинок под лапками ящериц, как же не слышать ему разноголосицу, которая днем и ночью раздается над прутьями его клетки!

Прошлогодний тигр был белым с легкими туманными черными полосами. Этот — весь черный, столь же редкостный по окраске. Но он больше прошлогодного.

С вчерашнего дня зверя перестали кормить. До того, находясь в неволе, он тем не менее умудрялся съесть зараз более полутора пудов мяса. Еще бы! Если он способен пронести сам на себе мясную тушу целого быка на расстоянии трехсот шагов.

Везут ящик. Сейчас освободят продольный ход к яме, засыпанный камнями, подставят сюда прочную клетку, и запряженный в нее один из бойцов отправится на место состязания.

Аль-Наи не испытывает никакого страха. Файзулла тщетно зовет ее к себе.

Вот все готово. Зверь присмирел. Он осваивается со своим новым положением. Что-то ему еще предстоит вытерпеть от этих существ, которые ему так ненавистны, которых он несколько не боится, но с которыми не может никак совладать.

Наконец, клетка поставлена посредине плаца, на котором должна разыграться кровавая драма.

Зрители давно заняли свои места. Мирза Низам, окруженный своими рокандцами, сидит на коврах, под навесом. По правую его руку — Рашид, по левую, на почетном месте — гость-гонимец. В руках Рашида гонимец. По знаку мирзы Низама он ударит в него, и Саид-Али, попечению которого вверены кон-и-гутские гепарды, как привыкший обращаться с хищниками, подымет переднюю стенку клетки, на которой он пока спокойно сидит, поджав под себя ноги.

Аль-Наи обходит присутствующих и отбирает по камешку белого цвета, который каждый рокандец кладет ей с улыбкой в сдвинутые розовые ладони. Рашид тоже положит камешек, но красного цвета. После этого Аль-Наи кинет один из белых камешков в Саида-Али, чтобы он знал, что нужно быть готовым. Это нужно сделать еще и потому, что мирза Низам не тянет жребия, и один из белых камешков — последний.

Затем Аль-Наи должна смешать камешки, всыпая их в свой кувшинчик с розовой водой, и вынимать их один за другим, стоя с закрытыми глазами, в то время как мирза Низам будет называть по порядку имена своих рокандцев.

И так велико доверие их к своему вождю, что ни один из них не усомнится в том, что его посылает на страшное дело сама судьба, а не этот белоснежный благочестивый старец.

Но мирза Низам знает, что не каждый годен для такого дела, как бой с тигром один на один. Пусть все думают, что они одинаково способны к этому. Он же дорожит жизнью своих людей и выбирает из года в год только самых отважных, самых хладнокровных.

Давно уже наметил мирза Низам бойца для сегодняшнего состязания. Вот он сидит, тонкий и гибкий, как тот стальной клинок, что лежит перед мирзой Низамом на длинном золотом блюде, с рукоятью, обвязанной белым индийским шарфом.

Его зовут Абдулла и нет ему равного по спокойствию в опасности. А это главное, что нужно в страшной Естрече.

Аль-Наи вытаскивает камешки и высоко подымает их каждый раз над головой. Среди напряженного молчания слышен тихий голос мирзы Низама.

Он начал с самых молодых. С отеческой теплотой и любовью произносит он их имена.

Хорошая школа мужества!

Попеременно один за другим взглядывают названные на руки Аль-Наи.

Не он! И как ни отважен каждый — все-таки слышен как будто вздох облегчения.

Но вот все заметили в руке Аль-Наи роковой красный камень. И миг тишина стала еще ощутительнее.

— Абдулла! — по-прежнему тихо произносит вождь.

Абдулла слышит свое имя. Ничто не выдает его волнения, которое он испытывает: он овладевает собой мгновенно. Ровной поступью, высоко подняв свою красивую голову, подходит он к мирзе Низаму и, прикладывая руку ко лбу и сердцу, целует край его одежды.

Он скрывается за бамбуковой ширмой и почти тотчас же выходит оттуда весь обнаженный. Лишь полоска белой материи охватывает его бедра. Его грудная клетка подымается ровно. На мускулистом теле видна сетка ребер. Ноги упруго ступают по громадному цветному ковру, которым застлан пол под навесом.

На лицах присутствующих не видно улыбок. Все сосредоточенно молчаливы. Нет никакой музыки. Шумное веселье начинается только после победы...

Абдулла неторопливо подходит к мирзе Низаму для того, чтобы принять от него клинок, не раз бывавший в деле вместе с шарфом, которым окутан эфес. Тонкое, длинное, обоюдоострое оружие. Это — сама смерть. Холод и серый блеск струится с лезвия.

Абдулла несет его одной рукой к выходу из-под навеса, — эфес доходит ему почти до бедра.

У выхода он оборачивается, обертывает правую руку шарфом и подымает клинок острием вверх. Затем он кланяется гордым поклоном, прикладывая правую руку к сердцу.

Сталь сверкает на солнце, и зайчики начинают бегать по лицам рокандцев.

Но это длится одно мгновение.

Вот Абдулла уже повернулся спиной к навесу, и видно, как широким беглым шагом, покачиваясь в поясице, закинув голову, размахивая обеими руками, — как бы готовя все части своего тела для борьбы, — идет он к своему месту. Оно ничем не обозначено, он должен сам выбрать для себя нужный пункт перед клеткой, самостоятельно рассчитав прыжок тигра.

Абдулла пристально смотрит на зверя.

Тот лежит. Ему невозможно встать на ноги и вытянуться во весь свой могучий рост, ибо крышка бамбукового ящика пригнана так с умыслом.

Голова его у самой решетки, и глаза устремлены на Абдулла. Но зверь его еще не видит. Неожиданная обстановка действует на него своим тихим ужасом. Он продолжает ровно столько, сколько нужно обоим противникам для того, чтобы разглядеть друг друга и сосредоточиться в взаимной ненависти.

Проходит несколько мгновений, кажущихся вечностью...

Но вот Абдулла чуть приподнимает свою уже поднятую вверх шпагу. Немедленно раздается звон гонга.

Его искусно извлекает из старого почерневшего металлического круга, с заметным углублением в центре от ударов кожаного молотка, Рашид. Звук, сначала тупой и дребезжащий, все усиливается. Волны звуков бегут, нагоняют одна другую, опережают, сливаясь постепенно в грохочущий рокот...

Нервы всех напрягаются. К вискам приливает кровь, ощущается стук собственного сердца!.. А грохот не прекращается, наоборот — он все усиливается и усиливается...

Зверь, сначала изумленный, начинает трепетать. Вся его лицемерная осторожность пропадает. Он полон гнева и жажды разделаться с тем человеком, который стоит перед ним, откинув назад плечи и голову и выставив вперед левую ногу с поднятой острием вверх шпагой, которую держит его опущенная правая рука.

Разве только огонь так же страшен, как страшно это море звуков, которое, кажется, готово затопить его в этой тесной несуразной коробке, куда он запрятан!

Абдулла видит, что тигр поймал его взгляд. Он фиксирует напряжением всей своей воли все свое существо на этой большой черной кошке, которая сейчас будет освобождена.

Так... Готово...

Вот он подымает шпагу еще чуть-чуть выше еле заметным движением руки, — в тот же миг Саид-Али бесшумно подымает вверх дверцу клетки.

Несколько мгновений тигр недвижим.

Что-то произошло, но что — этого он еще не соображает. Он по-прежнему, как заколдованный, не спускает глаз с блестящей стали. Ощущение большой воздушности пространства, перед ним открывающегося, заставляет его податься вперед. Сначала вылезает его страшная лапа, и вот, наконец, он сам, пригнувшись к земле, освобождает из клетки свое тело! Его длинный хвост еще в ней, когда туловище уже выпрямляется, а плоская голова скалит зубы, то и дело открывая пасть.

Наступает момент, от которого все зависит: если внимание тигра достаточно приковано противником к себе — тигр не бросится в сторону, и состязание будет иметь нормальный, так сказать, вид.

Что делается дальше — уследить почти невозможно.

Прыжок... Пожалуй, два, ибо сначала зверь покрывает двадцать шагов, подымая свое тело в воздухе на высоту человеческого роста, затем пригибается к земле и снова высоким рассчитанным прыжком бросается на Абдулла, который стоит от него в пяти-шести шагах. Но тут происходит что-то невероятное.

Абдулла уже не стоит, он лежит лицом вниз в виде сжатой пружины. Эфес шпаги уперт в землю обеими руками.

Абдулла тоже сделал прыжок.

Прыжок всего в несколько шагов, но этого достаточно, чтобы ему очутиться под зверем, который, обманувшись в

расчете, разрезает свое брюхо во всю длину о тот предмет, который так его манил перед тем своим ярким блеском.

Тигр еще жив. Его могучее тело еще вздрагивает, но это — конец.

Абдулла первым целует знамя восстания, которое выносит мирза Низам на плац.

Аль-Наи восторженно смотрит на победителя. В ее мыслях сейчас только одна мечта — разостлать на полу своего шалаша черную блестящую шкуру.

Она займет весь пол и даже загнется на стенку. Аль-Наи хорошо знает размеры своего убежища: шесть шагов!

Она топает от удовольствия ножками и трясет головой.

Под ее маленьким розовым ушком в такт колеблется лиловый цветок.

Глава X

В КОН-И-ГУТ

— Последний пункт, где мы еще можем рассчитывать нанять проводников!

— Нет, м-р Мэк-Кормик, я думаю, и здесь туземцы не окажутся приветливее. Везде я чувствую, как нарастает какое-то беспокойство... Их взгляды нередко прямо злобны!

— Гм... Действительно, все они заметно настороже, на простые просьбы они все время отвечают мне угрюмым отказом. Хотя в вопросе о проводниках я их понимаю. Что им за охота рисковать жизнью? Недаром они называют эту пустыню — Пустыней смерти.

— Мы их ничем не заманим! Они, впрочем, держатся так, словно мы им платим их же собственным золотом!

— Вы нечаянно сказали истину, профессор. Вы видите эти высокие здания у водопадов? Это — золотопромышленная концессия Арчибальда Гендерсона и К°. За спиной этой компании стоит наше правительство. Надеюсь, ваша

Германия не воспользуется этим секретом Полишинеля, который я вам, немцу, выдаю?

— Вы, Мэк-Кормик, я заметил, не особенный поклонник нынешней британской политики?

— Нынешней? Она одинакова от сотворения мира! Вы думаете, что-нибудь зависит от того или другого кабинета или короля? Всем ворочает Сити. Ведь все благосостояние Англии зиждется на колониальной политике. Сити только требует от правительства надежной защиты от возмущений туземцев.

— А вот и Медведев! Подъезжайте-ка! Вот фон Вегерт уверяет, что мы не достанем проводников. Как вы думаете?

— Я думаю, что вы — лучший проводник в этих местах. Мэк-Кормик поклонился.

— Однако?

— Я действительно так думаю, м-р Мэк-Кормик. Нужно только взять правильное направление и двигаться, и двигаться до тех пор, пока...

— Пока?

— Пока мы не отыщем Кон-и-Гута или пока не погибнем.

— Что касается Голоо, то он, кажется, не так пессимистически настроен, как вы. Смотрите, под этим солнцем он чувствует себя превосходно! — сказал Мэк-Кормик, натягивая глубже на глаза тропический шлем с надетыми на него сверху синими окулярами.

Голоо, услышав свое имя, сделал рукой приветственный жест и продолжал распевать, сидя на своем верблюде, какую-то заунывную песню, под звуки которой его соплеменники бродят по таким же пустынным местам в другой части земного шара. Или, может быть, унылый мотив был аккомпанементом для его грез о белокурой девушке?

— Одно данное у нас есть, — продолжал Медведев, — 4 часа 41 минута 43 секунды восточной долготы от Гринвича! Надо найти местность, именуемую Сары-Яз. Так указано у Гутчисона.

— И Фару или Исфару, — вставил фон Вегерт.

— Едва ли об этом городе мы что-нибудь узнаем, — задумчиво промолвил Мэк-Кормик, — он засыпан песком. Его будет, пожалуй, труднее найти, чем Кон-и-Гут. Однако, нам все-таки надо решить: пойдем ли мы без проводников или еще раз попытаемся здесь их раздобыть? Это последнее населенное место. Дальше — пустыня...

— Мне пришла в голову мысль...

— Да?

— Лучше будет, — сказал фон Вегерт, — если мы скроем от населения наш маршрут, если уж допустить, что цель нашей экспедиции им известна.

— Дорогой профессор, — ответил Мэк-Кормик, — здесь маршрут один. Взгляните на это плато. Вот сюда, где оно заворачивает вправо от этого чудесного оазиса, который, я вижу, единственно занял ваше внимание.

— Там, где белеет эта узенькая полоска?

— Вот именно. Эта полоска — наш путь через океан песка.

— Значит, дорога есть? Куда же она ведет?

— Да, дорога есть. Куда она ведет — не знаю. Судя по рассказам, удивительно, как Гутчисону, который дал нам сведения о Кон-и-Гуте, удалось пробраться по ней сто лет тому назад. Ведь вы знаете, что военный отряд, к которому он примкнул, сбился с пути и весь целиком, до единого человека, погиб?

— Об этом говорили на заседании Географического института, когда разбирали вопрос о рокандском камне.

— Рокандском камне?

— Да.

— Вы говорили, что ваш Джонни разгадал эту историю с его пропажей?

— Да, и он нашел камень. Мне пришлось говорить в Лондоне с Бонзельсом насчет моего утверждения в опекунских правах на Гарримана. Старик мне заявил, что у Гарримана гениальная голова. Я не могу вам точно сказать, почему он о нем такого мнения.

— Сам Гарриман, впрочем, думает, что ваш Бонзельс ошибается! — прокричал издали Голоо. — Гарриман, подъезжайте! О вас говорят.

— Ну и молодчина же наш мальчуган! Действительно, великолепный мозг! Чем больше я к нему приглядываюсь, тем больше он мне нравится. Но как же ему удалось это сделать? — продолжает Мэк-Кормик.

— Видите, я никак не мог понять, каким образом мог исчезнуть камень из Британского музея, когда витрина целая и нет никаких, решительно никаких, следов кражи или взлома. Раздумывая над этим, я поручил Джонни выяснить, какое количество камней хранится в витрине в данное время. Мне было известно, что там без рокандского камня должно быть два экземпляра больших и четыре экземпляра камней поменьше, все без надписей.

— Рокандский относится к этой второй группе?

— Нет, к первой, — это довольно большой камень — около метра в поперечнике. Длина каждой строки надписи равна восьмидесяти сантиметрам.

— Дальше? — произнес Мэк-Кормик с интересом.

— По совести скажу, что я и сам хорошо не знаю, почему я заинтересовался количеством камней. Так... простая случайность!

Фон Вегерт улыбнулся. Улыбнулся и Мэк-Кормик. Оба вспомнили теорию Ли-Чана насчет случайности в открытиях и изобретениях.

— И Гарриман...

— Гарриман, которого я снова невольно толкнул в сторону этого вопроса, сделал открытие.

— Открытие?

— Да. Когда он сосчитал количество камней, то оно оказалось соответствующим тому, которое должно было бы быть, если бы рокандский экземпляр не исчезал. Между тем...

— Между тем?

— В витрине оказались все камни налицо, но все без надписей.

— Однако...

— Вы хотите сказать, что рокандский камень имел надпись?

— Вот именно.

— Вот это-то и есть открытие Гарримана. Когда я, недоумевая, беседовал с ним на эту тему после посещения им музея, и он узнал о странности, которую я вам излагаю, его предположением явилось, что рокандский камень лежит преспокойно в витрине, но что надпись его кем-то умышленно затерта, искусно замазана.

— Значит, теперь на камне нет никакой надписи?

— Гарриман заметил, что на боковой части камня внизу наклеена этикетка, на которой написано одно только слово «Янаон».

— Что это значит?

— Еще не знаем, да и вряд ли когда-нибудь узнаем,

— Его предположение проверено?

— Да, с большой осторожностью и с большой тщательностью. Гарриман оказался прав. С того же дня эту витрину N 5-A стерегут даже ночью до нашего возвращения.

— Кому же это нужно было сделать? И зачем? Все тот же Ли-Чан?

Фон Вегерт приостановился:

— Нет. Я думаю... Хотя эта догадка покажется вам невероятной...

— Невероятной? Но почему же?

— Я подозреваю...

— Вы подозреваете? Кого?

— Человека, который вне подозрений.

— Вот как!

— Да. Я подозреваю, что камень скрыл, — и очень остроумно скрыл, — не кто, иной как профессор Шедит-Хуземи.

— Шедит-Хуземи?

— Да. Шедит-Хуземи стремился в свое время всему исследованию рокандского камня дать невероятное направление, но когда Тартаковер и Рибейро отвергли, в конце концов, свое толкование первой строчки надписи, сделанное прямо под влиянием Шедит-Хуземи, — они погибли. Руку

Шедит-Хуземи я чувствую и в моем деле с Ли-Чаном. Кроме того...

— Кроме того?

— Шедит-Хуземи доверенное лицо хана рокандского. Последний этого даже и не скрывает. О, хан человек достаточно смелый, чтобы по временам снимать маску...

— Хан? При чем тут хан?

— Это еще надо выяснить.

— Вы удивляете меня, профессор.

— О! Кон-и-Гут и не так еще удивит нас.

— Вы ставите все это в связь?

— Я ставлю в связь все, что делается *под зеленой луной*, — многозначительно произнес фон Вегерт, делая ударение на последних словах.

Мэк-Кормик замолчал. Он не придавал значения последним словам фон Вегерта: только в самом конце своих сборов было им принято решение заняться Кон и-Гутом, отложив на время охоту, — поэтому не особенно много пришлось ему раздумывать над делом, в которое его сравнительно недавно стали посвящать.

— Я колесил по всему свету, — сказал он, — но не видел и не слышал ничего более странного и таинственного, чем этот Кон-и-Гут!

— Однако, вы последнее время избрали именно Центральную Азию для своих путешествий, — вступил в разговор профессор Медведев, но сейчас же замолчал, боясь, что затронул болезненные воспоминания Мэк-Кормика.

— Что ж! Надо пользоваться временем! — чуть иронически ответил Мэк-Кормик, — мне кажется, скоро наступят дни, когда ни один англичанин не сможет здесь показаться без риска...

— Что вы хотите сказать этим?

— Только то, что нас здесь ненавидят, я сказал бы — заслуженно ненавидят и, вероятно, не сегодня — завтра отсюда выгонят.

— Как? Вы, Мэк-Кормик, тоже такого мнения?

— Разве вы согласны со мной?

— Я — русский!

— Не смущайтесь. Я знаю: вы, русские, очень вежливы и не любите говорить неприятности своему собеседнику. Но этим вы, поверьте, не говорите мне ничего неожиданного. Я сомневаюсь, чтобы нашелся еще хотя бы один англичанин, который в здравом уме, положив руку на сердце, не знал в душе, что его колониальная песенка спета... Азия уходит из-под наших ног!

— Но...

— Но остается еще кое-что, между прочим — Африка, хотя недалек и тот день, когда и Голоо объявит свою независимость. Видите, как мирно он дремлет, а между тем его братья уже разбужены залпами вашей революции. Вы думаете, я одинок в своем, в своих взглядах?

И Мэк-Кормик продолжал, несколько возбужденный:

— Но для Британии нет другого выхода: колонии питают метрополию. Без колоний Англия превратится в Голландию. Конечно, к этому идет. Это отлично понимается наиболее дальновидными нашими политиками. Но что же делать? Для империалистической Англии важно удержать за собой азиатские рынки возможно дольше.

— Но ведь восстание в Каунпоре раздавили?

— Раздавили. Может быть, раздавят и в Роканде, и в другом месте, если оно вспыхнет, но это судороги. Будущее не принадлежит больше нам.

— Кому же?

— Вам.

— Нам?

— Да, вам, русским. Вы — единственная нация, которая примиряет Восток с европейской культурой и цивилизацией. С вами борется только одна техника, которая еще в наших руках, потому что вы бедны, но ваши идеи уже овладели массами Востока.

— Когда же...

— Когда произойдет то, что должно произойти? — хотите вы спросить. Не знаю. Сначала туземцам надо переменить лозунги. Попросту говоря, им надо сперва покончить с собственными ханами, эмирами и раджами, а затем уж приниматься за нас, англичан. Может быть, им следует это

сделать одновременно. Увижу ли это я собственными глазами? Быть может. Но Гарриман и Боб, например, — и Мэк-Кормик кивнул в их сторону, — увидят наверное. В этом я уверен.

Два дня назад, — продолжал Мэк-Кормик, — я взял из нашей походной библиотечки один старый, забытый английский роман с рыцарским содержанием из XIV века, следовательно, времени упадка рыцарства. Перелистывая его, я наткнулся на страницу, которая объясняет как нельзя лучше, когда началось в Англии сражение завоевателя с торгашом, — иначе говоря — солдата с империалистом.

Вот она, — и Мэк-Кормик вынул из кармана книжку. Отыскивая нужное место, он произнес:

— Слушайте:

У вас, — говорит рыцарь, обращаясь к встретившемуся ему на пути незнакомцу, — очень любопытный меч! Что это за поперечные полоски, которые идут от рукоятки до острия? Что они обозначают? Незнакомец, самодовольно улыбаясь, отстегнул португую и сказал «Это — моя мысль. Оружейник сделал мне этот меч по заказу. Я подумал, видите ли, что, раз длина его равняется ядру, то не мешает нарезать на нем дюймы, чтобы пользоваться, в случае надобности, мечом, как аршином. Он же служит мне вместо гири, так как весит ровно два фунта».

— Не правда ли, настоящая родословная нашего м-ра Чемберлена?

Медведев расхохотался.

— К этому, как видите, нечего добавлять, в этих словах вся Англия! Однако, друзья мои, мы приближаемся к селению... Входить в него или нет? Как вы полагаете? Я понял вас в том смысле, что вы предпочли бы двигаться без проводников? Ваше мнение, фон Вегерт?

— Да, я так думаю, — ответил тот.

Медведев присоединил свой голос в пользу обхода селения.

— Превосходно. В таком случае, мы сворачиваем.

И двадцать семь верблюдов, нагруженные багажом восемнадцати человек, именно: Мэк-Кормика — начальника

экспедиции, обоих ученых, Голоо, его маленького Боба, Гарримана и двенадцати охотников, двинулись к югу, в направлении той белой полосы, которая виднелась вдали, на песках.

— Странно, — проговорил Медведев. — Здесь не происходит, очевидно, никакого движения, между тем линия пути видна совершенно явственно.

— Вы не догадываетесь, чем объясняется это явление? — спросил Мэк-Кормик.

— Нет, я не понимаю его.

— Это путь — древний путь караванов. Столетиями на нем складывали свои кости люди и животные. Они побелели под солнцем. Я убежден, что на этом пути мы не найдем ни одного колодца. Мы — первые рискуем двигаться по пескам этой пустыни.

— На какой срок рассчитана у нас вода?

— На пятьдесят дней, — это главный наш груз.

— А если...

— Если... — повторил Мэк-Кормик, и в выражении, с которым он не договорил мысли, ясно сквозило то же беспокойство.

Сколько километров им надо пройти? Встретят ли они в пути хотя один колодец, чтобы возобновить испорченный запас воды? Все говорит за то, что колодцы действительно засыпаны песком, так как этой дорогой никто не пользуется.

Путешественники замолкли. Каждый думал свою думу.

Голоо что-то мурлычит, — его мысли полны далекой белой девушкой. Она, вероятно, в Париже. Что-то она делает? Говорят, что у них в Европе сейчас ночь...

Гарриман интересуется более всего багажом. Под ним самый сильный верблюд, беговой. Гарриман наблюдает за тем, чтобы караван не растягивался и чтобы меха с водой все время были бы в порядке. Пожалуй, — он единственный человек из всей экспедиции, кроме ее начальника, который вполне спокоен. С ездой на верблюде он уже вполне свыкся.

Фон Вегерт и Медведев, помимо всех неудобств пути, смущены тайнами Кон-и-Гута, которые им придется раскрывать.

Что касается Боба, то ему просто скучно. Вдобавок, он не привык ночь превращать в день, а тут приходилось из-за дневной жары двигаться именно по ночам, трясясь на животном, у которого положительно нет ничего привлекательного.

— Да, это не фазтон... — думает он, потирая поясницу, разболевшуюся от методической однообразной качки.

Охотники беседуют друг с другом вполголоса. Им приходилось бывать во всяких положениях и переделках. Все они старые, испытанные в самых трудных условиях люди, но и они недоумевают: вчера им было приказано выгрузить все лишнее, взяв с собой только винтовки и патроны.

— Везут канаты, рудничные лампы, ацетиленовые фонари, какие-то кирки и лопаты, — говорит один из них, ни к кому не обращаясь, — а мне пришлось оставить даже банку с мышьяком! Интересно, как буду я препарировать шкуры?

— Нет, тут, видно, не охотой пахнет! — отвечает другой.

Но они, эти отважные люди, привыкли слепо верить своему начальнику и не задавать лишних вопросов, пока он сам считает нужным молчать.

Кроме того, Мэк-Кормик так платит за работу, как никто. И вот уже сколько времени они ездят с ним иной раз по местам, где не ступала еще человеческая нога, и все сходит благополучно... Да и не все ли равно, в конце концов? Годом-двумя неизвестности и опасностей можно купить год-два безмятежной спокойной жизни; деньги, заработанные потом и кровью в полном смысле этого слова, тратятся впоследствии с таким легким сердцем!..

— Что это? Разве мы не заходим в это селение?

На фоне розоватого, подернутого дымкой рассвета виднеются зеленые сады. Караван огибает их, оставляя влево...

Вот она — пустыня! Голодная пустыня смерти! Мэк-Кормик сумрачно всматривается вдаль. Что-то ждет их там впереди?

И вот, день за днем, ночь за ночью продвигаются люди и верблюды по направлению, в конце которого должен находиться таинственный Кон-и-Гут! Но как далеко отстоит конец этот — никто не знает. Об этом каждый думает, но избегает говорить вслух.

— Кон-и-Гут? Да, мы слышали такое название, но не знаем, где это место... Не знаем... Это далеко, там, за Пустыней смерти, у гор, — отвечали туземцы на вопросы.

До Кон-и-Гута не дойти. На пути вместо воды увидишь кровь и будешь страдать от жажды, потом на одиннадцатый день пути от этого места встретишь алмазную гору. Взглянешь на нее и ослепнешь на один глаз. Вскоре после этого увидишь долину, усеянную драгоценными камнями. Стерегут ее змеи. Захочешь взять тех и других и не сможешь, ибо слепота твоя на один глаз не даст тебе возможности набрать их твоей рукой. Это — конец пути. Тут найдешь воду, но все равно погибнешь, не увидя Кон-и-Гута.

Медведев, пользуясь досугом, записывал подобные пророчества и легенды, которые приблизительно повторяли одно и то же.

Нелепость их казалась несомненной, но Мэк-Кормик, опытный исследователь Центральной Азии, покачивая головой, щурил глаза и говорил:

— Заметьте, это говорят старики! Они помнят преданья. Я вижу тут с их стороны не только одно желание запугать нас, — да они прекрасно понимают, что этим меня не запугаешь! Нет! Они говорят в данном случае правду, по крайней мере то, во что сами верят!..

На двадцать шестой день утомительного однообразного пути произошло первое несчастье: экспедиция лишилась сразу семи верблюдов и, следовательно, части багажа. В связи с этим маленький Боб должен был пересесть к Гарриману, охотники разместились по двое. Нельзя было понять, отчего погибли животные, павшие на ходу.

— Каракурты! — заметил Мэк-Кормик, и выражение его лица стало еще мрачнее.

На двадцать восьмой день пути пали еще четыре верблюда.

Начальник экспедиции, сохраняя присущее ему хладнокровие, приказал всем спешиться. Оставшиеся шестнадцать верблюдов позволили сохранить весь груз. Однако тяжелые канаты, взятые в предвидении исследования пещеры, были выброшены.

Люди были целы, невредимы, свежи. Это было, в конце концов, самым главным, хотя для тех, кто двигается по пустыне, потеря каждого верблюда — потеря грозная, могущая оказаться роковой.

Два дня прошли благополучно. К вечеру тридцатого дня взорам путешественников внезапно открылось ровное плато, подымавшееся к югу и ровным гребнем своим закрывавшее горизонт. Местами песок, наигранный ветром, вздымал целые горы, обнажая рядом гладкий, скалистый грунт.

Ландшафт несколько изменился.

Фон Вегерт вытащил из сумки свой дневник и отметил барометрическую высоту места.

Голос Медведева, раздавшийся сзади, вывел его из задумчивости.

— Смотрите, песок стал розоватым!..

Действительно, по мере движения песок становился все более и более окрашенным, пока не приобрел оттенка крови. Вскоре цвет его сделался пурпуровым. Казалось, что под ногами лежат сгустки запекшейся крови.

Зрелище было мрачным и непонятным, впечатление от него усиливалось неожиданностью, с которой явилось оно глазам.

— Нам остается только увидеть алмазную гору, — воскликнул Гарриман, — тогда мы будем знать, что прошли полпути!

— Вы правы, Джонни! Пожалуй, то, что я записал со слов туземцев об этом пути, начинает сбываться!

— Я пожелал бы только всем нам, чтобы не сбылось пророчество насчет воды, — раздалось восклицание начальника экспедиции.

Каждый с тревогой посмотрел на выюки.

Тем временем стали показываться по сторонам как бы отдельные потоки кроваво-красного цвета, словно выкрашенные кармином.

Путники остоленели.

— Стой! — раздался окрик начальника экспедиции.

Маленький Боб ухватил в руку комок кровавой каши, с любопытством рассматривая невиданного цвета землю,

— Краска?

— Ярко-красная охра, — ответил флегматично Мэк-Кормик.

— Но что значат эти многочисленные сухие потоки ее, ответвляющиеся в стороны? Взгляните на гору: эти потоки прямо сбегает с нее? — вопросительно заметил Медведев.

— Это от дождя, — объяснил Мэк-Кормик, — в этих местах, по-видимому, он все-таки случается, хотя и чрезвычайно редко, несомненно. Но что это делает наш Голоо?

Негр тем временем, занятый все одной и той же мыслью, прилежно выбивал рукояткой охотничьего ножа на алом фесе горы две заветные буквы. Когда достаточно вырисовались их пламенеющие очертания, Мэк-Кормик, взяв под руку фон Вегерта, сказал:

— Вот простое сердце, которое может и умеет любить!

Боб возразил:

— Но Голоо испортил весь пейзаж: все перестало быть торжественным и стало смешным!

Привал был короток. Осмотрели выюки и ноги верблюдов. По внешности все было благополучно. Но когда раскрыли один из мехов для раздачи воды, всех поразил гнилой тошнотворный запах: вода оказалась вконец испорченной. Охотники по собственному почину разбрелись в стороны искать влагу в глубоких извилистых расщелинах горы, но быстро вернулись после безуспешных поисков.

Приходилось немедленно выяснять положение с остальными мехами, — их оставалось пятнадцать. К великой общей радости, одиннадцать мехов оказались в порядке. Однако, порцию воды сократили: отныне каждый стал получать в сутки только треть литра.

— Профессор! Прочтите-ка мне это пророчество, которое вы записали!

Медведев вынул записную книжку. Пока он читал, все, обступив его, слушали с напряженным вниманием, стараясь вникнуть в сокровенный смысл слов.

— Значит, вода нам обещана после того, как мы ослепнем на один глаз... Так...

Мэк-Кормик с минуту находился в задумчивости, но вдруг поднял свое строгое печальное лицо и, оглядев тех, жизнью которых он распоряжался, сказал:

— Думаю, что мы можем двигаться вперед. Но если есть среди нас хотя кто-нибудь, кто считает это безрассудным, я поверну назад. Еще не поздно. Это последний переход, где я сочту такое решение возможным.

— Вперед! Идет вперед! — раздались многочисленные восклицания.

Боб, не ожидая команды, взгромоздился было на спину отдыхающему верблюду. Но верблюд не поднялся, как обыкновенно, с готовностью к движению. Весь белый, самый красивый из всего каравана, наиболее энергичный и, казалось, наиболее надежный по своим ногам — он водил блестящими черными глазами, и в них отражалась такая безысходная тоска, что Боб охватил голову животного своими руками и, прижавшись черным личиком своим к несуразному телу, стал шептать обещания про воду и отдых, которые он скоро получит.

Белый друг черного мальчика глядел на него добрыми, умными глазами своими, и как будто взгляд этот говорил:

— Воды? Да. В ней все дело. Дай мне ее, но сейчас и да столько, сколько ее нужно моему огромному телу. И еще дай мне корма. И я снова понесу тебя опять безропотно и бестрепетно по этой пустыне, где на солнце белеют кости моих сородичей... Отдыха я не прошу.

— Одного я не переносу — это взгляда умирающего верблюда, — сказал Мэк-Кормик. — Разгрузить его. Отдать ему весь запас испорченной воды. Может быть...

Боб со слезами на глазах со всех ног кинулся исполнять распоряжение.

Медлить было нечего, и экспедиция снова двинулась в путь. Восемнадцать человек и пятнадцать верблюдов должны были рассчитать свои силы и запасы не менее, как на двенадцать дней форсированного перехода.

То обстоятельство, что была встречена красная гора, давало некоторую уверенность в присутствии воды именно через двенадцать приблизительно дней, так как, согласно легенде, рассказанной туземцами, алмазная гора отстоит от кровавой на расстоянии семи дней и *вскоре после нее*, на второй половине пути, должна встретиться долина с драгоценными камнями — *конец пути*, где есть вода, но где почему-то таится и смерть...

Первые двое суток двигались без задержек. И люди и животные казались сравнительно бодрыми. На третий день пали сразу три верблюда.

Снова все меха были освидетельствованы, и снова пришлось вылить довольно большое количество совершенно испортившейся воды, явно негодной для питья.

— Несомненно, с нами поступили коварно, — тихо заметил Мэк-Кормик фон Вегерту и Медведеву, — меха были слишком плохо вычищены или не высушены. Пожалуй, через несколько дней у нас не будет воды совсем!

— Ее, в сущности, и сейчас уже нет, — сказал Медведев.

— То, что мы пьем, скорее похоже по цвету на красное вино, а по запаху, на навозную жижу, — сумрачно подтвердил фон Вегерт.

— Но все здоровы?

— Пока да, хотя многие ослабели и начинают нервничать.

— Это понятно, — сказал Мэк-Кормик. — Посмотрите на Боба, даже он потерял всю свою прежнюю игривость!

Четвертый день прошел снова благополучно. Но с пятого несчастья посыпались на экспедицию, как из рога изобилия. В течение трех дней пало шесть верблюдов, и был оставлен на произвол судьбы весь багаж, включая все экспедиционное снабжение и снаряжение; патроны и часть

продовольственных запасов люди несли на себе. Из винтовок было устроено нечто вроде носилок. Оставшиеся девять верблюдов еле передвигали ноги. Люди были не в лучшем положении. Четверо охотников были больны и двигаться пешком уже не были в состоянии.

— Солнечный удар... Запишите, профессор, в ваш дневник наше положение.

— Вы думаете, что нам когда-нибудь придется прочитать то, что мы записываем? — спросил тот.

— Я сам сомневаюсь в этом, но если это прочтем не мы, то, может быть, прочтет кто-нибудь другой.

— Вы полагаете, что кто-нибудь еще, кроме нас, пользуется этой чертовой дорогой? — воскликнул с раздражением Медведев, осунувшееся лицо которого явно указывало все признаки сильнейшего утомления.

Мэк-Кормику не пришлось отвечать. Глаза обоих собеседников разглядели вдаль нечто, заставившее их встрепетаться. Привлекла их внимание показавшаяся на горизонте движущаяся точка. Бинобль еще не давал очертания ее, но по всем признакам эта точка была живым существом. Вскоре она обозначилась яснее. На момент она как будто остановила свое движение: может быть, большой караван тоже обратил на себя внимание, тоже вызвав недоумение и любопытство и с той стороны?

— Два человека на верблюде! — крикнул Гарриман, зоркие глаза которого, наконец, различили движущееся пятно.

Рослый, очевидно, беговой верблюд, действительно, быстро нес на своей серой спине двух человек, одетых в обыкновенную туземную одежду. Подъезжая к каравану, путники замедлили бег, поравнявшись с головой его, остановились. Остановился и караван.

— Саид-Али, приветствуй их! Очевидно, ты прав. Это те, кого ждут наши гепарды.

Передний туземец молчаливо кивнул головой.

Но традиционный, несколько напыщенный тон приветствия сразу же остановил внимание Мэк-Кормика, привыкшего на Востоке придавать значение каждому оттенку мысли, оттенку каждой ее формы.

— Эти люди к нам относятся враждебно, — подумал он. — Мы все время встречаем к себе такое неприязненное отношение. Есть что-то, сулящее беду, а не радость в этой встрече...

Но он отогнал от себя навеянные холодностью туземцев подозрения и спросил:

— Нуждаетесь ли вы в воде или в чем-нибудь другом?

И вот до слуха его долетели отрывки фразы, произнесенной гортанным говором по-фарсидски туземцем, сидевшим на верблюде сзади с полужакрытым лицом:

— ...Этим собакам... вскоре пригодится самим...

Мэк-Кормик усмехнулся одними глазами.

— Мы направляемся в Кон-и-Гут, о благородные путешественники! — сказал он, — скажите мне, как далеко до этого места?

— На пятый день ты увидишь свое лицо в воде, а на шестой твоё тело будут греть лучи кон-и-гутского солнца!

Обыкновенно хладнокровный, Мэк-Кормик на этот раз едва сдерживался. Было ясно, что эти два туземца издевались над его положением. Они с явной насмешкой бросали ему в лицо угрозу. О! Он понял скрытый смысл этих слов:

— «На шестой день твоё тело будут греть лучи кон-и-гутского солнца».

Со свойственной ему решимостью он крикнул им, чтобы они подъехали ближе.

Несколько смущенные, вступили незнакомцы в полукруг, образованный экспедицией.

— Как зовут тебя?

— Мое имя — Саид-Али, — гордо ответил первый.

— Как зовут твоего молчаливого спутника?

— Он — вестник. Ты знаешь, Мэк-Кормик, что у вестника нет имени, пока он не доставит вести.

— Как? Ты знаешь меня?

— Знаю о тебе, — поправил он удивленного Мэк-Кормика.

— Почему же ты не говоришь со мной, как с другом?

— Потому что ты и все твои люди — наши враги.

— Давно ли вы нарушаете свое гостеприимство?

— Мы вас не звали в свою страну.

— Обыскать их, — коротко и резко приказал Мэк-Кормик.

Охотники, по манере действий своего начальника уже понявшие, что разговор принимает враждебный характер, были настороже.

Не прошло и несколько секунд, как серый верблюд принужден был лечь на песок.

Как затравленный в чаще зверь, бросал окруженный кольцом охотников Саид-Али взоры то в одну, то в другую сторону, словно искал выхода для бегства. Его спутник сел на землю, скрестив руки и молча наблюдая происходившее.

Казалось, он подчинился необходимости.

Во вьюках ничего не нашли, кроме обыкновенного груза, который берется каждым, кто двигается по пустыне. У Саид-Али также не нашлось ничего особенного.

— Теперь другого! — отрывисто приказал Мэк-Кормик.

Но едва охотники подошли к спутнику Саида-Али, как тот вскочил на ноги и по-прежнему со скрещенными руками воскликнул:

— Вы! Разбойники на дороге смерти! Берегитесь осквернить меня вашим прикосновением! Если вы дотронетесь до меня — умрете все еще раньше срока!

Конец его фразы, — фразы никому, кроме Мэк-Кормика и лингвиста профессора Медведева, непонятной, — был покрыт возгласом Гарримана:

— Смотрите! На его груди птица!

Действительно, под белой тканью, в которую был завернут рокандец, явственно обозначилась камышовая плоская клетка, подвешенная к шее. В ней, действительно, сидела большая черная птица. Клетка была покрыта куском материи.

С обостренным любопытством Мэк-Кормик взял, не обращая внимания на раздавшиеся проклятия туземцев, эту материю и развернул ее. Через мгновение он снова ее сложил, положив на прежнее место. Но этого мгновения было достаточно для того, чтобы фон Вегерт мог прошептать:

— *Зеленая луна!*

Мэк-Кормик с опущенной головой подал команду и экспедиция снова тронулась в путь.

— Почему вы их отпустили? — спросил удивленный фон Вегерт.

— Они были бы бесполезны нам при наличии той враждебности, которую они выказали. Пусть едут туда... — и он махнул рукой на север, — там что-то несомненно созревает... Чем скорее определится положение, тем лучше! По той же причине я оставил им и их знамя...

Фон Вегерт думал иначе. Но ему казалось бесполезным вновь доказывать Мэк-Кормику связь между словами Ли-Чана, сказанными в ту памятную ночь в Сплен-дид-отеле: «Я — член Общества Зеленой Луны», — изображением ее на портсигаре хана рокандского и этим последним изображением, помещенным на шелковом полотне, действительно напоминавшем своей формой знамя.

Вдобавок, эта связь была неясна и самому фон Вегерту. Инстинктом ученого он установил для самого себя тождество элементов на первый взгляд разнородных предметов, но у него не было никаких доказательств.

И он замолчал.

Восьмой, девятый и десятый дни пути, считая новым счетом, — от остановки у кровавой горы, — прошли напряженно. И люди и животные падали от усталости. Продовольствие, которое берегли, как зеницу ока, подошло к концу.

Боб часто схватывался за живот, но находил еще в себе силы строить гримасы на вопросительный взгляд своего приятеля Гарримана. У этого признаки голодовки были менее явственными, но все же были заметны участливым взорам фон Вегерта.

Оба ученых сохраняли присущее им самообладание, но чувствовали иной раз, что их организм начинает работать с перебоями.

Утомление уже коснулось своим мертвящим холодом самой нежной ткани человеческого тела — мозговой.

Глава XI

ПРОРОЧЕСТВО ИСПОЛНЯЕТСЯ

На одиннадцатый день экспедиция увидела, наконец, то, что увидеть она так надеялась.

Солнце только что зашло. В прозрачной накаленной атмосфере дышать стало несколько свободнее, благодаря небольшим порывам ветра. Путешественники молча глядели, как умирал день в пустыне, но эта торжественная картина, к которой они уже пригляделись, оставляла их безучастными. У всех болели глаза и руки, растрескавшиеся до крови. Пророчество как будто сбывалось. Каждый думал, в сущности, об одном и том же: когда желанный отдых? Когда конец этого унылого страшного пути? Найдут ли они в конце его Кон-и-Гут? Не есть ли этот таинственный ускользающий Кон-и-Гут — призрачное место, сказка воспаленного солнцем воображения людей Востока?

Один только фон Вегерт твердо знал, что он существует. Разве не сказал ему об этом Ли-Чан?

И вдруг из груди всех вырвался крик.

Вдали, на фоне золотого песка, в голубой оправе неба, высился граненый монолит, сверкавший всеми цветами спектра. Несмотря на то, что все были предупреждены насчет явления, которого ждали прежде всего, как доказательства близости конца пути, — оно всех поразило своей красотой и феерическим величием.

Неожиданность явления помогла еще более его эффекту. Большинство шло, опустив голову. Одни отвлекались от удручающих мыслей разглядыванием крошечных белорозовых ящериц, как молнии сверкавших под ногами, прежде чем зарыться в песок; другие, чтобы хоть несколько забыть физическую усталость, вглядывались в непрекращавшийся поток костей, бесшумно разлетающийся под ударами верблюжьих копыт. Нередко человеческие черепа, то засыпаемые, то вновь открываемые ветром, скалили свои зубы в вечном молчании.

Страшная в своей однообразной монотонности дорога невольно фиксировала на себе все внимание.

— «41-й день пути: бриллиант Пустыни смерти», — отметил в своей записной книжке профессор Медведев.

И действительно, эта блистающая радугой многогранная скала, испускавшая по временам снопы разноцветных лучей, ничем, по видимости, не отличалась от гигантского бриллианта.

Зрелище было настолько ослепительно, что была забыта усталость и страдания. Купол горел ярким заревом. Чем быстрее подходили путешественники, тем зрелище становилось волшебнее.

Стали различаться словно вплавленные в алмазную массу золотые звезды с зеленоватым отливом. Неописуемое богатство красок пленительно завоевывало глаз, и не было сил оторваться от лицезрения этой несметной драгоценности пустыни.

У самого подножия скалы, высившейся прямо из песка, все еще нельзя было отделаться от иллюзии.

— Кварц? — спросил профессор Медведев фон Вегерта.

— Да, кварц, покрытый натеками кристаллического алебастра. Последний, по-видимому, растекался под влиянием сильных колебаний температуры, и эти мириады паутинных трещин, преломляющих солнечные лучи, дают впечатление граней.

Чудесная скала единственно своей красотой несколько подняла силы путников, продолжавшие падать с каждым часом.

— Алмазная гора указана на одиннадцатый день пути от места крови, не правда ли? — спросил Мэк-Кормик.

— Именно! Мы так записали, — ответил фон Вегерт. — В общем, все рассказы указывали это число, — добавил он.

— А «долина, усеянная драгоценностями, которую стерегут змеи», должна быть «вскоре после этого», т. е. после алмазной горы?

— Вы хотите вернуться к нашему старому вопросу, как толковать эту фразу «вскоре после этого»?

— Приходится. Посмотрите, что делается с людьми! Верблюды истощены вконец. Едва ли они продержатся еще сорок восемь часов. Что касается наших больных, то, я думаю, нам вскоре придется с ними расстаться...

Наступило тяжелое молчание.

— Итак?

— Несколько дней...

— Несколько дней? Этого мы не выдержим! Через несколько часов люди начнут валиться, как мухи! Свежей всех были Боб и Гарриман, да еще Голоо, но посмотрите, что с ними случилось! Медведев совсем плох...

— Ваш организм отличается, однако, большой сопротивляемостью, Мэк-Кормик!

— Вы думаете — привычка, милый Вегерт? О, нет! Я иду на нервах, что называется, — только всего.

— Как чистокровная лошадь скачет не овсом и водой, а сердцем?

— Может быть, все-таки встретится колодец?

— Не думаю. Все колодцы засыпаны. Не видно даже их следов. Если какой-нибудь и есть, то в стороне от пути. Вероятно даже, что он существует, раз те рокандцы с черной птицей и знаменем воспользовались этой дорогой.

Двенадцатый день... У всех напряжение достигло предела. Четверо заболевших охотников, привязанные к носилкам, устроенным между двумя верблюдами, которых ведет Гарриман, — почти без сознания. Их пульс лихорадочен. Они просят от времени до времени слабеющими голосами все одного и того же — воды, но воды нет: есть зеленоватая мутная жидкость, которая не утоляет жажды, а вызывает ее. Больных приходится поить этой жижей, от которой их тошнит.

Мэк-Кормик прикладывает к губам пластинку черного нефрита, ту самую, которую ему когда-то подарил на память о своем спасении мирза Низам. Охотник возит ее с собой всегда, когда приходится скитаться по пустыне. Он пользуется освежающей силой ее поверхностей, остающихся живо- тельно холодными.

Боб тоскливо поглядывает на Голоо. Большое тело негра страдает от жажды еще больше других, но тропическая природа обоих все-таки несколько помогает им бороться хотя бы с солнцем. А оно жжет немилосердно. Теперь уже не выжидают захода его для начала движения, — идут день и ночь, но зато привалы очень часты: их делают каждые полчаса.

Ученые то и дело вынимают свои путевые дневники, записывая время остановок.

Все молчат, но все понимают, что если завтра не найдут воды — экспедиция погибла.

В четыре часа пополудни этого двенадцатого дня пути, — фон Вегерт заметил время, — в отдалении обрисовывалось какое-то возвышение. Трепетно ускорили шаг; даже верблюды, еле волочившие до того свои тонкие высокие согнутые ноги, стали двигаться как будто бодрее.

О, счастье! Издали маячила небольшая тоненькая пальма с бледно-зеленой верхушкой, бедно одетой листвой.

Значит, есть вода, если есть растительность.

Но чем восторженнее была радость, тем ощутительнее оказалось разочарование, когда глазам представилось входное отверстие в невысокую скалу, основанием уходившую в песок.

Боб и Гарриман первыми на четвереньках поползли в черноту зиявшего отверстия.

Но не успели остальные приблизиться к последнему, как они снова показались наружу, ногами вперед.

— Там змеи! Масса змей! — восклицал Боб с стукающими от страха зубами.

Гарриман едва пересиливал свое отвращение; это было видно по его лицу.

— Если есть змеи, то есть и вода, — хладнокровно заметил Мэк-Кормик. — Весь вопрос в том, как их быстрее уничтожить.

Голоо предложил свои услуги влезть в пещеру и... поработать там, он сделал выразительный знак, — при свете той единственной электрической рудничной лампы, с ко-

торой не расстался фон Вегерт, прикрепивший ее к своему поясу.

Однако отверстие было так узко, что нечего было рассчитывать пролезть через него такому гиганту.

Все остальные настолько были измучены и удручены, что не могли оказать существенного содействия.

Попытка фон Вегерта определить на основании впечатлений Боба и Гарримана, ядовиты ли змеи пещеры, — к точному заключению не привела, хотя оба еще раз проползали внутрь жилья отвратительных пресмыкающихся с целью поймать хотя бы один экземпляр. Та маленькая змейка в фут длиной, которую вытащил Гарриман, была совершенно незнакомым всем им видом, хотя строение черепа, расположение глаз и вид неба говорили в общем за ее ядовитость.

Гарриман подошел к Мэк-Кормику.

— Давайте разложим костер у отверстия и выкурим их оттуда, — сказал он.

Мэк-Кормик с теплотой во взоре посмотрел в блестящие глаза, с вопросом на него устремленные, и подумал с горечью:

— Это дитя улицы одарено исключительным умом; труднейшие представления перемалываются им в заключения, — притом заключения всегда правильные, — так быстро, словно он насыщен сорокалетним опытом жизни! Моему сыну должно было бы быть столько же лет...

Может быть, именно эта последняя мысль заставляла охотника присматриваться к Гарриману, может быть, его тянула к последнему непосредственность и талантливость натуры юноши, — как бы то ни было, но нити симпатии быстро и прочно протянулись от одного к другому.

Так как топлива не было, срубили пальму, подмешав куски войлока из выючных потников с целью вызвать больше дыма, и зажгли костер у входа, все время следя за тем, чтобы не показался огонь. Сырое дерево стало тлеть, распространяя удушливый запах гари. Тяга была плоха, но все же через некоторое время у отверстия стали показываться одно за другим извивающиеся тела змей. Они выползали

кольцами, растекаясь цветистыми струйками по песку в разные стороны.

С часами в руках следил Мэк-Кормик за поединком между существами, которые славились на земле своей мудростью. Не потому ли, что и те и другие в течение миллионов лет ползали по земле с единственной целью взаимного истребления и истребления себе подобных?

Прошло около двух часов. Мэк-Кормик распорядился разобрать костер. Прождали еще с полчаса, и Гарриману с Бобом снова пришлось ползти на разведку.

— Вероятно, дым отогнал их к задней стенке, — высказал предположение кто-то из охотников.

Так оно и оказалось. Через несколько минут оба разведчика, одинаково черные от покрывавшей их копоти, донесли, что пройти глубоко внутрь невозможно из-за дыма, который слепит глаза. Свет лампы совершенно недостаточен.

Фон Вегерт огорченно воскликнул:

— Вот когда пригодилась бы моя спелеологическая маска, которую мы бросили вместе с другим багажом!

— Что делать! Придется ждать, — со вздохом произнес Мэк-Кормик.

Многочисленные попытки, сделанные в течение трех часов, не приводили к результату. Однако, в конце концов, человек осилил природу и вступил в бой за обладание пещерой уже внутри ее.

Змеи частью погибли, частью отползли в глубь сравнительно большого сводчатого грота. Клубки, доходившие до четырех футов в диаметре, под действием дыма и изменения температуры шевелились, но не расплетались. Отдельные змеи, — все экземпляры сравнительно небольшой длины, — вытягивали свои спирали или волнообразно двигались то тут, то там...

Сырой воздух доказывал наличие влажности, но воды нигде не было.

Наконец, с большим трудом в боковой стенке, недалеко от входа, отыскали выбоину, на дне которой имелось незначительное количество воды, на вид пресноватой, что

объяснялось цветом дна. Навес из глыбы камня над этой ложбинкой был покрыт белыми шапками солей.

Жадно прильнул к воде Боб, за ним Гарриман. Затем, зачерпнув ее в кружки, вынесли больным. Но только одному из последних удалось влить в горло несколько капель, — да и этот больной уже не мог глотать. Трое были в агонии. Им смочили водой голову и грудь, и они скончались через некоторое время, не открыв своих глаз.

К вечеру умер четвертый охотник, и пали два верблюда, для которых не успели еще набрать воды, ибо ложбинка наполнялась ею чрезвычайно медленно.

В экспедиции оставалось из восемнадцати человек — четырнадцать и из двадцати семи верблюдов — семь.

Даже если бы это был конец пути, — то и в этом случае опасность нарастала в грозных размерах: обратный путь становился невозможным, если Кон-и-Гут, при условии действительного своего существования, не обладал кормом и живой верблюжьей силой. Пробриться из него к югу, очевидно, не было возможности. Как далеко простиралась пустыня на восток и запад, — не было известно. Получался заколдованный круг.

Раздумывая об этом, Мэк-Кормик принял решение провести всю ночь у пещеры, набрать родниковой воды, которая все время восполнялась каким-то странным образом в выбоине, и только утром тронуться в дорогу.

Так и сделали.

Только что начало рассветать, как караван двинулся, освеженный водой и подкрепленный отдыхом. Последние остатки продовольствия были поровну разделены между всеми. Туземное пророчество несомненно оказывалось весьма близким к действительности. То обстоятельство, что оно сбылось от этапа пути к этапу, вселяло уверенность в близком окончании его.

На этот раз надежде, по-видимому, суждено было сбыться, ибо не успела колонна пройти от скалы с змеиной пещерой, где срубленная пальма с могильным холмом у подножия оставила трогательно-грустный след экспедиции, несколько километров по все поднимавшейся возвышен-

ности, как в розовых лучах утреннего солнца заблистали далекие снеговые вершины, окаймленные спереди сероватой грядой невысоких гор.

— Там должен лежать Кон-и-Гут! — воскликнул фон Вегерт.

Мэк-Кормик внимательно рассматривал местность в бинокль.

Вдруг в глазах его мелькнул огонек, и он поднятой рукой дал знак перемены направления.

Вскоре перед глазами показался крохотный оазис, закрытый дотоле неровностями песков. Словно вкрапленный в тяжелую золотую оправу изумруд, лежал он на пути, как благословение судьбы измученным путешественникам.

— Вода! Вода! — раздались крики.

Животные, казалось, поняли, что приблизился конец их страданиям! Ноги их стали ступать тверже и ровнее, они заметно заспешили к зелени, в которой, несомненно, находился водопой.

Несмотря на то, что острые порывы жажды были утолены в прошлый вечер, и люди и верблюды кинулись тем не менее со всех ног туда, где должен был быть или ключ, или колодец.

И, действительно, вскоре разыскали последний. Честь открытия его принадлежала Бобу.

Он явился запыхавшийся и торжествующий, с большим белым листом пергамента, который он протянул Мэк-Кормику со словами:

— Эта штука лежала в колодце. Тут что-то написано.

Пока Мэк-Кормик читал, в изумлении от непонятной находки, фарсидский текст, стали поить верблюдов, наполнять меха, уже достаточно прополосканные тряской во время движения, той водой, которую набрали в них в змеиной пещере.

Охотники, уже принявшие почти прежний бравый вид, с веселыми и довольными лицами наполняли свои желудки, не слушая профессора Медведева, который советовал

пить с осторожностью, маленькими глотками, подавая сам этому пример.

Но вдруг он побледнел.

В тот же момент раздался крик:

— Стой! Ни с места! Вода отравлена.

И Мэк-Кормик прочел перевод того текста, который был ему адресован, но который он, к несчастью, слишком поздно разобрал.

В ужасе и смятении, бросив верблюдов и свои вещи, сложенные было у колодца, стеснились все около своего начальника, вокруг которого стояли фон Вегерт, Голоо, Гарриман и Боб, заинтересованные неожиданным посланием и еще не успевшие добраться до воды.

Вот что было написано на куске картона:

Мэк-Кормик! Да отвратит Аллах грозное несчастье, которое висит над твоей головой! Не пей воды из сары-язского колодца.

Профессор Медведев, сохранивший самообладание, поднял ко рту свою флягу и взял на язык несколько капель с целью распознать запах, который он почувствовал сразу, хотя и не обратил на него внимания.

— Вода имеет какой-то привкус, — сказал он.

Но не успел он закончить этой фразы, как жалобный крик верблюдов подтвердил худшие предположения.

Через два часа все было кончено.

В живых от кон-и-гутской экспедиции остались лишь ее начальник, фон Вегерт, Голоо, Гарриман и Боб. Профессор корчился в судорогах. Была некоторая надежда его спасти, и им занялся фон Вегерт.

Мэк-Кормик первый опомнился от этого ужаса.

Гутчисон говорил о Сары-Язе. Значит, Кон-и-Гут близко. Но главное сейчас не это.

Дело в том, что вся вода была вылита из мехов, и последние были вновь наполнены водой из отравленного колодца. Таким образом, оставшаяся в живых часть экспедиции лишилась последнего запаса. В ее распоряжении не было ни одного глотка.

Первый раз в жизни Мэк-Кормик растерялся.

Охватив голову обеими руками, он отошел от группы живых к мертвым. Взгляд его, выражавший ужас, скользнул по телам людей и животных, разбросанно лежавших в разных местах в конвульсиях, положениях, на момент остановился на Медведеве и снова упал на пергамент. И вдруг он уловил смысл последних слов, которых он сначала не понимал. Эти последние слова были подписью.

Подпись гласила:

Мирза Низам — своему спасителю.

И сразу всплыло воспоминание...

— Так это тот рокандец, которому я когда-то помог под снегами в горах... — прошептали его губы, и его рука опустилась на пластинку черного нефрита.

— Нужно спасти живых!

Эта мысль вернула ему уверенность. Он выпрямился, и снова лицо его стало бесстрастным. Только складка на лбу изобличала усиленную работу мысли, да подергивание углов рта показывало, что под обманчивым покровом тишины растет буря.

Раздался его металлический голос. Серые глаза блеснули холодом.

— Голоо и фон Вегерт! Вы немедленно пойдете назад к змеиной пещере за водой. Наполните один мех и доставьте его сюда возможно скорее. Гарриман и Боб! Вы пойдете вперед с моим письмом к тому, кто написал мне это предупреждение, — он ткнул ногой в валявшийся около пергамент, — возвращайтесь обратно, без задержки, с ответом. Вот вам последняя банка консервов, которую я сохранил на крайний случай, ножи и огниво. Винтовки излишни. Я останусь здесь с профессором Медведевым, и как только будет доставлена вода, двинусь по вашим следам. Я попробую всех вас спасти, но если придется умирать, то я обещаю вам, что умирать мы будем вместе. Ступайте!

Так Мэк-Кормик еще никогда не говорил.

Тон его короткой речи не допускал ни вопросов, ни возражений. Все поняли, что начальник экспедиции требовал безоговорочного и беспрекословного повиновения.

С тяжелым сердцем Голоо взвалил на плечи мех и взял под руку старика-ученого, взглядом прощавшегося с Гарриманом и Бобом.

— Пойдемте, господин профессор, — просто сказал он, в то время его черные глаза, устремленные вдаль, прощались с обликом далекой белокурой красавицы.

Гарриман и Боб продолжали стоять около Мэк-Кормика в ожидании его письма.

Тот быстро его набросал на оборотной стороне пергамента.

— Никак не дольше двух дней пути, по моим расчетам, идя все прямо, по солнцу, вы натолкнетесь на людей. Безбоязненно подходите к ним, Джонни, и вы, Боб, вручите это письмо и этот черный камень человеку, которого зовут мирзой Низамом.

С этими словами Мэк-Кормик передал Гарриману пластинку черного нефрита.

— Это все? — спросил Гарриман.

— Все. Можете идти. Впрочем... — он замолчал, и по лицу его скользнула тень, — впрочем, подойдите оба ко мне.

И он быстрым движением привлек обоих мальчиков и прижал их к себе, — но Гарримана чуть крепче и нежнее. Они не видели, как заблестели его глаза.

Оставшись один, Мэк-Кормик подошел к Медведеву. Тот стонал, лежа с открытыми глазами.

— Вы страдаете, друг мой, а я бессилен помочь вам! Пусть подкрепит вас ваше мужество.

Профессор ответил благодарным взглядом.

— Постарайтесь уснуть. Мне предстоит еще много работы. Я к вам вернусь по окончании ее.

Медведев кивнул головой и улыбнулся.

Едва слышным шепотом он сказал наклонившемуся к нему охотнику:

— Со мной кончено. Обо мне не беспокойтесь. Но где же долина с драгоценными камнями?

— Ее-то мне и нужно найти, — ответил Мэк-Кормик, — но прежде я должен предать земле тела безвременно погибших друзей наших.

И уверенным шагом бледный человек с строгим худым лицом пошел к колодцу.

Наступила ночь, когда Мэк-Кормик кончил погребение.

Небесный мертвец — луна — насмешливо смотрела на человека, который, пренебрегая опасностями, шел к своей цели, жертвуя всем для достижения ее.

Усталый, почти в изнеможении, опустился Мэк-Кормик на песок, но тем не менее, находясь даже наедине с самим собой, он сохранял, по крайней мере внешне, полное спокойствие. На момент он прижал к лицу израненные в кровь руки, которыми он выкопал общую могилу, но сейчас же подавил в себе стон, просившийся наружу из груди, переполненной разнородными чувствами.

Усилием воли он заставил себя подняться на ноги и подойти к Медведеву.

— Спит? Или...

Поднятая рука профессора безжизненно упала...

Тяжелый вздох вырвался у Мэк-Кормика.

Он приник к сердцу последнего живого человека, который разделял с ним одиночество в Пустыне смерти, и принял его последний взгляд.

Полузасыпанная могила, казалось, ждала новой жертвы. Зыбкий, шуршащий песок быстро покрыл новое тело.

С минуту Мэк-Кормик простоял около холма, опустив голову и скрестив руки. Затем он обвел глазами, в которых стало светиться что-то отличное от страдания, раскинутый вокруг оазис и быстро направился к выходу из него. У последней пальмы он оперся о нее и стал смотреть вдаль. И перед его глазами поплыла его жизнь с тех дней, как он себя помнил. Вереницей тянулись воспоминания, пока блестящие светлые точки не застлали глаза.

— Что это? Слезы?

Он проводит рукой по глазам. Нет, он не плачет. Наоборот, он совершенно спокоен, пожалуй, даже слишком

спокоен. Он даже умиротворен этим одиночеством в пустыне, которое больше не внушает ему неприязненного чувства. Его существо постепенно как бы сливается с вечностью мироздания.

Но что же это происходит с ним все-таки?

Что это за фантастическая картина разворачивается перед его глазами? Что это за сказочная красота, которую он несомненно видит? Да, видит. Ведь не ослеп же он, действительно! Небольшая полянка между пальмами, покрытая кое-где пробивающимися тонкими и длинными стеблями трав, вся усыпана разноцветными блестками. Их радужные лучи волшебным образом переливаются и переплетаются.

Вскоре глаз стал различать некоторый порядок в этом скоплении драгоценностей.

Небольшие холмики, в четверть метра, в шахматном порядке покрывали поляну приблизительно в пять шагов длиной. На поверхности этих еле заметных при лунном сиянии холмиков лежали целые ряды драгоценных камней. Совокупное сверкание их давало иллюзию того, что каждое из возвышений окружено каким-то матово-опаловым колышающимся сиянием.

Очарованный, смотрел Мэк-Кормик на дивное зрелище и не мог оторвать от него глаз.

Казалось, первозданная природа разбросала здесь в примитивном узоре все принадлежащие ей сокровища.

— Конечно! Конечно, это не что иное, как чистая нагая природа! Об этом явлении писал еще его друг, известный путешественник, м-р Изгой. Гнезда термитов! Искусные сооружения, созданные работой нескольких поколений... Ко времени, когда они заканчивают свое воздушное существование и их крылышки становятся для них обременительными, термиты зарываются на поверхности своих конусообразных гнезд, устроенных из выеденных внутри сучьев. Их крылышки обламываются и остаются в стоячем положении, скрепленные твердым глинистым слоем холмика. Все они одинакового вида, одинакового размера и в одном положении правильно покрывают ровные очертания конусов. Легкий ночной ветер колышет эти крылышки, и

они-то и производят впечатление сверкающих драгоценных камней.

Разве не потому зреющие апельсины превратились в золотые яблоки в сказочных садах Шехерезады?

Тихо повернулся Мэк-Кормик к волшебному зрелищу и вспомнил пророчество туземцев.

— Все исполняется! — громко сказал он пустыне.

Но и теперь еще, пока я жив и стою на этом месте, здесь, в Сары-Язе, на песках, под которыми погребена древняя Фара, не твоя, но моя воля властвует здесь!

И он протянул руку вперед, туда, где должен был лежать Кон-и-Гут.

Глава XII

ИЗ ПАРИЖА В ЛОНДОН

На круглом столе курительной комнаты парижского Старого клуба лежали две пары ног, блестевших лаком туфель.

Тот, перед которым стояла на сияющей, почти прозрачной тарелке рюмка Кло-де-Вужо, проговорил сквозь зубы:

— Значит, это конец карьеры?

— Понятно! — ответил голос, выходивший из развернутых листов газеты. — От лица ничего не осталось! Повреждены позвонки...

— Я слышал, что даже дома она носит вуаль...

— Воображаю, как прескверно должна она себя чувствовать! Из белокурой Венеры превратиться в урод! Но что, собственно, произошло? Она упала в люк?

— Наоборот! Когда поднимали сетку в третьем акте «Умирающего лебедя» для какого-то светового эффекта, Энесли зацепилась за нижний ее брус и на высоте занавеса выпала из нее, как из люльки.

— И?

— И больше ничего. Хорошо еще, что ее не подняли к самым колосникам.

— Итак, она стала уродом! Ну, а хан?

— Он гораздо больше занят политикой, чем ею.

— Ну, с политикой у него тоже дело совсем плохо!

— Восстание рокандцев?..

— Раздавлено окончательно. Несколько десятков тысяч этих азиатов превращены в порошок. Разве вы не читали сегодняшних телеграмм?

— Я никогда не читаю газет. Новости я люблю выслушивать тогда, когда они основательно постареют. Впрочем, один вопрос меня занимает...

— Я догадываюсь.

— Вопрос о нашем Брене. В прошлом году он оскандалился с Голоо и теперь рвет и мечет, что не может получить реванш. Негр, говорят, уехал в какую-то экспедицию.

— Как раз в этом номере Times'a вы можете прочитать успокоительное известие.

— Именно?

— Голоо погиб.

— Погиб?

— Они все погибли. Подождите! Вот слушайте:

...Что касается кон-и-гутской экспедиции, которая более полугода тому назад отправилась из Роканда через Голодную пустыню смерти, то относительно ее получены достоверные сведения через золотопромышленную компанию Гендерсона, что она вся без исключения погибла. Такой исход можно было предвидеть, и в этом именно смысле предупреждал начальника экспедиции, м-ра Мэк-Кормика, профессор Бонзельс и другие ученые из Географического института, настаивавшие на ее отмене. Восстание рокандцев, с таким трудом и с такими неисчислимыми жертвами только что теперь подавленное, лишает возможности надеяться, что экспедиции удалось пробраться обратно в каком-нибудь направлении.

— Ба! Значит, Брене может успокоиться!

— И вы вместе с ним.

— Хотел бы я посмотреть на того рокандца, который уложил этого гиганта!

— Тс-с! Пока что вы можете посмотреть на рокандца, который устроил всю эту резню. Смотрите, он подходит...

— Хан рокандский?

— Да. Вы знаете тех, кто с ним?

— Один — эмир Белуджистана, другой...

— Другой — каунпорский раджа. Наш клуб правительство из-за них закроет!

— Почему?

— Англичане обвиняют Францию в том, что она дает приют... революционерам! Ха-ха-ха!

— Они, действительно, замешаны в эту историю?

— Еще бы! Они-то и заварили всю кашу, даже не выезжая из Парижа.

— Их официально обвиняют?

— О, нет! Кто посмеет? Обвиняют, конечно, крайнюю партию, ту, название которой у нас в клубе запрещено произносить.

— В то время, как к ней принадлежит восьмая палата депутатов и почти все рабочие! Простой народ везде становится на их сторону. Само время на их стороне.

— Вы как будто считаете, что наша старая Европа погибает?

— Она уже погибла. Она рухнет, когда подрубят сук, на котором она сидит.

— И этот сук — Восток?

— Да, Восток. Наши колонии. Впрочем, чего же проще? Спросим тех, которые должны знать больше нашего. Они как раз направляются сюда...

— Ваше высочество!

— О чем ваш оживленный разговор?

— Мы спорим о том, сколько времени еще просуществует наш Старый клуб?

— Не знаю, господа. Я в нем просуществую недолго.

— Как? Вы уезжаете?

— На днях.

— Куда же именно?

— В Белуджистан.

— Похоже на то, что вы удаляетесь в добровольное изгнание?

— Там сейчас охотничий сезон.

— Следовательно, m-elle Энесли остается одна?

— M-elle Энесли уезжает в Лондон.

— В Лондон?

— Да. Ведь Англия — ее родина. Впрочем, она решается на эту поездку в силу некоторых особенных причин.

— Стоящих в связи с ее здоровьем?

— Пожалуй. У нее есть друг, — он теперь в отъезде, — этот друг взял с нее слово, что она придет в его пустующий дом, когда почувствует себя несчастной.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать только то, что говорю, — произнес с легкой досадой хан.

Между тем, страдания Эрны были так сильны, что только ее страх, голое ощущение ужаса перед смертью, препятствовали ей наложить на себя руки.

Как недалек был тот день, когда она с дрожью подносила к губам яд, чтобы уйти навек от обмана! Тогда спасение пришло случайно. К ней нежно протянулись дружеские человеческие руки и бережно поддерживали ее, когда она была готова упасть. Чья рука теперь протянется к ней и поддержит, когда открылся самообман? Ее окружают десятки людей всякого возраста, высокого общественного положения, для которых даже движение ее бровей было до сих пор законом. Но разве может она к кому-либо из них устремить свой молящий взор из этой клетки, выложенной черным дубом, серебром и перламутром? О, с каким нежным чувством вспоминает она убогую комнату старого Паркера! Власть тела, ее божественно-прекрасного тела над всеми этими ничтожными людьми была безгранична, но, несомненно, она должна была кончиться вместе с гибелью ее красоты.

Не в этом счастье.

Тот, с кем она связала себя на ту часть жизненного пути, который она осудила себя пройти без собственной во-

ли, неосмысленно, как заблудившееся дитя — был от нее, от ее нравственного мира, в сущности, дальше, чем цветы, аромат которых она сейчас вдыхает, подняв вуаль с обезображенного лица. Человек чужой культуры, высокомерный и эгоистический, надменно-легкомысленный, скользил по ее судьбе с уверенностью натуры, чувствующей во всем свое превосходство. Он не сознавал, как его тонкая изящная рука формирует из ее последнего жизненного запаса — безграничной нежности чистой души — ненависть к самой себе, ненависть к миру и, как следствие этого, самоотрицание.

Больные нервы, проводя в мозг больные ощущения, представляли все происшедшее этому мозгу в гигантски-преувеличенном, совершенно неправдоподобном виде. Сознание реагировало импульсивно, быстро и неправильно. Решения, одно другого безумнее, сменялись, как картины калейдоскопической трубки... И отвращение ко всему овладевало ею по временам с тем большей силой, чем продолжительнее был период сравнительного успокоения, вызванный целительной силой морфия.

Вчера она, наконец, решилась открыть вуаль и показать лицо.

Ораз-хан ничем себя не выдал, он поцеловал ее руку и сказал, что никакой особенной перемены в выражении ее лица не произошло, и что можно надеяться на полное восстановление ее сил и здоровья. Он все это высказал, как высказал бы врач. Впрочем, врачи так именно и говорят. Она это знает. Она уже слышала от них не раз сама. Но на прямые вопросы в упор, что будет с ее лицом, — исчезнет ли этот ужасный багровый шрам, который диагонально разрезает ее лицо от левого уха к рассеченному подбородку? восстановится ли кожный покров щеки? — на эти вопросы знаменитейшие хирурги отвечали словами, которые доказывали их полное бессилие воскресить умершую ткань. Трансплантацию кожи со лба и руки, как ей предлагали, она отвергла, так как это улучшило бы ее положение в незначительной степени, между тем как она страшилась

неизбежной новой боли, может быть, больше, чем безобразия.

В один из тусклых бледных парижских дней она собралась и уехала в Лондон, в том самом скромном английском костюме, который был на ней в день ее знакомства с Гарриманом и Голоо. Она не взяла с собой никаких драгоценностей. Прощание ее с Ораз-ханом было кратко и почти официально.

Прошла только одна ночь, как она уже звонила у подъезда, где жил человек, который сказал ей, что когда бы то ни было, при каких бы то ни было условиях и обстоятельствах он будет безмерно счастлив снова видеть ее у себя. Он предложил ей тогда воспользоваться его домом на все время его отсутствия.

Как-то отнесется он к ней теперь? И когда он вернется?

Все эти вопросы осаждали ее усталый мозг, и сердце стучало по временам так, что, казалось, удары его были слышны на расстоянии.

Та же горничная в гофрированном чепце, улыбающаяся и любезная, открыла Эрне дверь и приняла ее, как будто ей было Голоо отдано распоряжение видеть в мисс Энесли хозяйку дома.

— М-р Голоо не возвращался, мисс! Ходят тревожные слухи! Говорят, что экспедиция погибла и он вместе с ней!!

Все это она выговорила скороговоркой. Эрнэ была ошеломлена.

Подавленная, она спросила:

— Кто же имеет точные сведения об этом?

— Вы не читали, мисс? Все газеты полны сообщениями об их гибели! Некоторые, впрочем, утверждают, что экспедиция могла спастись. Я помню, что в каком-то сообщении упоминалось имя нашего знаменитого профессора Бонзельса. Ах, мисс! Не съездить ли вам, право, к нему? Может быть, было бы полезно порасспросить его лично, а то все говорят, а толком понять ничего нельзя.

В тот же вечер профессор Бонзельс в своем громадном кабинете, стоя перед столом, заваленным бумагами, книгами, брошюрами, тетрадями разных форматов и неисчи-

слимым количеством сигарных окурков, дружески трепля по плечу молодую женщину, говорил:

— Пустяки! Не надо терять надежды! Невозможно, чтобы экспедиция исчезла бесследно. Мы принимаем все меры...

— Но какие, профессор? Когда же мы узнаем что-нибудь достоверное об их участи?

— Видите ли, мисс, меры действительно принимаются: будет выслан аэроплан в том направлении, в каком предположительно двигалась экспедиция. В этом отношении вся задержка сейчас положительно в нескольких часах.

— Вы думаете, аэроплан разыщет их?

И в тоскливом вопросе ее Бонзельсу послышались радостные нотки.

— Конечно, дитя мое, — продолжал ученый, — не забывайте, что в этой экспедиции принимают участие ученые — Медведев и фон Вегерт, а фон Вегерт — мой старый друг, судьбой которого я особенно интересуюсь..

Эрна хотела прочесть в больших светло-голубых глазах Бонзельса, с состраданием глядевших на нее из-под нависших седеющих бровей, хотя бы что-нибудь ее обнадеживающее, — ах, слова так мало, в сущности, ободряют страдающее сердце, — но не могла в них прочесть ничего, кроме печального сожаления, что он не может ей сказать ничего более приятного.

Профессор Бонзельс был действительно удручен, вдвойне удручен. Ему пришлось солгать насчет аэроплановых поисков потерявшейся экспедиции, так как им были уже получены точные известия не только относительно гибели экспедиции, но и относительно того, что рокандский сейсмограф отметил сильнейшее землетрясение большого радиуса именно в направлении Кон-и- Гута.

Ученый мир полагал, — и Бонзельс держался этой же точки зрения, — что Кон-и-Гут, если и существовал, то больше не существует. Летчики, по крайней мере, на протяжении всего своего пути, умышленно петлистого, не видели ни одного населенного пункта на линии восточной долготы 4 часа 41 минуты 43 секунды от Гринвича. Маленькие

надежды Бонзельса основывались теперь только на одном: никто не видел следов экспедиции. А это было невероятно, невозможно.

Эрна ушла от него все-таки несколько успокоенной. И вот потекли дни ее в доме Голоо.

Она сделала все, что только могла сделать, чтобы привести его в порядок. С особенной тщательностью был прибран тренировочный зал. Она долго искала в огромном помещении, которое занимал боксер, кабинет, но так его и не нашла.

— О, м-р Голоо не любит читать, мисс! Впрочем, я как-то нашла у него под подушкой маленькие книжки с уморительными картинками: все сказки, мисс! Сказки он обожает!

— Покажите мне их.

И длинными вечерами перелистывает Эрна своими тоненькими пальчиками тоненькие книжки, где злые люди наказываются, а добрые торжествуют.

— Ах, не так бывает на самом деле! — вздыхает она, устремляя взор на белых чаек, вот-вот готовых вылететь из золотой рамы.

Разве я люблю его? — думает она. — Нет, конечно, нет. Она его не любит. Она не любила и Ораз-хана. О Винценти она вспоминает с ужасом. Ее поклонники в Париже внушали ей одно отвращение: искатели приключений во фраках, лощеные, бездушные люди, часто негодяи с громкими титулами...

— Но есть где-то другой мир людей? Вот профессор Бонзельс, например. Как он не похож на всех остальных... Или Мэк-Кормик, Голоо...

Мысль, неизбежно, сделав круг, возвращалась к Голоо.

Он как будто ее любит... Иначе зачем бы ему плакать в тот вечер, когда она уезжала? Она видела, как содрогался от рыданий этот черный великан, — рыданий, которых он не хотел ни скрывать, ни сдерживать. Он плакал, как маленький мальчик, вытирая слезы своими гигантскими кулаками, и в глазах его, которыми он провожал ее уходящий

взгляд, светилось такое отчаяние, что на момент она даже заколебалась: уезжать ли ей?

Но оставаться в Лондоне, в котором не сегодня-завтра должна была бы произойти ее встреча с Винценти — было ей тогда не под силу.

Она уехала, чтобы не вернуться...

Дни текли, новых сведений об экспедиции не было.

Часто Эрна рассматривала свое обезображенное лицо в зеркало, перед которым Голоо упражнялся с гирями, наблюдая за работой своих мускулов и дыханием. Ей казалось, что она никогда не сможет открыть своего лица, никому не сможет его показать. Даже эта маленькая девушка, которая так ласково ей прислуживала, не видела еще уродливой маски, которую злая судьба надела на лицо Эрны. Хромать она почти перестала, но движения в боку были ограничены и вызывали при слишком быстрых поворотах тела острую, режущую боль. Запирая наглухо двери, подходила несчастная к зеркалу и старалась, встав на носок, поднять ногу хотя бы на метр от пола. Это ей положительно не удавалось.

Ей больше никогда не танцевать! Примириться с этим невозможно: жизнь разбита. Но эта ужасная, отталкивающая гримаса ее лица! Вечная, неизменная — она положительно сведет ее с ума!

С ней она и умрет, и ничто, ничто не вернет ей хотя бы на секунду, на один момент сладостного сознания, что она может кому-то нравиться, что ее кто-то может любить...

Одиночество! Холодное, пустынное одиночество в пятимиллионном городе...

Открыть лицо? Никогда! Она так безобразна, что мальчишки будут на нее показывать на улицах пальцами...

В один из особенно токливых вечеров в дом Голоо явился внезапно синьор Винценти.

Как всегда элегантный, душистый, смеющийся — он очень умело обошелся с миловидной горничной и сразу заслужил ее доверие.

— Мисс? О, мисс очень грустит последние дни. М-р Винценти — вы говорите? Очень хорошо. Мисс, наверно, будет

вам рада. Вы ее старый знакомый, вероятно?

Синьор Винценти с недоумением оглядывал приемную, которая своим видом напоминала ему скорее холл какого-нибудь большого отеля, чем то, что она должна была изображать.

— Что это такое, собственно? У кого она живет? — задавал он себе вопрос, окидывая взглядом стены с развешенными на них фотографиями боксеров.

Тем временем Эрн с ужасом, ничего не понимая, глядела на девушку, докладывавшую ей со смехом о — *господине, который...*

Слова застряли у нее в горле, и она в страшном волнении протянула руку, отталкивая отвратительное видение прошлого.

Но горничная поняла этот жест по-своему, и синьор Винценти был почти тотчас же введен.

Подходя, он протянул к Эрне обе руки и воскликнул голосом человека, который встречается с возлюбленной после долгой разлуки:

— Наконец-то! Наконец-то я снова вижу вас! Но что это значит? Вы закрыты? О, Эрн! Мне-то уж вы покажете ваше лицо. Я слышал об этом несчастье! Вы упали? Разбились? Я так горевал... Ах, не надо вам было уезжать!

Силы, казалось, совсем оставили женщину, которой казалось как бы двойное оскорбление.

Собрав остатки их, она сдавленным голосом, глотая слезы, едва проговорила, почти выдавила из себя слова:

— Как вы смели?! Как смели?!

Синьор Винценти не слышал этих слов.

Развязный, почти наглый в своей самоуверенности, он подсел к ней и дотронулся рукой до ее колен.

Эрна вскочила, как ужаленная, от прикосновения человека, который ничем не отличался в ее глазах от убийцы. Но в ту же минуту страшная боль во всем теле заставила ее медленно опуститься.

— Не волнуйтесь, мисс Энесли! Я остался таким же вашим другом, каким был, — произнес он с чувством, ко-

торое было неподдельно настолько, насколько старое воспоминание вновь ожгло его. — И даже...

Эрна молчала. Синьор Винценти говорил.

И вдруг раздался ее голос, в котором зазвенели нотки, дотоле ему знакомые:

— Вы говорите, что вы меня любите, несмотря ни на что, что вы не переставали меня любить с того самого дня, как узнали меня?.. Синьор Винценти, можете ли вы дать честное слово, что вы говорите правду?

— Эрна, я могу поклясться всем святым для меня... Я потерял голову без вас! Все это знают, да я и не скрывал этого. Ах, если бы вы знали, как страдал я, когда вы бежали из Лондона, бросив сцену, меня, все, с чем были связаны. О, вы безжалостны! Я больше не работаю. Почти все время я провел в Шотландии. Я только на днях вернулся оттуда... Совсем случайно я узнал, что вы здесь. Я едва разыскал вас... Да смотрите же, я молю на коленях: дайте мне ваши руки, дайте мне взглянуть в ваше лицо, в эти глаза, которые я так помню...

И снова тем же чуть странным голосом Эрна произнесла тихо, но отчетливо:

— Ваше честное слово, синьор Винценти?

— Эрна! Даю его, конечно!.. Откройте ваше лицо, дайте мне ваши губы. — И он потянулся к ней, стремясь откинуть вуаль.

Медленным движением своих прекрасных рук она подняла снизу вверх прозрачную ткань, окутывавшую ее голову.

Винценти, казалось, не сразу понял, что произошло перед ним и что происходит с ним.

Он глядел на открывшееся перед его глазами, — до сих пор замечавшими в жизни только одну красоту, — безобразие, и внезапный страх оледенил его. С минуту сидел он с вытаращенными глазами, позабыв опустить протянутые руки. Когда он несколько овладел собой, Эрна уже опустила вуаль.

Она тоже овладела собой.

Но в ее сердце не было гнева, когда она сказала ему почти примиренным голосом:

— Я возвращаю вам ваше честное слово, синьор Винценти. Не правда ли, все это — недурная иллюстрация к словам Бальзака, которые вы подчеркнули когда-то в моей книге. Вы помните?

Она позвонила.

— Проводите м-ра Винценти...

Глава XIII

В ПЕЩЕРЕ

Разговор шел вполголоса. Сидевшие на коврах люди с опаской поглядывали на узорчатые войлочные стенки большой юрты. Двойные полотнища входного отверстия надувались, как парус. Ветер, по-видимому, крепчал.

— К утру опять надо ждать бури. Ветер, пожалуй, больше десяти метров в секунду.

— Этого-то нам и нужно, если мы, наконец, решимся!

— Мэк-Кормик что-то долго не возвращается...

— По-видимому, мирза Низам не сдается на его уговоры.

— Джонни, у вас все готово? — еще тише спросил голос.

— Все. Я собрал там все кувшины, которые только мог найти.

— Где они поставлены?

— За большим камнем среднего ущелья. Того, которое ведет *туда*... — добавил он многозначительно.

— Если и на этот раз вы окажетесь счастливым... Ах, Джонни, кажется, вам опять пришла в голову блестящая мысль!

Из темноты блеснули белки глаз. Боб перебил говоривших:

— Один кувшинчик, должно быть, несколько пустоват, господин профессор! Сообщаю вам об этом на всякий слу-

чай.

И маленький черный человечек сделал гримасу удовольствия.

Только теперь обитатели юрты заметили, что Боб сильно навеселе.

— Боб! Да никак вы... Посмотрите на него: он ведь вдребзги пьян! — воскликнул Голоо.

— М-р Голоо, вы всегда преувеличиваете во всем, что касается меня! Когда мы перетаскивали кувшины от пальм к пещере, я попробовал на язык несколько капель из одного из них, — вот и все! Должен заметить, что это пальмовое вино отлично пригodiлось бы нам вместо того, чтобы...

— Тс-с!! Боб, молчите! — строго прошептал фон Вегерт.

— Но что же теперь нам делать с Бобом, если мы пойдем туда? — проворчал Голоо.

— Знаете что? — предложил Гарриман, — оставим его в юрте! Чем шумливее он будет себя вести, тем, в конце концов, лучше. Мирза Низам подумает, что мы здесь веселимся с тоски!

— Ха... Веселимся! — с горестной усмешкой проговорил фон Вегерт. — Впрочем, это верно. Ну, Боб! Валяйте, в таком случае, всю.

— Да я и не пойду с вами в пещеру, я боюсь! — замотал тот своей кудрявой головой.

Боб не заставил себя просить. Перед глазами наших путешественников, ожидавших возвращения Мэк-Кормика от мирзы Низама в юрте, которую тот им отвел для житья в Кон-и-Гуте, замелькало в каком-то диком танце черное тело в развевающихся лохмотьях, в которые превратилась одежда всех путешественников за это время.

По временам тоненький голосок выводил какую-то высокую фиоритуру с присвистом.

Танец длился долго, покамест запыхавшийся танцор не свалился в изнеможении на ковер.

— Отвел душу! — воскликнул Боб. — В этой проклятой дыре с тоски умрешь!

За юртой послышались шаги.

— Возвращается... — заметил Голоо.

Через минуту чья-то рука показалась в прорезе полотнища, которое закрывало отверстие юрты, и отцепила с крюка шнур, придерживающий спущенный войлок.

— Неудача, друзья мои! — проговорил Мэк-Кормик, входя. — Он категорически не советует, чтобы мы теперь трогались в дорогу. Впрочем, он клянется, что все перевалы на единственном возможном для нас пути, на юг, через горы уже закрылись и что даже при самых благоприятных обстоятельствах, летом, мы рискуем в таком случае безусловной гибелью. Ему можно верить.

— Не говорил ли он о том, что происходит в Роканде?

— Он сам ничего не знает. Никаких известий.

— Может быть, он не хочет сказать? Представьте себе, что восстание раздавлено?

— Возможно и это. В общем, он сильно расстроен, болен и едва стоит на ногах. Во всем Кон-и-Гуте остался только он да Аль-Наи. Девочке поручено кормить гепардов. На ней лежат все хозяйственные заботы и о нас.

— А Рашид?

— Рашид не вернулся, старик думает, что он погиб. Когда я его спросил, зачем и куда он отослал Рашида — ответом сначала было молчание, и только потом он нехотя сказал, что Рашид с оставшимися в Кон-и-Гуте рокандцами отправился в Белуджистан.

— Их верблюды были сильно нагружены, когда они уезжали. Заметьте, что мирза Низам не оставил ни одного верблюда в Кон-и-Гуте! Словно он себя, Аль-Нами и всех нас погребает здесь заживо!

— Похоже на то, что он выполняет какие-то приказания. Ведь не исключена возможность того, что здешние обитатели и вернутся.

— Та часть их, которая ушла в Роканд?

— Да. И та, которая отправлена мирзой Низамом в Белуджистан.

— Не думаю. Чувствуется, что у них что-то стряслось там, в Роканде.

Но, в общем, мы здесь сидим, как в мышеловке. Если бы не вы — мы все, пожалуй, уже давно составляли бы пищу этих гепардов!

— Он дал мне клятвенное обещание, что волос не упадет с головы всех вас, пока он жив, но...

— Но?

— Но он утверждает, что не в силах нам помочь, даже если бы и хотел. Кстати: землетрясение прошлой недели он считает плохим предзнаменованием... Он весь полон суеверных страхов и предчувствий.

— И он по-прежнему против осмотра нами пещеры?

— Об этом и слышать не хочет. Теперь туда ходит одна Аль-Наи с кормом для его кошек. Самая большая из них, — помнится ее зовут Гарра, — каждый раз провожает ее. Ее отца, Файзуллы, тоже ведь нет в Кон-и- Гуте.

— Значит, мы тут на положении почетных пленных?

— Да, причем стерегут нас всего-навсего старец и девочка. Отличное положение!

— Надеюсь, теперь, Мэк-Кормик, вы должны согласиться на наше предложение.

— Насчет пещеры?

— Да.

— Невозможно. Я же говорил вам: она полна зверей, — только мирза Низам да Аль-Наи могут позволить себе такой риск! О, если бы у нас осталось хотя одно ружье! Но я не заметил нигде даже намека на один патрон, не то что ружье. Все оружие они увезли с собой.

— Видите ли, Гарриману пришла в голову мысль... Гарриман предлагает опоить их пальмовым вином. Все нужные приготовления уже сделаны, все кувшины перенесены к пещере. Остается только налить вино в расщелины, из которых они пьют.

— Но станут ли они пить?

— Не забывайте, что Голоо регулярно вычерпывал всю воду, которую наливала им Аль-Наи. Гепарды уже с неделю не видели и капли воды. Они накинута на всякую влагу!

— Хорошо, попытаемся, — произнес Мэк-Кормик, выходя из задумчивости, — но я войду туда первым.

— В таком случае, Мэк-Кормик, я прошу вас уступить мне на сегодня все ваши права. Я ведь один из всех нас могу явиться естественным вашим заместителем. И кто знает, может быть, скромному представителю науки удастся восторжествовать над стоящими перед нами препятствиями! Тем более, что...

— Тем более? — переспросил Мэк-Кормик.

— ...Я спелеолог. Под землей я привык двигаться так же уверенно, как и над землей. Мне будет легче руководить делом, чем вам.

До рассвета оставалось тринадцать часов, — срок был достаточен. Если бы началась буря, подобная только что стихшей, в пещере она не была страшна. Не было человека, который мог бы помешать предприятию. Единственные обитатели Кон-и-Гута, кроме них — мирза Низам и Аль-Наи — находились у себя и, конечно, были заняты приготовлением ко сну.

Оставалось справиться с гепардами.

Голоо, который в последнее время все больше молчал, подошел к беседовавшим и сказал:

— Не думайте, друзья, что можно в предстоящем нам деле надеяться на мою силу. Мне не справиться и с самым маленьким из этих полосатых чертей! Я видел, как они грызут свои цепи, и от ударов их лап, кажется, содрогаются сами скалы!

Мэк-Кормик улыбнулся.

— Профессор говорит, что мы их опоим пальмовым вином. На этом плане основана наша единственная надежда. Впрочем, Голоо, сегодня вы все, — и вы, Гарриман, и вы, Боб, — должны повиноваться профессору так, как вы повиновались до сих пор мне. Приказывайте, господин профессор.

Через мгновение все были на ногах.

Фон Вегерт готовил свой электрический фонарь, рассчитанный на сто часов горения. Так как на пути в Кон-и-Гут фонарь работал в змеиной пещере не более пятнадца-

ти часов в общей сложности, то запаса электрической энергии хватало с избытком. Кроме того, им были уже заготовлены с помощью Гарримана факелы на пальмовых палках, облитые бараньим жиром. Из пальмовых же волокон была давно уже сплетена тонкая бечева, а также канаты, очень легкие и гораздо более удобные для спуска, чем обыкновенные, благодаря своим неровностям и узлам. Бечева должна была понадобиться для отметки пройденного пути, в предвидении запутанных извилистых ходов пещеры, о чем так выразительно говорила легенда Авиценны.

Никакого снаряжения, кроме этого, у них не было.

Отправляясь в пещеру, они не брали с собой продовольственного запаса, — как это советовал тот же Авиценна, — небольшой кувшин с водой был их единственным грузом, не относящимся непосредственно к цели: страх перед жаждой, которую испытал по дороге в Кон-и-Гут Голоо, заставил последнего захватить его с собой.

Гарриман был весь в нетерпеливом ожидании, оправдается ли на деле его предположение.

Так же точно, как фон Вегерт, знал Гарриман легенду Авиценны и надпись рокандского камня.

Строка за строкой, словно живая, тянулась она перед его глазами, и четко вырисовывался в воображении таинственный верблюд первой половины второй строки, извилистое место в конце ее же и параллельные черточки у конца строк. Лестницы...

Мысли всех были заняты пещерой.

Что касается Голоо, то негр, как всегда, относился ко всему пассивно. Ему был, в конечном счете, безразличен успех всей этой затеи уже в самом начале пути экспедиции. Сердце его нестерпимо ныло при воспоминании об Эрне, и бедняга, давно уже мысленно покончивший с вопросом о самом себе, жил сладкой тоской по неизведанному счастью.

Он сидел на вид спокойный, но душа его была полна мрачных предчувствий. Спуск под землю инстинктивно казался ему, родившемуся под знойным солнцем тропиков, чем-то в высшей степени опасным и нелепым. Он слышал

краем уха все эти рассказы о кон-и-гутской пещере... Да что в них толку! Охота им забираться в этот мрак, где не увидишь без огня собственной руки у самого носа!

Что касается Боба, то он был чрезвычайно доволен, что его не берут с собой, хотя и заявил, что если все не вернется под утро, — он явится к ним туда, в эту дыру, живой или мертвый.

Наконец, фон Вегерт, оглядев всех и поручив Бобу ни под каким видом не впускать мирзу Низама в юрту, посещения которого, впрочем, и нельзя было ожидать, осторожно вышел в сопровождении трех своих спутников наружу.

Облака бурно проносились по небу, то закрывая, то открывая лунный диск. В общем темнота благоприятствовала скрытному подходу к пещере, которая лежала в полуверсте от оазиса. По дороге попадались пустые жилые и хозяйственные постройки, покинутые рокандцами. В полном молчании двигалась группа, обходя парапеты из сложенных глыб камня, которыми были обнесены участки земли, предназначенные еще так недавно для пастбища скота и верблюдов.

Ни одного слова не проронил никто вплоть до того момента, пока Гарриман не подвел фон Вегерта к глиняным кувшинам с пальмовым вином.

— Здесь! — прошептал он.

— Хорошая порция! — пробормотал Голоо.

Поворот... Слышно глухое ворчание и звуки цепей...

Гепарды уже слышали шаги, может быть, запах чужих существ, к ним приближавшихся.

— Голоо, вам придется наливать... Действуйте быстро, пока звери не огляделись. Они в волнении, но услышав плеск жидкости, направят все внимание на него.

Голоо молча кивнул головой.

— Когда вы подойдете к расщелине, из которой они пьют, я зажгу фонарь. Это их отпугнет от вас. Факел зажигать нельзя, его свет слишком заметен. Кроме того...

— Что еще?

— Нет, я хочу сказать, что цвет вашего лица позволит вам с большим успехом, чем нам, выполнить задачу.

Голоо горько усмехнулся.

— Хорошо, что хотя на это пригодится моя чернота... — пробормотали его губы.

Несомненно, предприятие было опасным.

Пять цепей пяти гепардов, — Гарра спала на свободе, в шалаше мирзы Низама, — в натянутом положении свободно доходили до расщелины скалы, в которую Голоо должен был вылить содержимое кувшинов.

Хищники были полны беспокойства. Мучимые жаждой, напуганные неожиданным появлением людей, им незнакомых, они нервничали и бросались из стороны в сторону, перепрыгивая друг через друга. Иногда тишину ночи прорезывал их хрипящий глухой рев.

В тот момент, когда фон Вегерт зажег свой фонарь, бросив на них дрожащие, колеблющиеся лучи света, Гарриман протянул Голоо палку, к которой было прикреплено небольшое ведро.

Голоо понял без слов. Это был тот самодельный прибор, которым он сам ведь вычерпывал воду из расщелины после того, как ее туда наливала каждые три дня Аль-Наи.

Тенистое место препятствовало испарению, и это обстоятельство позволяло девочке не хлопотать о водопое каждый день. Пищу же с отъездом Рашида и Файзуллы давал зверям сам мирза Низам, бросая им туши убитого скота на несколько дней сряду.

Можно было не опасаться появления старика и девочки к утру, ибо они только недавно задали и корм и воду. Между камней виднелась гора из мясных туш и обглоданных костей, окруженная запекшейся кровью.

Голоо поблагодарил Гарримана немим взглядом.

И как это никому не пришла в голову такая простая вещь!

Юный друг его, казалось, каждому приносил в дар свое счастливое умение быть незаменимо полезным в трудных, опасных или критических случаях.

Таким образом, дело значительно упростилось.

Как только Голоо стал лить вино, звери кинулись к каменной выбоине, оспаривая друг у друга влагу. Прикос-

нувшись к ней, они с ворчанием поднимали морды, фыркающая от неудовольствия. Но вскоре, невольно приучив облизыванием слизистые оболочки своих пастей к непривычной остроте напитка, они, подчиняясь непреодолимому рефлексу, стали пить. Издавая гортанный звук, погружали они свои головы все глубже, словно надеясь под верхним слоем жидкости найти другой, им привычный.

Звери пили долго, отходя и снова подходя к расщелине. Вино начало действовать на них быстро. Один из гепардов, вдруг натянув цепь, стал бить могучим хвостом своим по бедрам, рыча в пространство. Другой внезапно сделал скачок на выступ скалы, но сорвался с гладкого, отполированного временем камня и упал вниз, но тотчас же поднялся и, перепрыгивая через других кошек, попадавших на пути, стал метаться из стороны в сторону. Остальные три гепарда вскоре начали выказывать сильнейшее возбуждение, которое, наконец, перешло в грызню. Она длилась недолго; вскоре звери разошлись по своим местам и улеглись, опустив головы на передние лапы. Один из них, вероятно, не так жадно пивший, полежав, вдруг вскочил и прыгнул в сторону пришельцев. Но он только спокойно посмотрел вокруг, зевнул, потянулся, выгнулся, затем уселся, потер о поднятую лапу щеку и грузно упал набок.

Не оставалось сомнений, что гепарды были опьянены. Их организм, не привыкший к алкоголю, не мог никак с ним освоиться, и животные, уже почти сонные, выказывали все признаки отравления. Некоторые из них по временам жалобно выли, другие вздыхали, как вздыхает продырявленный мех фисгармонии, в которой зажато несколько басовых клавишей зараз.

Прождали еще с полчаса.

Голоо хотел было двинуться вперед, но фон Вегерт остановил его:

— Подождите!

Он поднял камень и бросил его в зверей. Ни один из них не пошевелился.

— Пожалуй, можно идти...

Первым пошел Голоо. За ним Гарриман и фон Вегерт. Сзади своей медлительной походкой шел Мэк-Кормик. На секунду он остановился и сказал:

— Ну а как мы пройдем утром, если они к тому времени проснутся? Утром они будут особенно злобны! Не лучше ли собрать здесь у входа, как это мы сделали в змеиной пещере, немного хвороста с тем, чтобы нам можно было утром подпалить его, — под покровом огня и дыма мы сумеем проскользнуть...

— Великолепно! — воскликнул фон Вегерт. — Но кроме того, мы сможем воспользоваться ведь и факелами.

Гарриман бросился набирать сучья и сухие травы. Вскоре в центре входа был сложен довольно большой костер.

— Ба! Да мы забыли огниво! — с ужасом воскликнул Голоо.

— Нет, оно со мной, — возразил фон Вегерт. — Я собрался в пещеру, как заправский исследователь, — добавил он, улыбаясь.

Странное зрелище представляла из себя эта группа людей с фонарем, факелами, канатами и бечевой в руках, стоявшая перед наружным отверстием в пещеру.

Высокий фас горы уходил в темную высь, словно лоб доисторического чудовища, подогнувшего под себя ноги и лежавшего с разинутой пастью. Вблизи отверстие напоминало собой готический портал с аркой.

Перешагнув запретную черту, отделявшую пещеру от внешнего мира, они сразу очутились в непроницаемом мраке, тайны которого едва раскрывал слабый свет фонаря.

Фон Вегерт приказал всем остановиться и пошел один по стенке. В одном месте ему пришлось прыгнуть, так как нагроможденные скалы, по-видимому, оторвавшиеся с толка, образовали глубокий провал.

Фонарь его мелькал вдали. Стояла полная тишина. И вот среди нее раздался голос ученого, и это повторяло его речь.

— Тут шестикратное эхо, — с первых же шагов наталкиваемся на феномен природы! — подумал Мэк-Кормик, — надо потом напомнить об этом фон Вегерту.

А тот говорил издали:

— Двигайтесь по стенке! Под ногами смотрите вправо! Идите смело. Я жду с фонарем в том месте, где вам придется сделать небольшой прыжок.

Сначала все шло благополучно. Но внезапно раздался заглушенный стон, — Голоо с размаха ударился головой о сталактит, который свешивался с потолка. Со злостью боксер хватил кулаком по одной из тонких перемычек, проходившихся как раз у его глаз, и фута четыре натеков отлетело в сторону.

— Ну и кулак же у вас, Голоо! — заметил Гарриман.

— Знаете, этот каменный мешок своими размерами напоминает мне лондонскую приемную Голоо, — воскликнул Гарриман. — Нет только чаек в золотой раме.

Вдруг мимо фонаря пронеслось что-то белое... Одно... Другое...

— Летучие мыши, — заметил фон Вегерт, прикрывая на мгновение свет ладонями.

Но во что бы то ни стало, надо было продвигаться вперед.

— У этой стенки — целая гирлянда их! Все белые! Удивительно. Вы видите?

Ученый поднял фонарь над головой, сделал несколько шагов по направлению, которое указал Голоо, и вдруг громкое восклицание гулко прозвучало под сводами:

— Аэроплан?!

Сначала смысл слова почти не дошел до сознания присутствовавших. Сам фон Вегерт не верил своим глазам, дотрагиваясь руками до большой белой птицы.

— Так вот что они хранили здесь! Вот что сторожили гепарды!

— Но только ли это?

Гарриман быстро стал забираться внутрь. На борту надпись гласила:

Янаон.

— Опять — Янаон! Та же надпись, которая кем-то сде-

лана и на рокандском камне в Британском музее.

Внутри каюты все было приготовлено для полета. Перед сидением летчика была прикреплена карта, по-видимому, пути, который обозначался красной линией.

— Осмотрите, Джонни, внимательно все кожаные карманы, которые вы там найдете у сиденья!

Через некоторое время с высоты своего места Гарри-ман заявил:

— Ничего нет! Только вот эта книжка... — и он протянул ее фон Вегерту.

— Описание системы... Мэк-Кормик, имеете ли вы представление о летательных машинах?

— Должен сознаться, что весьма слабое! Впрочем, как автомобилист, я имею некоторый навык в обращении с двигателем.

— Может быть, вы, Голоо?

Голоо улыбнулся.

— Знаете, сэр, мне трудно решить, что я больше не люблю: быть под землей или над землей! Понятия не имею ни об аэропланах, ни о полетах, никогда даже не присутствовал на них!

— А ведь если бы... — как бы про себя заметил ученый и стал перелистывать брошюру, представлявшую собой полное описание аппарата с приложением чертежей и инструкций для механика и летчика.

— Парижская марка! Посмотрите, Мэк-Кормик, есть ли в аппарате бензин?

— Есть! Машину приготовили для полета, что очевидно! — проговорил Мэк-Кормик, тем временем внимательно рассматривавший баки.

— Подкатите ее к выходу!

Незначительным усилием одного только Голоо белая птица медленно и плавно, совершенно бесшумно была передвинута в требуемом направлении.

— Теперь идем дальше!

— Зачем она нам? Никто из нас не сможет ведь управиться с этой штукой, — спросил Голоо, но не получил ответа.

Фон Вегерт сделал неопределенный знак рукой и вырвал из брошюры заглавный лист, пряча саму брошюру на груди.

— Вот мой ответ на один из ваших вопросов, Мэк-Кормик, который вы мне когда-то задали, — сказал фон Вегерт, протягивая листок. Мэк-Кормик взял его из рук ученого. Но как только он поднес текст к фонарю и взглянул на него — изумление отобразилось на его лице.

Передайте его высочеству через сум-пан-тинца Чи-Лана.

— прочитал он вполголоса надпись, сделанную размашистым почерком на французском языке. Подняв голову, он спросил:

— Значит... Значит, этот аэроплан принадлежит хану?

— Рассмотрите-ка клеймо на обороте!

— По-видимому, это «Ex libris»...

— Да, но чье?

Мэк-Кормик взгляделся в штамп. Лицо его стало еще серьезнее.

— Книжка принадлежит профессору Шедит-Хуземи, — сказал он.

— Мало того!

Мэк-Кормик сделал вопросительное лицо.

— Она служит доказательством, что оба они связаны и с тем китайцем, который запрятал меня в сундук, в котором лежала моя сум-пан-тинская майолика в «Сплендид-отеле».

— Но ведь того китайца звали иначе?

— Ли-Чаном. Совершенно верно! Но не забывайте, что он был вынужден изменить свою фамилию, когда занял должность лакея в отеле, преследуя цель отделаться от меня! Он и изменил ее, переставив буквы: Чи-Лан или Ли-Чан, согласитесь, фамилии однозвучные.

— В таком случае, мы открыли самый узел событий?

— Несомненно. Я убежден теперь, что Кон-и-Гут — их штаб-квартира. Отсюда они должны были руководить событиями в Роканде, если бы события повернулись благо-

приятно.

— Я начинаю понимать, — произнес Мэк-Кормик.

— Но как же был доставлен сюда в Кон-и-Гут этот аэроплан?

— Машина чрезвычайно портативна. По частям, я полагаю. Может быть, дальнейшее обследование пещеры сулит нам еще больше неожиданности.

С этими словами все тронулись в путь. Издали виднелся большой, почти отвесно стоявший камень, над ним — круглое отверстие. Без каната подняться по камню не было возможности. Тогда Голоо стал около него, а Гарриман поднялся на его плечи и, забросив канат, зацепил последний за один из выступов. Поднявшись по канату наверх, он закрепил конец, спустив другой вниз. Один за другим, упираясь ногами в плиту камня, хотя и с большим трудом, все переместились на верхнюю площадку.

— Ну, Гарриман, теперь наступил ваш черед! Окажетесь ли вы правы? Первый же участок пути, который мы сейчас сделаем, должен дать, в таком случае, все доказательства.

— Позвольте мне пойти вперед, — сказал Гарриман. — Мой план, — он хитро улыбнулся, — всегда при мне.

При этих словах Гарриман вытащил из кармана сложенную бумажку.

— Впрочем, я помню его наизусть: так засел он у меня в голове! — добавил он.

Пока Голоо, Мэк-Кормик и фон Вегерт втягивались через круглое отверстие, черневшее на фоне освещенных фонарем каменных громад, уходивших ввысь на неизвестную высоту, — Гарриман, стоя в абсолютной темноте, раздумывал:

— Если в легенде Авиценны говорится правда, то я вскоре должен увидеть «тысячу куполообразных зал и четыре тысячи дорог»... Надо зажечь факелы, — тут и одной-то дороги под собственными ногами не увидишь!

Он крикнул назад:

— Дядя Роберт! Факелы!

Голоо высек огонь, и вскоре высоко поднятое пламя осветило необычайную внутренность пещеры.

Гарриман подошел к ученому и, протягивая вынутую им копию надписи рокандского камня, указал пальцем на головные знаки первой строки:

— Вот это мы должны были бы увидеть.

— То есть?

— «Тысячу куполообразных зал и четыре тысячи дорог».

Нам нужно идти вперед. Смотрите! На плане, — конечно же, эта надпись — план! — ясно указано местоположение трех входов в глубины пещеры. Вот здесь! — Он подчеркнул ногтем нужное место.

Инициатива движения перешла к Гарриману. Фон-Вегерт с любопытством взглядывался вдаль, но ничего не видел, кроме все расширявшегося и расширявшегося коридора, стены которого все более и более уходили вбок.

— Тупик! — вдруг воскликнул разочарованно Гарриман.

Однако то, что он принял за тупик, оказалось скалой, только преграждавшей путь, но не пересекавшей его. Слово высеченные человеческой рукой ступени вели наверх. Идти по ним не было никакой возможности. Стали ползти, цепляясь за них руками. Забросить канат было невозможно, поэтому особенно трудно на этом подъеме пришлось Голоо, который добровольно тащил на себе все тяжести.

Наконец, все поднялись по этой импровизированной природной лестнице и очутились на круглой площадке в пять метров диаметром. Факелы осветили бездну под их ногами, которой была окружена площадка. Фон Вегерт отщипнул кусочек горячей набивки факела и подошел к краю:

— Мы очень рискуем, но надо бы узнать глубину...

— Почему рискуем? — спросил Мэк-Кормик.

— А если там внизу скопление газа? В таком случае взрыв неминуем! Мы все можем взлететь на воздух!

Горящий комок, медленно кружась, падал вниз. Вот он превратился в светящуюся точку. Еще секунда... другая, — и он ушел из глаз.

— Едва ли это дно. Может быть, какойнибудь выступ скрыл его из глаз?

Тем временем Гарриман, засунув руки в карман, смотрел вперед.

— Что это? — проговорил он. — Смотрите! Вон там!

Неожиданным ответом был страшнейший грохот.

Оказалось, что Голоо сбросил ногой в пропасть, вслед за пробой фон Вегерта, довольно большой камень, который, скатываясь вниз, задел, по-видимому, за плохо связанные с своей основой камни большего размера, — падая вниз, они увлекали целые глыбы. Камни стремились каскадом вниз. Целый их водопад вызвал такой шум, что не было слышно голоса соседа.

С минуту длилось молчание. Наконец, грохот прекратился.

Фон Вегерт, глядя на Голоо, укоризненно покачал головой.

— Не трогайте ничего здесь со своего места, Голоо. Тысячелетия лежат эти камни в спокойствии. Может быть, только паутинкой держатся некоторые из них!

Особенно опасно нарушить инерцию их покоя над нашей головой, — тогда мы погибли! Камни раздавят нас, как мух!

— Кто его знал!.. — смущенно возразил великан.

Гарриман между тем разглядел то, что его и удивило, и обрадовало.

Наконец-то! Вдали по всем направлениям виднелись, словно приделы в громадном храме, куполообразные вместилища. Многочисленные расщелины между ними зияли, словно открытые настежь двери.

Несомненно, Авиценна говорил именно об этом месте. Вот они, четыре тысячи дорог!

— Однако, дальше нет никакого пути! Как мы доберемся до той стенки? — воскликнул Голоо. — Не полезем же мы в эту пропасть?

Гарриман скользил взглядом по окружающим предметам. Вдруг недалеко от того места, на котором он стоял, Гарриман различил свисавшую над головой скалу. Перебраться

ся на нее не было никакой возможности. Будь под руками лестница — другое дело. Ею, вероятно, и пользовались те, кто пользовался гостеприимством пещеры. Но лестницы около не было. Конечно, рокандцы не забыли ее убрать.

В мгновение в уме его созрел план. И он привел его в исполнение, пока фон Вегерт с недоумением глядел на то, что он делал.

Гарриман обвязывал себя бечевкой, оставив конец у Голоо. Затем, не дав никому времени опомниться, разбежался и прыгнул...

Один момент, зацепившись руками о край площадки, он болтал ногами над бездной. Затаив дыхание, все смотрели на него, боясь проронить звук... Еще момент...

Фон Вегерт облегченно вздохнул. Его Джонни взобрался, наконец, словно цирковой гимнаст, на эту кручу...

— Прикрепите к бечевке канат! — крикнул он.

Голоо послушно повиновался. Через минуту канат ему был передан.

— Все факелы! — скомандовал он снова. — Себе оставьте один. Мне они нужнее!

— Но... — попробовал возразить фон Вегерт.

Гарриман вновь настойчиво крикнул:

— Факелы!

Ему были поданы таким же путем и факелы..

Последней он перетянул к себе всю бечеву.

— Никому из вас не подняться сюда, даже Голоо. Вы слишком тяжелы, Голоо! — крикнул он. — Находитесь на этой площадке. Я постараюсь вернуться возможно скорее. Но если к утру не вернусь — не ждите меня!..

Гарриман не расслышал того, что ему кричали в ответ его спутники. Его внутреннее возбуждение, все возраставшее, достигло предела. Словно охотник по следу дичи, он кинулся во тьму, прорезываемую трещащим и вспыхивавшим пламенем.

Около сыпались искры, и весь он казался олицетворением сияющей дерзости, отважно бросившись в неизвестность, чтобы познать ее...

Глава XIV

МИЛЛИОН ЗА БУЛЫЖНИК

Бонзельс, усадив против себя Эрну Энесли, держал в своих руках кончики ее пальцев. Безмолвная женщина под вуалью приготовилась выслушать стереотипную фразу:

— Ничего нового! Об экспедиции нет никаких сведений.

В сущности, она не отдавала себе отчета в том, почему ожидание возвращения экспедиции до такой степени наполняло ее трепетом. Но образ очень большого, очень черного и смешного человека, который так заботливо и дружески к ней отнесся и так взволновал ее своими слезами при прощании, все время находился перед глазами, и она так свыклась с этим образом, что несуществующий около нее человек, казалось, находился рядом, тут, около нее... Одно воспоминание об его восторженной улыбке, которая заливала все его лицо, когда он смотрел на нее, и об осторожно-нежном прикосновении его громадных рук, которыми он мог бы задавить быка — ее успокаивало.

— Они живы, мисс Энесли!

Когда первое волнение ее улеглось, она спросила о подробностях.

— Вы прочтете завтра утром в газетах подробные сведения о них. Я получил из редакции только что копии телеграмм. Мне, видите ли, всегда без замедления присылают те из них, которые касаются научных вопросов. Кроме того, я получил длиннейшее письмо от фон Вегерта.

— Когда они приедут?

— Их можно ждать через неделю. Жертв много, но ваши Голоо и Гарриман целы.

Она вся сжалась.

— А Мэк-Кормик?

— Тоже. С ним произошло событие исключительного для него значения: в Кон-и-Гуте он нашел своих детей!

— Но ведь его дети были убиты? Мне рассказывал об этом Голоо в те дни, когда мы коротали время: я — перед своим отъездом в Париж, он — в экспедицию.

— У Мэк-Кормика было двое детей, — девочка и мальчик, — и, действительно, их трупы были найдены, но дело в том, что они никем не были опознаны. Их мать, сестра Ораз-хана, незадолго перед этим таинственно отравленная, по обычаю рокандского дома на груди своих детей поставила особые знаки. Вот эти-то знаки и дали Мэк-Кормику повод думать, что найденные трупы — трупы его детей.

— На трупах были эти знаки?

— Вот именно. Теперь оказалось, что Мэк-Кормик нашел детей. Фон Вегерт пишет мне, что он первое время боялся за его рассудок, — так был счастлив несчастный.

— Как же это произошло?

— О, это целая история! Они встретили там, в Кон-и-Гуте, какого-то старика туземца, который знал эту тайну. Когда-то Мэк-Кормик спас ему жизнь. При каких условиях это произошло — не могу вам сказать, — об этом мне мой друг не пишет. Туземец этот был правой рукой Ораз-хана в Кон-и-Гуте, подобно тому, как профессор Шедит-Хуземи был его правой рукой здесь, у нас.

— Профессор Шедит-Хуземи? Это тот китаец, который хотел убить фон Вегерта?

— Нет, вы спутали. Фон Вегерта хотел убить некий сумпантинец Ли-Чан, в свою очередь — правая рука Шедита. Ли-Чана мы разыскали, хотя и с большим трудом, правда. Когда для меня стала несомненной гибель экспедиции, я счел, что мое обещание молчать о преступлении в «Спленидид-отеле» отпало, и я обо всем, что знал, рассказал сыскальной полиции. При помощи собаки-ищейки китайца нашли, но он бежал, — по-видимому, в Роканд. Что с ним стало — установить не удалось, этому помешало восстание. Кстати, его звали на самом деле Чи-Ланом.

— Значит, это целая организация?

— Несомненно. Известно даже и название: «Общество Зеленой Луны». Располагавшее огромными средствами, оно ставило целью возвращение некоторых утеранных пре-

столов наследникам азиатских властителей, потерявших их. Хан рокандский был одним из таких претендентов. Народ, не разобравший целей, которые они преследовали, поддался на агитацию их агентов и в итоге поднял известное рокандское восстание.

— У вас есть сведения об Ораз-хане?

Бонзельс с удивлением взглянул на нее.

— Он уехал, говорят, куда-то на Восток. Что касается профессора Шедит-Хуземи, то он исчез бесследно. Не было никаких улик против них, хотя теперь выясняется, что убийство Рау-Ру, жены Мэк-Кормика, и похищение его детей...

— Устроено «Общество Зеленой Луны»?

— Достоверно известно, что «Общество Зеленой Луны» служило в руках Ораз-хана ширмой его эгоистическим стремлениям. Как видите, эти люди не останавливались даже перед преступлениями!

— Но как же открылась тайна существования детей?

— Старик-рокандец, как я вам сказал, открыл перед смертью тайну своему спасителю. При нем жила в Кон-и-Гуте девочка, которая не имела представления, кто ее отец. Тот, кого она принимала за отца, дал клятву, что не откроет секрета. Когда же старик, на попечении которого лежал Кон-и-Гут, увидел, что тайна пещеры раскрыта, и что он, оставшийся там в одиночестве и умирающий, уже в силу этого одного должен кому-нибудь передать последнее живое существо в Кон-и-Гуте, — полу-ребенка, полу-женщину, — он во всем открылся Мэк-Кормику.

— А сын его?

— Им оказался Джонни Гарриман!

— Что вы говорите?! Джонни — сын Мэк-Кормика?

— Да. На его груди обнаружен был тот же знак. Когда Джонни узнал примету дочери охотника, он сам открыл, кто был его отцом. В младенческом возрасте он был передан по приказанию Ораз-хана на воспитание какому-то лондонскому мошеннику, из рук которого его вырвал фон Вегерт.

— Но почему Ораз-хан приказал убить свою сестру?

— Как рокандец, он мстил ей за то, что она вышла замуж за англичанина. Каждого из нас он считает своим врагом.

— Но детей он все-таки оставил в живых?

— Да, но скрыл их от отца.

— Жестокий, вероломный человек! — воскликнула Эрна.

— Я передам вам письмо ко мне фон Вегерта. Прочитайте его на досуге, но, кажется, я подробно рассказал вам обо всем, что вас может заинтересовать.

— Вы несказанно обрадовали меня, профессор! За это время я в первый раз почувствовала себя счастливой!

— Дитя мое, позвольте задать вам вопрос?

— Пожалуйста, профессор.

— Но он касается того, что вас, по-видимому, очень огорчает!

— Меня уже ничто не может больше огорчить...

— Когда, наконец, вы снимете вашу вуаль? Даже мне, человеку, который к вам так хорошо относится, вы не показываете своего лица!

— Я никогда не сниму вуали, профессор. Я никого не хочу огорчать своим видом.

Он взял ее за плечи.

— Но ведь я старик! Чего же вы стесняетесь? Я был бы вашим искренним другом, если бы вы этого захотели.

— О, профессор! Вы так добры... я так рада вашим словам...

— Следовательно?

— Я не могу!

— Прошу вас!

Она с минуту колебалась, потом сдернула вуаль.

Но то, что она прочла в смущенных глазах Бонзельса, заставило ее снова быстро ее накинуть.

И он!.. Даже он! Человек, который ничем не интересуется, кроме своей науки!..

Опустив голову, подавленная своим уродством, Эрна Энесли вышла из кабинета ученого, держа в руке толстый конверт, заключавший в себе объемистое послание фон Вегерта к его другу, профессору Бонзельсу.

И вот она снова сидит в том же сквере, где ее когда-то нашел Гарриман... На той же самой скамье...

Она не помнит, как и в тот раз, каким образом она здесь вновь очутилась. Что ее сюда привлекло? Но одно она твердо знает: в дом Голоо она не вернется. Взгляд Бонзельса доказал ей всю тщетность ее надежд: никогда ни один человек не посмотрит на нее иначе, чем с сожалением и ужасом...

Машинально она раскрыла письмо и стала его читать. Сначала строки сливались и она не понимала смысла слов, перечитывая по несколько раз одно и то же место. Но, наконец, механизм чтения отвлек ее от мысли о самой себе, и она перенеслась в них к тем, среди которых находился и тот, кто сказал ей, что любит ее и будет любить вечно.

Она тогда не поверила ему. Любовь с первого взгляда? Этого не бывает.

Нет, она не покажется на глаза этому простодушному влюбленному! Правда, он не похож на других людей... Он выражает все свои чувства как-то иначе, чем, все...

Но и ему нельзя верить! Вечной любви не существует. Она — простой самообман. Стоит ему взглянуть на него и пожалеть, хотя бы это сожаление промелькнула только во взгляде, как у Бонзельса, чтобы сердце ее разорвалось... Пожалеть! О, как ей горько! Так не лучше ли покончить с этой мукой раз навсегда?

Увлажненные глаза ее тем временем пробежали по листкам письма.

...Удалось проследить лишь один только ход из тех трех, о которых говорит Авиценна, — именно правый, в котором легендой обещано «всезнание».

По-видимому, землетрясение, происшедшее здесь, о котором вам, вероятно, известно от сейсмографических станций, совершенно засыпало и завалило центральный и левый ходы. Мож-но думать, что в левом ходе, который скрывает, по словам, Авиценны, «всемогущество», местные жители издревле прятали золото, которое они намывали здесь в огромном количестве, ибо Кон-и-Гут — в полном смысле слова золотое дно! Не этим ли объяс-

няются колоссальные богатства владетеля Кон-и-Гута — Ораз-хана?

...Пещера вулканического происхождения... Работа воды и другие медленно действующие силы создали теперешний вид пещеры, которую местные обитатели приспособили под свои секретные надобности, руководствуясь, очевидно, директивой рокандских ханов, властителей этих мест...

Научное описание Кон-и-Гута воспринималось сознанием Эрны постольку, поскольку встречавшееся в нем имя Ораз-хана воскрешало в ней обстановку, одним из действующих лиц в которой была и она. Когда она дошла до описания того, что сделал для раскрытия тайны Кон-и-Гута Гарриман, она стала вчитываться в каждую строчку, пытаясь найти сведения и о Голоо. Фон Вегерт писал:

...Когда мы нашли аэроплан и я убедился, что он является единственным способом нашего спасения, передо мной стал во весь рост вопрос: как его использовать, раз в нашем распоряжении нет ни одного лица, умеющего им управлять. Первым задал этот вопрос Голоо. На наше счастье, Гарриман нашел в аэроплане брошюру с полным описанием устройства механизма, чертежами и инструкцией по управлению им.

Дорогой друг! Наука еще раз доказала, что для нее нет ничего невозможного! Я засел за изучение найденного материала. Аэроплан, который мы выкатили из его оригинального аэродрома — кон-и-гутской пещеры — и поставили у своей юрты, был изучен мной в подробностях. Не знаю, плохо или хорошо я, который никогда не видал вблизи летательной машины, управлял им в нашем полете через Голодную пустыню, но так или иначе, а все те, которые доверили мне свою жизнь, целы. Должен признаться, однако, что от аэроплана остались одни щепки, ибо при спуске одной теорией никак не обойтись, а нужен опыт, которого у меня не было даже в минимальной дозе.

Мэк-Кормик, Гарриман и Боб здоровы, один наш Голоо свалился с ног. Можно подумать, что ему не хочется возвращаться в Лондон! Именно из-за него мы все невольно задержимся, и это мое письмо опередит нас, вероятно, на неделю...

Эрна вздохнула.

...Гарриман показал себя отменным молодцом. В конце концов, именно ему принадлежит честь открытия и, пожалуй, единственного исследования кон-и-гутской пещеры. Он оказался прав в своем утверждении, что надпись рокандского камня представляет собой план ее. Руководствуясь им и легендой Авиценны, Гарриман исследовал единственный доступный ход — правый.

Когда он натолкнулся на каменное изваяние верблюда и каменные изображения неизвестных существ, — очевидно, «талисман» Авиценны, — он, убедясь в том, что можно смело двигаться по указанию надписи, и прошел этот ход, как мы с вами пройдем нашу Академическую улицу. Вы будете несказанно удивлены, узнав, что в этом правом ходе найдено. Сделано открытие чрезвычайной важности: обнаружена библиотека! Несомненно, это библиотека Тамерлана. Найдены в огромном количестве книги, манускрипты и папирусы, которые он бережно собирал во всех своих походах и перед смертью, как известно, во избежание участи, которую уготовил злой рок Александрийской библиотеке, скрыл в каком-то потайном месте, до сего времени оставшемся неизвестным, несмотря на все догадки ученого мира Запада и Востока.

Вы согласитесь, что перед открытием Гарримана бледнеют наши заслуги перед наукой, и даже те сто тысяч фунтов, которые он должен нынче получить — сущая безделица в сравнении со стоимостью им найденного сокровища.

Итак, до скорого свидания! Надо надеяться, что Голоо вскоре поправится, — его несколько потрепало в экспедиции, так как на нем всегда лежали опасные и тяжелые работы, как на непревзойденном силаче и храбреце. Два раза он спасал нам жизнь. Во-первых, тогда, когда ему пришлось удерживать плечами многопудовую глыбу, которой чуть не задавило нас а пещере, во-вторых, в момент нашего отбытия из Кон-и-Гута, когда на аэроплан бросился охотничий гепард, приревновавший к нам Аль-Наи, — я еще не сообщил вам, что так зовут найденную дочь Мэк-Кормика, — которую мы увозили.

Когда мы улетели, под вечер, выбрав сравнительно тихий день, — последнее время там свирепствовал ураган, — нас сопровождал, злобно рыча, только один этот гепард, единственное живое существо, оставшееся на страже Кон-и-Гута, по имени Гарра. Последний из рокандцев, обитавших в Кон-и-Гуте, древний старец, — его звали мирза Низам, — умер утром этого памятного дня.

Поздравьте меня с тем, что мне удалось все-таки, с помощью Гарримана, довести до решения кон-и-гутский вопрос, Мэк-Кормика с тем, что он нашел своих детей, Боба — с окончанием экспедиции. С чем поздравить Голоо — не знаю. Он очень грустит...

Итак, через неделю она их всех могла бы увидеть. И — Голоо... Могла бы... Но она этого не хочет. Нет? Ни под каким видом! Лучше унести с собой в могилу хотя бы одно: надежду на то, что не для всех на земле была она только объектом жалости, поводом для страдания...

Ровно через неделю остатки кон-и-гутской экспедиции, — ее основное ядро, — прибыли в Лондон.

На следующий день по прибытии в залах Британского музея должно было состояться чествование в домашнем кругу ученых. Торжественное заседание, посвященное оглашению результатов экспедиции, предполагалось назначить впоследствии, после того, как фон Вегерт будет готов со своим докладом по вопросу.

На чествование прибыли все, включая Аль-Наи и Голоо.

Аль-Наи, одетая по-европейски, с открытым лицом, вызвала всеобщее восхищение своей экзотической внешностью и странностью своей судьбы.

Голоо уже отобрал дома все сведения об Эрне, об ее болезни и странной манере закрывать лицо. Горю его не было конца, когда он узнал, что она пропала без вести. От профессора Бонзельса через фон Вегерта ему стало известно, что мисс Энесли была осведомлена об их приезде.

— Значит, она скрылась умышленно! Ясно, что она не желает меня видеть... Можно было бы попытаться разыскать ее, но к чему это приведет?

Старый тренер Голоо, явившийся его навестить, укоризненно воскликнул, взглянув на него:

— Дружище, вы потеряли по меньшей мере сорок фунтов. Вы — не боксер теперь, а мешок с костями!

Голоо только махнул рукой.

На чествовании Голоо был торжественно спокоен, и только приметливый взгляд Гарримана уловил, что на душе его происходит что-то особенное. Он больше не улыбался, тот самый Голоо, с лица которого никогда, бывало, не сходила улыбка!

Мэк-Кормик же как бы воскрес для новой жизни. Завтра он поедет с детьми к мавзолею, где похоронена их мать, любимая им Рау-Ру... Сегодня он — официальный центр торжества. К нему тянутся руки с поздравлениями. Он относит их к фон Вегерту и своему сыну, говоря, что вместе с целью экспедиции достигнута цель его жизни, оправдан смысл его существования, — с него достаточно награды.

Гарриман, между тем, шепчет что-то на ухо фон Вегерту.

Последний удивленно прислушивается к тому, что тот ему говорит, и знаками подзывает к себе Бонзельса.

— Джонни заявляет, — говорит он ученому, — что он хотел бы купить рокандский камень. Не понимаю, зачем он ему понадобился, но...

— Купить рокандский камень? Это невозможно. Ведь вы знаете, дорогой Вегерт, что музей ничего не продает из своих коллекций.

— Я предложил бы любую цену, — сказал Гарриман.

— Любую цену?

— Да.

— Все равно, мой друг, это было бы совершенно в обход всех правил, совершенно! Я не могу вам продать камня, тем более, что я-то и есть как раз ответственный хранитель всех ценностей музея, как его директор.

— Между тем, мне очень важно получить камень в собственность.

— Почему? Зачем вам понадобился этот булыжник, представляющий отныне лишь весьма относительный исторический интерес?

— Если вы мне его не продадите, его все равно у вас возьмут, и вы его даже не найдете, конечно.

— Возьмут?

— Да, возьмут. Вернее, похитят.

— На этот раз, Гарриман, не мы — вам, а вы нам задаёте загадки! Камня все-таки я вам не продам ни за что!

— А если бы я вам отдал за него мою...

— Вашу голову? Ну! На такой обмен я согласен.

— Не голову, господин профессор, а премию.

— Премию? Премию Гармониуса, которую уступил вам профессор Свендсен? Да вы с ума сошли! Ведь это сто тысяч фунтов!

— Я предлагаю вам их за камень.

— Миллион за булыжник?!

— Да.

— Берите его в таком случае вместе с его соседями по витрине, вместе с самой витриной! Ну и чудак же вы, Гарриман!

Гарриман улыбнулся.

— Когда я его могу получить?

— Хотя сейчас. Пойдемте.

— Голоо, — обратился Гарриман к боксеру, — я прошу вас донести до этого стола рокандский камень, который я приобрел у музея.

Когда Голоо положил камень, вынутый им из витрины на стол, около столпились все присутствующие, с любопытством разглядывавшие предмет, послуживший началом и причиной всех тех необыкновенных событий, которые произошли в связи с раскрытием тайны его надписи.

— Смотрите, господа, — сказал фон Вегерт, — вот строки надписи!

И он надавил ножом на затертые места... Замазка стала отпадать.

Все с интересом наклонили головы к камню, лежавшему посередине стола в своей первобытной наготе...

Тем временем Голоо, отошедший в глубину зала, заложив руки за спину, понуро бродил между витрин. Вдруг взгляд его упал на темную фигуру, стоявшую у колонны.

Женщина под вуалью! Он протер свои глаза. Нет, это действительно живой человек. Но... Он вздрогнул. Не

видение ли это? Это не мисс Энсли, конечно. Что бы ей здесь делать, в этом углу? Однако...

Он ускорил шаги.

Женщина трепетно поднесла свои руки к груди и выпрямилась.

Голоо не видел ее лица, но всем своим существом внезапно почувствовал, что это — *она*! Та самая белокурая красавица, которая была с ним в мыслях, в мечтах, в сердце, все это долгое время...

Он остановился, чувствуя, что в виски стучит кровь и сердце готово разорваться от волнения.

— Мисс Энсли... — прерывающимся голосом назвал он дорогое имя.

Женщина, казалось, собиралась с силами. Она оперлась о колонну, чтобы не упасть.

— Да это я, Голоо... — почти прошептала она.

Как будто что-то теплое залило его. Он больше не владел собой. Она не успела ничего сказать ему, ни схватить его за руку. Рука эта подняла вуаль, покрывавшую обезображенное лицо, и Голоо, весь трепеща, стал покрывать его долгими тихими нежными поцелуями.

Счастливые слезы лились из ее закрытых глаз. Приникши к нему, она потеряла остаток последних сил.

— Вы моя зеленая травка... — шептал обезумевший от счастья Голоо, — вы — моя ключевая вода... Луч солнечный, вернувший мне жизнь... Я буду вас любить, пока не умру, и ничего мне взамен не надо!

Громкие возгласы: «Мистер Голоо!» вернули их к действительности. Он огляделся и увидел вдаль, у ярко освещенного висячей лампой стола, на которой он положил рокандский камень, расступившуюся толпу зрителей, глядевших в их сторону.

Он взял под руку Эрну и, когда она хотела опустить вуаль, мягко, но решительно вновь откинул ее.

— Я люблю вас...

Только это он сказал ей.

Она выпрямилась под его взглядом и шагами, которые приобрели твердость, подошла вместе с ним к столу.

Гарриман быстрым взглядом окинул спутницу Голоо, и улыбка удовольствия промелькнула на его лице.

Мэк-Кормик подходил к ней с протянутыми руками...

— Мне нужна ваша помощь, Голоо, — сказал Гарриман.

Голоо сделал вопросительное лицо.

— Здесь нет никакого тяжелого предмета, вроде молотка. Между тем, он мне нужен. Я вспомнил о вашем кулаке.

Раздался сдержанный смех.

Голоо обидчиво покосился на своего друга.

— Я говорю серьезно! Дело видите ли в том, что мне совершенно необходимо разбить этот камень. Можете ли вы это сделать?

— Нет, не могу, — отвечал досадливо Голоо.

— Попробуйте. Я уверен, что это вам удастся.

Голоо окинул взглядом камень и, взглянув на Эрну, пробормотал:

— Что они, издеваются надо мной, что ли?

— Я настоятельно прошу вас исполнить мою просьбу. Я прошу вас только ударить по камню.

Раздосадованный негр хватил с размаха своим кулаком по центру надписи и сморщился от боли. Но то, что он внезапно увидел, превозмогло ее.

Камень раскололся, словно яичная скорлупа. В сердцевине его сверкал другой большой камень, переливаясь под светом лампы всеми цветами радуги...

— Полый камень пустыни! — воскликнул фон Вегерт.

— Бриллиант! — вскричал чей-то голос.

— Да, бриллиант Кон-и-Гута, — тихо проговорил Гарриман.

Бонзельс во все глаза глядел на это чудо природы.

— Но дайте же, наконец, нам объяснение! Как вы отгадали, что камень содержит этот драгоценный плод? — сказал он.

И Гарриман рассказал присутствующим про то, что натолкнуло его на догадку.

Он нашел в пещере, в правом ходе ее, те два камня с надписями, о которых говорит Авиценна. На одном из них стоял лишь выбитый знак, изображение стрелки: оче-

видно, это было указание направления. На другом не было никакого знака, никакой надписи, но он был расколот надвое, и в полый сердцевине его он нашел записку...

— Вот она!

И Гарриман протянул профессору Бонзельсу клочок пергамента, на котором четко вырисовывалось одно только слово:

Янаон.

— То же слово, которое значится на этикетке, приклеенной неизвестно кем к рокандскому камню?

— Совершенно верно, — ответил Гарриман.

— Следовательно, вы заключили по аналогии, что рокандский камень тоже полый?

— Да.

— Но как вы догадались, что в нем извека хранится рожденный тысячелетиями алмаз?

— Но ведь все мы знаем от профессора Вегерта, — от дяди Роберта, — добавил он, улыбаясь, — что полые камни пустыни, из которых солнце вытягивает влагу, часто являютсяместищем драгоценных камней.

— Только никто, кроме вас, не обратил на это внимания.

— Да. Это был мой маленький секрет от всех. Даже от вас, Голоо, хотя именно вы носили мне, ворча, — вы помните? — те расколотые камни, которые валялись в Кон-и-Гуте в таком множестве.

— Значит, местные жители занимались добыванием драгоценных камней?

— Надо думать, что так.

— Ну, Гарриман, вы сделали сегодня хорошую покупку, — заметил профессор Бонзельс.

— Я соглашаюсь с вами, — несколько смущенно проговорил Гарриман, — только потому, что я нашел сейчас своей покупке отличное применение.

Он смолк, глаза его смотрели на Эрну.

— Мне хотелось бы, чтобы мисс Энесли приняла от меня это, — Гарриман поднял обеими руками основание камня, на котором лежала сверкающая драгоценность, — в качестве моего свадебного подарка.

И он протянул ей на этом удивительном подносе вещей камень, к которому еще не прикасалась человеческая рука...

Приложение

ЭРАЗМ БАТЕНИН

Не то в конце двадцатых, не то в начале тридцатых годов случилось мне беседовать с Е. Ф. Никитиной о библиографии научно-фантастической и приключенческой литературы. И тут, к слову пришлось, она предложила познакомиться меня с Эразмом Батениным.

Мне были известны его роман «Бриллиант Ко-и-Нура»¹ и рассказ «Приз Эль-Мерта» в альманахе «На суше и на море» (М., «Молодая гвардия», 1928). Обе вещи приключенческие, с добротнo построенными сюжетами, с неплохо очерченными персонажами, написаны ясным, выразительным языком. Автор безусловно обладал литературным дарованием. Подписывался он — Эразм Батени. Странный псевдоним: просто опущена последняя буква фамилии.

Позднее он объяснил мне причину происхождения этого псевдонима. Она оказалась очень оригинальной. Когда обложка романа была уже готова и надо было его переплести, кто-то не рассчитал и отрезал последнюю букву фамилии автора. И тут Батенин сказал: «Пусть останется так, это будет мой псевдоним».

Эразм Семенович принял меня приветливо. Это был плотный, невысокий, но стройный мужчина, немолодой, но молодежавый. Он казался выше своего роста благодаря военной выправке. Жил он в старом одноэтажном особнячке в одном из переулков Арбата. Особняк целиком был предоставлен в его пользование, так как он занимал довольно крупную должность.

Выяснилось, что литературная работа для Батенина — своего рода любительское занятие. По профессии он был

¹ Так у автора (*Прим. сост.*).

военный. До революции был полковником генерального штаба. После революции стал работать в Красной Армии. Работником он был вполне лояльным. Понять его психологию мне было нелегко. Как он откровенно объяснил мне, военная служба для него призвание, любимая работа, и ему не так важно, для кого ее выполнять, лишь бы хорошо выполнять. Не знаю, была ли это рисовка, но если и рисовка, то характерная. Я говорил ему, что считаю: убивать людей или способствовать убийству их — занятие не-симпатичное само по себе и может быть оправдано только высокой целью завоевания свободы, защиты ее, защиты Отечества.

Батенин слушал меня внимательно и любезно, но равнодушно. Военное дело было для него и профессией, и призванием. Свои литературные произведения он откровенно признавал второстепенным занятием, а вот руководства по стрелковому делу писал с увлечением. Не помню точно, как называлась занимаемая им в ту пору должность — что-то вроде главного инспектора милиции по стрелковой части. Но это его не устраивало — он мечтал о строевой службе: «Дали бы мне полк где-нибудь на востоке, послали бы повоевать!» Военным делом он интересовался отнюдь не с какой-либо принципиальной точки зрения, а с узкопрофессиональной. Однажды он обронил такое замечание: «Если бы я был в Петрограде во время Февральской революции, не скажу, чтобы я совсем ее ликвидировал, но на несколько дней, во всяком случае, задержал бы».

А зачем ему нужна была бы эта задержка, раз революция все равно, как он сам потом понял, неизбежно совершилась бы? Ведь эта задержка означала бы только лишние и бесполезные человеческие жертвы. То была похвальба профессионала военного дела, гордящегося своим искусством и не думающего о жертвах.

Но контрреволюционером Батенин не был — во всяком случае, в тот период, когда я знал его. Он понял, что революция победила раз и навсегда, и честно служил народу, хотя и не руководствовался теми высокими побуждениями, которые свойственны революционерам.

В частной жизни он был человек добродушный, приветливый, гостеприимный. Под стать ему была его жена — уже тоже немолодая, высокая, худощавая, с внешностью породистой аристократки и такая же приветливая и простая в обращении. Как-то я пришел, когда Эразма Семеновича еще не было дома, и застал его жену за не очень подходящим для аристократической дамы занятием: она грызла семечки. В те годы это лакомство было в ходу, она и меня угостила им. В это время пришел Батенин. Стоя в дверях, он насмешливо улыбнулся и сказал: «Мужики!» Но тут не было ни презрения к крестьянам, ни осуждения нас — только добродушная ирония. Да он и сам тут же присоединился к этому занятию.

Батенин интересовал меня не только как писатель родственного мне жанра, но и как своеобразный человек, любопытный «обломок империи», сумевший все же найти свое место в жизни Советского Союза и, несмотря на отсутствие революционных убеждений, стать полезным нашему государству.

В конце тридцатых годов Батенин исчез.

Об авторе

Биографические сведения об Эразме Семеновиче Батенине (1883-1937) чрезвычайно обрывочны и скудны. Он родился в Вязьме, был произведен в офицеры из вольноопределяющихся, служил в лейб-гвардии Кавалергардском полку. После Февральской революции – помощник главкома военной охраны Петрограда. В 1918-1919 гг. работал в Главархиве (председатель и главный редактор военного научно-издательского отдела), вел научно-исследовательскую работу, лелеял планы советской экспансии в Туркестан, Афганистан и Индию, на почве чего виделся с Л. Троцким. Позднее военный специалист, научный работник, действительный член Общества естествознания, антропологии и этнографии. В 1930 г. был арестован в Москве по обвинению в шпионской деятельности, освобожден за недоказанностью. Был арестован 30 апреля 1935 г. по обвинению в участии в собраниях «рабочей оппозиции» одновременно с (внештатной?) работой в НКВД. На следствии вину не признал. В июле 1935 г. был приговорен к пяти годам лагерей, отбывал наказание в Соловках. 10 октября 1937 г. был приговорен к расстрелу Особой тройкой УНКВД ЛО, расстрелян 4 ноября 1937 г. в Сандармохе.

Роман «Бриллиант Кон-и-Гута», впитавший всевозможные легенды и предания о пещере-руднике Кан-и-Гут в современной Баткенской области Киргизии (юго-западная часть Ферганской долины), вышел в двадцатые годы двумя изданиями (М.-Л.: ЗИФ, 1926; 1928). Следует указать, что в связи с этой книгой Батенину приписывается роль одного из организаторов так называемой «Большой Кон-и-Гутской экспедиции» 1920 г., за которой стоял служивший в то время в Туркестане видный чекист Г. Бокий (1879-1937); неизвестно, имеются ли для этого какие-либо основания.

В 1929 г. Батенин выпустил также небольшую книжку «Авантюрные рассказы». Помимо этого, в 1926-28 гг. он выступал как редактор и автор справочников-путеводителей по Крыму и Кавказу, в 1929 г. написал очерк «Тибет» для книги В. Мак-Говерна «Переодетым в Лхассу», в 1933 г. – пособие «Сбережение ноги лошади» и т.д.

Текст романа «Бриллиант Кон-и-Гута» публикуется с исправлением очевидных опечаток и ряда устаревших особенностей орфографии и пунктуации. Мемуарный очерк А. Палея публикуется по кн.: *Палей А. Встречи на длинном пути* (М., 1990). Издательство приносит глубокую благодарность В. Окулову за предоставленные сканы данного очерка.

Оглавление

Глава I. Заседание в Географическом институте	6
Глава II. Тайна рокандского камня	17
Глава III. Там, за Голодной пустыней смерти...	36
Глава IV. В чем же дело?	53
Глава V. Ночь в «Сплендид-отеле»	64
Глава VI. Сундук с сум-пан-тиньской майоликой	80
Глава VII. Любовь с первого взгляда	99
Глава VIII. Кое-что разъяснилось	110
Глава IX. Два состязания	125
Глава X. В Кон-и-Гут	144
Глава XI. Пророчество исполняется	163
Глава XII. Из Парижа в Лондон	176
Глава XIII. В пещере	187
Глава XIV. Миллион за булыжник	204
Приложение	
А. Палей. Эразм Батенин	219
Об авторе	222

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.